

НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕСТВА

Теория ассамбляжей и социальная сложность

МАНУЭЛЬ ДЕЛАНДА

Настоящая серия формируется из книг авторов, так или иначе инспирированных философским проектом Делёза и/или Делёза-Гваттари. Независимо от тематической и дисциплинарной принадлежности. Это могут быть тексты по теории искусства, социальной и политической теории или же историко-философские исследования. И если теория, по известному утверждению Делёза, — это «ящик с инструментами», то в отношении «делёзовской теории» наиболее важным представляется умение выбрать тот или иной инструмент (либо набор инструментов), отделив его от массы других, и правильно использовать. Точнее, в ходе использования путем бесконечного числа вариаций (пере)изобрести саму эту «правильность». То, как это делать, и будут наглядно показывать выходящие в настоящей серии книги.

УДК 111:316
ББК 87.6
Д29

Научный редактор *Д. Вяткин*
Редакторы *А. Морозов, Я. Цырлина*

Деланда, Мануэль

Д29 Новая философия общества : Теория ассамбляжей и социальная сложность / М. Деланда ; пер. с англ. К. С. Майоровой. — Пермь : Гиле Пресс, 2018. — 170 с.

ISBN 978-5-9906611-9-6

В своей книге американский философ Мануэль Деланда предлагает новый подход к онтологии общества. Для этого он обращается к теории ассамбляжей, концептуальный аппарат которой «рассеян» по произведениям Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Ассамбляжи — это конструкции, или динамические отношения, существующие в виде автономных целостностей, которые состоят из гетерогенных частей любой природы, в свою очередь, также являющихся ассамбляжами. Будучи ассамбляжами, части и целостности обладают равной реальностью, и это налагает запрет как на сведение целого к сумме частей, так и на выведение частей из целого: любое отношение между ассамбляжами или «внутри» ассамбляжей — отношение внешнее. Применительно к обществу это позволяет Деланде избежать трех видов редукционизма: микроредукционизма, представляющего общество как совокупность атомизированных индивидов; макроредукционизма, утверждающего производность индивидов от стоящих над ними социальных структур; мезоредукционизма, допускающего существование промежуточного уровня, который определяет и индивидов, и структуры.

УДК 111:316
ББК 87.6

ISBN 978-5-9906611-9-6

© Manuel DeLanda, 2006

Перевод книги публикуется с разрешения
Bloomsbury Publishing Plc.

© К. С. Майорова, перевод на русский язык, 2017

© Издательство «Гиле Пресс», издание на русском языке, 2018

Содержание

Введение **7**

1. Ассамблежи против тотальностей **17**

2. Ассамблежи против Сущностей **37**

3. Люди и сети **61**

4. Организации и правительства **85**

5. Города и нации **115**

Примечания **145**

Введение

Цель данной книги — обозначить новый подход к онтологии общества. Как и любое онтологическое исследование, эта книга касается следующего вопроса: за существование какого рода сущностей (*entities*)^{*} мы можем законно поручиться? Принятую здесь онтологическую позицию традиционно называют «реалистической». Такая позиция определяется через признание существующей независимо от сознания реальности. В случае онтологии общества, однако, это определение придется немного ослабить, потому что, как только исчезнет человеческое сознание, большинство социальных сущностей — от маленьких сообществ до крупных национальных государств — тоже перестанут существовать. В этом смысле социальные сущности определенно не являются независимыми от сознания. Поэтому реалистический подход к онтологии общества должен утверждать независимость социальных сущностей от наших концепций о них. Сказать, что социальные сущности обладают реальностью, независимой от концепций о них, — значит всего-навсего утверждать, что теории, модели и классификации, которые мы используем для их изучения, могут быть объективно ошибочными, то есть, что они могут не зафиксировать реальную исто-

* Английский термин «*entit(y/ies)*» — обозначающий здесь относительно автономные образования, или единицы сущего, любое из которых, независимо от «размера», обладает тем же онтологическим статусом, что и любое другое образование, — переводится здесь и далее как «сущность(ь/и)». Чтобы отличить такие сущности от обычно переводимого на русский язык тем же словом термина «*essenc(e/es)*» (противопоставление крайне важное для антиэссенциалистской логики автора), означающего «сущность чего-либо», последний термин будет переводиться словом с прописной буквы, то есть как «Сущность(ь/и)». (Звездочкой обозначены примечания и комментарии переводчика и/или редактора, тогда как цифрой-номером — примечания автора и библиографические ссылки в конце книги; если цифровая сноска при этом имеет нижнее подчеркивание, то примечание содержит информацию, отличную от чисто библиографической.)

рию и внутреннюю динамику этих сущностей или зафиксировать ее неверно.

Однако нам известны примеры, когда используемые социологами модели и классификации сами оказывали влияние на поведение изучаемых сущностей. Политические или медицинские классификации, где используются такие термины, как «мигрантка» или «гиперактивный ребенок», могут вступить во взаимодействие с классифицируемыми таким образом людьми, когда они узнают, что их классифицировали именно так. В первом случае женщина, бегущая от невыносимых условий своей страны, может узнать о критериях, по которым в стране, куда она хочет мигрировать, классифицируют «мигранток», и изменить свое поведение так, чтобы подойти под эти критерии. Здесь довольно сложно сохранить онтологическую привязанность к референту термина «мигрантка», так как каждое конкретное употребление термина может породить собственные референты. С другой стороны, принятие того, что референты некоторых общих терминов могут быть движущимися мишенями, не подрывает социальный реализм: для объяснения случая мигранток, помимо знания значения термина «мигрантка», нужно допустить объективное существование целого ряда институтов (судов, миграционных служб, аэропортов и морских портов, следственных изоляторов), институциональных норм, объектов (законов, обязательных к исполнению решений суда, паспортов) и институциональных практик (задержаний, осуществления контроля, допросов), образующих контекст, в котором происходит взаимодействие между категориями и их референтами. Иными словами, проблема для реалистической онтологии общества возникает здесь *не потому, что значения всех общих терминов определяют то, как именно социологи воспринимают свои референты* (что замыкало бы цепочку в порочный круг), а лишь в некоторых случаях и в контексте институтов и практик, несводимых к значениям. Как пишет философ Ян Хакинг,

я не имею в виду, что гиперактивные дети как индивиды сами по себе узнают о том, к какому классу их отнесли и тем самым реагируют на классификацию. Разумеется, так могло случиться, но взаимодействие возникает в более сложной матрице институтов и практик, окружающих эту классификацию. Были времена, когда детей, классифицированных как гиперактивных, помещали в классы, где внешние стимулы были минимизированы, чтобы не давать поводов для излишней активности. Парты поодаль друг от друга. Голые стены. Окна завешены плотными шторами. Учителя одеты в одно-

тонную черную одежду без каких-либо рисунков. Стены обладают минимальным звукоотражением. Классификация «гиперактивный» взаимодействовала с ребенком не просто потому, что он услышал это слово применительно к себе и изменился в соответствии с этой классификацией. Взаимодействие классификации с теми, кто был так классифицирован, происходит в институтах и практиках, основанных на факте классификации детей таким образом¹.

Короче говоря, даже если мы признаем существование проблемных случаев, когда значения слов оказывают влияние на свои референты, это не ставит под угрозу реалистический подход к институтам и практикам. Наоборот, правильное решение этой проблемы, кажется, требует такой онтологии, в которой существование институтов, межличностных сетей и многих других социальных сущностей принимается как независимое от восприятия. Такое реалистическое решение диаметрально противоположно идеалистическому, которого придерживаются феноменологически ориентированные социологи — так называемые «социальные конструктивисты». В действительности, как отмечает Хакинг, эти социологи используют термин «конструирование» в чисто метафорическом смысле, игнорируя «его буквальное значение, строительство или сборку из частей»². В противоположность этому, реалистическая социальная онтология, представляемая в этой книге, говорит об объективных процессах сборки (*assembly*): множество социальных сущностей — от конкретных людей до национальных государств — будут рассмотрены как ассамбляжи³, сконструированные в ходе

При переводе текстов Делёза и Гваттари на английский язык закрепилась практика передавать французское слово «*agencement*», означающее расположение, компоновку, расстановку, устройство и т. д., словом «*assemblage*», которое встречается и в английском, и во французском языке, означая соединение или собирание чего-либо вместе либо же результат такого соединения или собирания, и которое также фигурирует в оригинальных текстах Делёза и Гваттари, но играет там техническую, а не концептуальную роль. В свою очередь, в переводах на русский язык за словом «*agencement*» закрепилось слово «сборка», во многом аналогичное слову «*assemblage*». При переводе настоящего текста для передачи английского существительного «*assemblage*» было решено использовать кальку «ассамбляж», а для передачи глагола «*assemble*» — слово «сборка». Калькирование слова «*assemblage*», несмотря на то, что его соответствие французскому «*agencement*» проблематично, оправдано в той мере, в которой сам автор предлагает рассматривать свою теорию ассамбляжей, «теорию ассамбляжей 2.0», как результат продуктивного дистанцирования от текстов Делёза и Гваттари и от их (так до конца и не разработанной, по мнению автора) теории ассамбляжей, «теории ас-

конкретного исторического процесса, в котором язык играет важную, но не решающую роль.

Теория ассамбляжей и процессов, которые создали и стабилизировали свои исторические идентичности, была создана философом Жилем Делёзом в последние десятилетия XX века. Предполагалось, что эта теория будет приложима к широкому спектру целостностей, сконструированных из гетерогенных частей. Различные сущности — от атомов и молекул до биологических организмов, видов и экосистем — могут рассматриваться как ассамбляжи, то есть продукты исторических процессов, и такое рассмотрение может оказаться продуктивным. Разумеется, подразумевается, что за термином «исторический» стоит не только история человечества, но и космологическая и эволюционная теория. Теория ассамбляжей может применяться к социальным сущностям, но сам факт того, что она преодолевает разделение природа-культура, свидетельствует о состоятельности этой теории именно как реалистической. Однако можно возразить, что относительно немногочисленные страницы в работах Делёза (многие из которых написаны вместе с Феликсом Гваттари), посвященные теории ассамбляжей, едва ли тянут на полноценную теорию³. Это и в самом деле справедливое замечание. Но концепты, при помощи которых на этих страницах определяются характеристики ассамбляжей (такие концепты, как «выражение» и «территоризация»), разрабатывались в тесной связке с другими концептами, разбросанными по работам Делёза. Принимая во внимание всю сеть идей, в рамках которой концепт «ассамбляжа» демонстрирует свои концептуальные обязательства, мы имеем дело как минимум с зачатками теории. Но это, в свою очередь, создает другую проблему. Определения концептов, задействованных в описании ассамбляжей, рассредоточены по всему корпусу работ Делёза: частично определение может быть представлено в одной книге, затем получить развитие в другой, а свое применение найти в каком-нибудь малоизвестном и туманном эссе. Даже в тех случаях, когда концептуальные определения локализованы компактнее, они обычно даны в виде, который не допускает прямолинейной интерпретации. Кажется, книга

самбляжей 1.0». Другими словами, такая передача термина «*assemblage*» с большей легкостью позволит читателю удержать концептуальные отличия данного текста от текстов Делёза и Гваттари — как в их оригинальном виде, так и в виде уже существующих переводов на русский язык. При этом для придания настоящему тексту большей терминологической связности в цитатах из русских переводов Делёза и Гваттари термин «сборка» заменен на термин «ассамбляж».

о теории ассамбляжей обречена посвятить львиную долю своих страниц занятиям герменевтикой.

В другой своей работе, чтобы избежать этого, я реконструировал делёзовскую онтологию как нечто цельное — включая те ее части, что напрямую связаны с теорией ассамбляжей, — в ясной аналитической манере, которая делает предварительное знакомство с тем, что Делёз «реально подразумевал», излишним⁴. В этой книге я прибегну к схожей стратегии: я дам всем техническим терминам мои собственные определения, использую собственные аргументы для их обоснования и задействую всецело разнородные теоретические ресурсы для их развития. Этот маневр не сможет в полной мере устранить необходимость обращения к интерпретации Делёза, но позволит выполнить данную часть работы посредством сносок. Читатели, которые решат, что предложенная здесь теория не строго соответствует теории Делёза, вполне могут называть ее «новой теорией ассамбляжей», «теорией ассамбляжей 2.0» или как-нибудь еще.

В первых двух главах книги представлены фундаментальные идеи подобной реконструкции теории ассамбляжей. Прежде всего в данной теории должен рассматриваться синтез свойств целого, несводимого к своим частям. Относительно этой синтетической функции у теории ассамбляжей есть гораздо более старые соперники, например гегелевская диалектика. Таким образом, важной задачей первой главы является противопоставление ассамбляжей гегелевским тотальностям. Ключевое различие между ними заключается в том, что в теории ассамбляжей то обстоятельство, что целое обладает синтетическими и эмерджентными⁵ свойствами, не препятствует возможности анализа. Иными словами, в отличие от органических целостностей, части ассамбляжа не образуют бесшовного монолитного целого. Во второй главе я покажу, что, коль скоро исторические процессы используются для объяснения синтеза неорганических, органических и социальных ассамбляжей, то для по-

* При переводе группы терминов, производных от английского глагола «emerge» — обозначающего в данном тексте процесс возникновения, в ходе взаимодействия частей, чего-то нового, в этих частях не содержащегося и к ним не сводимого, — здесь и далее мы будем руководствоваться следующим: если речь идет о самом процессе, то «emerge» будет переводиться словом «возникать» и производными от него, а «emergence» как «возникновение»; если же речь идет о результатах такого процесса или о феномене возникновения в целом, то, чтобы подчеркнуть его концептуальное своеобразие, будет сохраняться английская основа — эмерджентные свойства, эмерджентность, эмерджентия.

нимания устойчивости их идентичностей больше не требуется прибегать к эссенциализму. Это позволяет теории ассамбляжей избежать одного из важнейших недостатков иных форм социального реализма — онтологической приверженности наличию Сущностей (*essences*).

После изложения ключевых идей следующие три главы будут посвящены приложению теории ассамбляжей к изучению конкретных случаев — проблеме связи между микро- и макроуровнями социальной реальности. Традиционно эта проблема рассматривалась в редукционистских терминах. Редукционизм в общественных науках часто иллюстрируется характеристикой микроэкономики как методологического индивидуализма, для которого имеют значения лишь рациональные решения, принимаемые изолированными друг от друга индивидами. Но феноменологический индивидуализм социального конструктивизма также является редукционистским, несмотря на то, что его понятие микроуровня имеет в своей основе не рациональность индивида, но рутинные действия и категории, структурирующие индивидуальный опыт. Ни одна из этих версий индивидуализма не опровергает существования (в дополнение к рациональности или опыту) чего-то вроде «общества как целого». Но подобная сущность концептуализируется как простой агрегат, то есть целое, не имеющее свойств, которые могли бы быть чем-то большим, чем просто сумма его частей. По этой причине мы можем обращаться к этим решениям проблемы «микро-макро» как к «микроредукционизму».

Другая позиция в рамках проблемы соотношения микро- и макроуровней предполагает реальное существование общественных структур; отдельные люди при таком подходе оказываются просто продуктами общества, в котором они родились. Ранний Дюркгейм, поздний Маркс и функционалисты вроде Толкотта Парсонса придерживались таких взглядов. Эти авторы не отрицают существования отдельных индивидов, но предполагают, что как только индивиды оказываются социализированы семьей или школой, они усваивают ценности общества или социального класса, которым сами принадлежат, так что их принадлежность определенному социальному порядку можно воспринимать как нечто данное. В силу этого микроуровень стремится стать простым эпифеноменом, и потому этот взгляд можно назвать «макроредукционистским». Существует множество других позиций в социальных науках по отношению к проблеме артикуляции микро и макро, включая создание такого промежуточного уровня, как праксис, — настоящего яд-

ра социальной реальности, в которой в качестве побочного продукта этого фундаментального уровня имеется индивидуальная деятельность, и социальная структура. Это похоже на взгляд, которого придерживается известный современный социолог Энтони Гидденс; его можно назвать «мезоредукционизмом»⁵.

Разумеется, эти три редукционистские позиции не исчерпывают всех возможностей. Работы многих социологов фокусируются на социальных сущностях, которые не относятся к микро-, ни к макроуровням: работа Эрвина Гофмана о разговорах и социальных встречах, работа Макса Вебера об институциональных организациях, Чарльза Тилли о стремлении к справедливости, не говоря уже о большом количестве социологических работ о теории социальных сетей или географах, изучающих города и регионы. Работы данных авторов раскрывают большое количество промежуточных уровней между микро- и макроуровнями, онтологический статус которых до сих пор должным образом не конкретизирован. Теория ассамбляжей предлагает рамку, при помощи которой можно должным образом расположить и разъяснить отношения между этими и другими авторами (включая тех, кто придерживается редукционистских взглядов). Это связано с тем, что ассамбляжи, будучи целостностями, чьи свойства возникают из взаимодействия частей, можно использовать в целях образования этих промежуточных сущностей: межличностные сети и институциональные организации являются ассамбляжами людей; движения социальной справедливости — это ассамбляжи сетей из нескольких сообществ; центральные правительства — это ассамбляжи нескольких организаций; города — это ассамбляжи людей, сетей, организаций, равно как и ряда инфраструктурных компонентов: от зданий и улиц до трубопроводов для потоков материи и энергии; государства — это ассамбляжи городов, географических регионов, образованных городами, и провинций, сформированных несколькими подобными регионами.

Третья, четвертая и пятая главы увлекают читателя в путешествие, которое, начинаясь на личном (и даже семейном) уровне, поднимается ступень за ступенью к территориальному государству и выше. Лишь пережив это восходящее движение — движение, которое в действительности порождает все эти утвержденные целостности, — читатель сможет получить ощущение нередуцируемой социальной сложности, характерной для современного мира. Это не значит, что предлагаемая здесь онтологическая схема не может быть применима к более простым или ранее существовавшим обществам: она может быть использована в реченной форме

применительно к обществам без городов или без больших централизованных правительств. С другой стороны, я не прилагаю специальных усилий, чтобы сделать свой подход мультикультурным: все мои примеры заимствованы либо из Европы, либо из США. Это попросту отражает мою веру в то, что некоторые свойства, например, таких социальных ассамбляжей, как межличностные сети или институциональные организации, остаются практически неизменными в разных культурах. Но даже иллюстрации из [истории] западных народов зачастую схематичны, и (за исключением пятой главы) исторический аспект моих примеров недостаточно исследуется. Этот недостаток оправдан тем, что история и историческая динамика обсуждались в моих предыдущих публикациях, и в этой книге я интересуюсь исключительно прояснением онтологического статуса сущностей, которые были акторами моих более ранних исторических повествований⁶. Краткость исторических примеров также призвана сократить время, затрачиваемое читателем при каждом последующем изменении масштаба, тем самым увеличив скорость [его] восхождения, так как для этой книги наибольшее значение имеет опыт читателя на пути от микро- к макроуровню. Я надеюсь, что как только сложность этой забытой территории между микро и макро окажется схвачена на интуитивном уровне, легче будет отбросить прочь привычку отдавать предпочтение одной из этих крайностей.

С другой стороны, решение проблемы «микро-макро» с точки зрения множественности социальных сущностей, работающих на промежуточных уровнях шкалы, требует нескольких слов для прояснения значения выражения «крупномасштабный» (*larger-scale*)^{*}. Его обычное значение относится к области геометрии, когда говорят, что улица самая длинная в городе или что одно государство занимает большую территорию, чем другое. Но есть также и физическое значение данного выражения, выходящее за пределы геометрии. В физике, например, длина, площадь и объем классифицируются как *экстенсивные* свойства — то есть посредством категории, под которую подпадает также количество энергии и число компонентов. И именно в этом последнем смысле экстенсивности,

* К последующему разъяснению автором значения термина «крупномасштабный» следует добавить, что масштаб не понимается здесь в картографическом смысле, когда, например, карта большего масштаба изображает реальный объект крупнее, чем карта такого же размера, но меньшего масштаба. Напротив, термин «крупномасштабный» изначально берется здесь в своем обыденном словоупотреблении, когда под ним понимается нечто большое, значительное по объему, масштабное и т. п.

а не только в геометрическом, я использую выражение «крупномасштабный». Две межличностные сети, например, будут сравниваться в масштабе по числу членов, которых они содержат, а не по протяженности занимаемого ими географического пространства. Поэтому структурирующая местное сообщество сеть будет считаться большей, чем та, что связывает географически разрозненных друзей, если у нее больше членов, несмотря на то, что последняя может простирается по всей планете. Также здесь нужно обсудить свойство быть большим лишь по одному из параметров, различающих социальные сущности. Существует много других свойств (таких как плотность связей в сети или степень централизованности власти в организации), не экстенсивных, а интенсивных и при этом столь же значимых. Наконец, социальные сущности будут характеризоваться в этой книге не только посредством их свойств, но также посредством их способностей (*capacities*), то есть посредством того, что они способны сделать, вступая во взаимодействие с другими социальными сущностями.

Тем читателям, которые могут быть разочарованы недостаточностью межкультурных сопоставлений, или отсутствием скрупулезных разборов социальных механизмов, или бедностью исторических зарисовок, могу лишь сказать, что ни одна из этих достойных задач не может быть реализована в рамках скудной онтологической схемы. Когда социальные теоретики притворяются, что могут выполнить эти задания, не имея онтологической базы, они обычно используют имплицитную и потому некритично принимаемую онтологию. Из этой дилеммы попросту нет иного выхода. Таким образом, хотя философы не могут и не должны притворяться, что способны выполнить работу социальных теоретиков за них, они могут сделать большой вклад в работу по прояснению онтологии. Эту задачу и пытается выполнить данная книга.

Мануэль Деланда
Нью-Йорк, 2005

1

Ассамбляжи против тотальностей

Задача данной главы — представить теорию ассамбляжей. Но это представление задумано не как самоцель, а как способ прояснить точный онтологический статус сущностей, фигурирующих в работах социологов и других исследователей общества. К примеру, существует ли общество как целое? Является ли легитимным обязательство отстаивать существование подобной сущности? И эквивалентно ли отрицание существования подобной сущности утверждению о том, что существуют лишь отдельные индивиды и их семьи? Ответ на все эти вопросы отрицательный, но, прежде чем обосновать этот отрицательный ответ, необходимо преодолеть ряд препятствий. Ни одно препятствие на пути адекватной онтологии общества не является столь укоренившимся, как *метафора организма*. В наименее замысловатой форме этот камень преткновения предполагает поверхностную аналогию между обществом и человеческим телом и утверждает, что общественные институты призваны работать в гармонии на благо общества так же, как органы человеческого тела взаимодействуют как целостный организм. Историки социальной мысли Говард Беккер и Гарри Барнз отмечают, что существует множество вариаций этой вековой метафоры, одни замысловатее других:

Теория сходства между классами, группами и институтами в обществе и органами в человеческом организме стара как сама социальная теория. Мы уже упоминали наличие этой теории в индийской общественной мысли и обращали внимание на тот факт, что Аристотель в книге IV «Политики» точно и отчетливо излагает эту аналогию с организмом. Эта же концепция отчетливо представлена в работах Цицерона, Ливия, Сенеки и Павла. В Средние века разработанные антропоморфные аналогии проводились Иоанном Солсберийским и Николаем Кузанским. В ранний период Нового времени Гоббс и Руссо противопоставляли организм и государство, основываясь на том, что организм является продуктом природы, в

то время как государство создано искусственно. В конце XVIII — начале XIX века причудливые понятия общественного и политического организмов возникают в работах Гегеля, Шеллинга, Краузе, Аренса, Шмиттхайнера и Вайца¹.

В конце XIX века метафора организма впервые получила систематическое развитие в работе Герберта Спенсера и достигла кульминации своего влияния спустя несколько десятилетий в работах Толкотта Парсонса — наиболее значимой фигуры функционалистской школы социологии. Использование метафоры организма пошло на убыль, когда социологи отказались от функционализма; некоторые из-за его акцента на социальной интеграции и пренебрежения социальным конфликтом, другие из-за его фокуса на социальной структуре в ущерб феноменологическому опыту. Но в своей более замысловатой форме исходная метафора по-прежнему оказывает значительное влияние на большинство школ социологии, и в таком виде ее гораздо труднее избежать. В этой версии не просто проводится аналогия, но предлагается общая теория отношений между частями и целыми, — целыми, образующими бесшовные тотальности или отображающими органические единства. Ключевым понятием этой теории является то, что мы называем *отношениями интериорности*: части-компоненты конституируются отношениями с другими частями в этом целом. Отделенная от целого часть перестает быть собой, так как быть частью [целого] — это одно из конституирующих ее свойств. Целое, составные части которого самодостаточны и находятся в *отношениях экстериорности*, не обладает органическим единством. Как пишет Гегель, «механический характер заключается в том, что, каково бы ни было соотношение соединяемых [объектов], оно чуждо им, не касается их природы, и хотя бы оно и было связано с видимостью чего-то единого, оно все же остается только *сложением, смесью, кучей*»².

Таким образом, целостности в данной концепции являются запутанными единствами, части которых находятся в отношениях строгой взаимной детерминации. Эту версию организмической теории гораздо труднее преодолеть, потому что дело здесь не только в отказе от старого изношенного образа и потому что влияние ее в социологии идет дальше функционализма. Хороший современный пример — это работы влиятельного социолога Энтони Гидденса, который пытается преодолеть дуализм деятельности и структуры, указывая на то, что они взаимно конституируются: деятельность конституируется вовлеченностью в практику, которая, в свою очередь, воспроизводит структуру. Структура понимается как состоя-

шая из поведенческих процедур и рутинных действий, а также из материальных и символических ресурсов, не существующих отдельно от реализации в текущей практике³. В свою очередь, практики, в которых реализуются правила и вовлекаются ресурсы, понимаются Гидденсом как непрерывный поток действия, которое «не является совокупностью или последовательностью отдельных — обособленных или разрозненных — намерений, причин и мотивов»⁴. Конечным результатом этого является бесшовное целое, в котором деятельность и структура диалектически взаимно конституируют друг друга⁵.

Вслед за Гегелем, защитники данного подхода утверждают, что без отношений интериорности целое не может обладать эмерджентными свойствами, становясь простым агрегатом свойств входящих в него компонентов. Однако можно утверждать, что целое может разбираться на отдельные части и в то же время обладать нередуцируемыми свойствами, возникающими из взаимодействия между частями. Как отмечает философ науки Марио Бунге, «возможность разобрать на части не влечет за собой редукцию, и объяснение механизмов эмерджентности не объясняет саму эмерджентность»⁶. Допущение возможности сложных взаимодействий между составными частями является решающим для определения механизмов эмерджентности, но эта возможность исчезает, если части сливаются в бесшовную сеть (*seamless web*). Таким образом, нужно бросить вызов самой идее отношений интериорности. К примеру, мы можем отличить свойства, определяющие данную сущность, от ее способности к взаимодействию с другими сущностями. В то время как ее свойства даны и могут быть сосчитаны как конечное множество, ее способности не даны — они могут оказаться непроявленными, если под рукой не окажется подходящей для взаимодействия сущности, и образовать потенциально бесконечное множество, коль скоро нет возможности предсказать, какие изменения могут произойти в результате взаимодействия с бесконечным числом других сущностей. С этой альтернативной точки зрения, быть частью целого — значит проявлять способности, которые, однако, не являются конститутивными свойствами части. И если непроявленные способности не влияют на компонент, то часть, сохраняя свою идентичность, может отделиться от целого.

Сегодня основной теоретической альтернативой органическим тотальностям является то, что Жиль Делёз называет *ассамбляжами*, — целостностями, для которых характерны *отношения экстериорности*. В первую очередь эти отношения предполагают, что

составная часть ассамбляжа может быть отделена и помещена в другой ассамбляж, с иными формами взаимодействия. Другими словами, экстериорность отношений предполагает определенную автономию связанных этими отношениями членов, или, как это формулирует Делёз, отношения экстериорности предполагают, что «отношение может измениться, даже если члены останутся неизменными»⁷. Также отношения экстериорности предполагают, что свойства составных частей никогда не смогут объяснить отношения, в силу которых образовалось целое, то есть «отношения не обладают в качестве собственных причин свойствами [составных частей], между которыми они устанавливаются»⁸, хотя их причиной может стать проявление способностей компонентов. На самом деле причина, по которой свойства целого не могут быть редуцированы к свойствам его частей, заключается в том, что они являются результатом не агрегации свойств компонентов, но актуального проявления способностей. Эти способности зависят от свойств компонентов, но не сводятся к ним, поскольку включают в себя отсылки к свойствам других задействованных в отношениях существностей. Отношения экстериорности гарантируют, что ассамбляжи могут разбираться на части, в то же время допуская, что взаимодействия между частями могут результироваться настоящим синтезом.

Тогда как приверженцы интериорности отношений используют в качестве излюбленного примера организмы, Делёз тяготеет к другому рода биологическим иллюстрациям — симбиозу растений и опыляющих насекомых. В этом случае мы имеем отношения экстериорности между самодостаточными компонентами, такими как оса и орхидея, — отношения, которые могут стать обязательными в ходе коэволюции. Этим иллюстрируется другое отличие ассамбляжей от тотальностей. Бесшовное целое невозможно помыслить иначе как синтез частей, то есть связи между компонентами образуют *логически необходимые* отношения, которые делают целое целым. Но в ассамбляже эти отношения могут быть лишь *контингентно обязательными*. В то время как логически необходимые отношения могут быть исследованы исключительно умозрительно, контингентно обязательные отношения предполагают рассмотрение таких эмпирических вопросов, как история коэволюции двух видов. Вдобавок к этому Делёз считает гетерогенность компонентов важной характеристикой ассамбляжей. Так, он бы рассматривал экосистемы как ассамбляжи из тысяч различных видов растений и животных, но он не рассматривал бы подобным образом

сами виды, коль скоро в ходе естественного отбора их генофонды гомогенизируются. В дальнейшем я не буду рассматривать гетерогенность как постоянное свойство ассамбляжей, но скорее как переменное, способное принимать разное значение. Это позволит мне рассматривать в качестве ассамбляжей не только виды, но и биологические организмы, не вводя для них отдельной категории, как это делает Делёз². Рассмотрение организма в качестве ассамбляжа предполагает, что, несмотря на тесную взаимосвязь между органами, составляющими организм, отношения между ними не являются логически необходимыми, но лишь контингентно обязательными в качестве исторического результата их коэволюции. Таким образом, теория ассамбляжей лишает организмические теории их излюбленного примера.

Помимо экстериорности отношений, концепт ассамбляжа определяется двумя измерениями. Первое измерение, или ось, определяет вариативные роли компонентов ассамбляжа — от чисто *материальной* роли на одном конце оси до чисто *экспрессивной* на другом. Эти роли вариативны и могут смешиваться между собой, что значит: определенный компонент может играть смешанную материально-экспрессивную роль, используя разные наборы способностей. Другое измерение определяет вариативные процессы, в которых задействуются данные компоненты и которые либо способствуют стабилизации идентичности ассамбляжа, повышая степень внутренней однородности или степень четкости его границ, либо дестабилизируют ее. Первые называются процессами *территоризации*, вторые — процессами *детерриторизации*¹⁰. Один и тот же ассамбляж может содержать как компоненты, способствующие стабилизации его идентичности, так и компоненты, побуждающие его меняться или даже трансформироваться в другой ассамбляж. На самом деле один и тот же компонент может участвовать в обоих процессах, используя разные наборы способностей. Позвольте мне привести простые примеры из жизни общества для каждой из этих четырех переменных.

В социальных ассамбляжах имеется огромное количество компонентов, играющих материальную роль, но по меньшей мере они включают в себя множество человеческих тел, должным образом ориентированных (физически или психологически) друг на друга. Классическим примером таких ассамбляжей тел являются разговоры тет-а-тет, но помимо этого иллюстрацией могут послужить межличностные сети, представляющие собой структурную основу сообществ, а также иерархические организации, управляющие го-

родами или национальными государствами. Сети сообществ и институциональных организаций представляют собой ассамбляжи тел, но они также обладают рядом других материальных компонентов — от физического труда и продуктов питания до простых орудий и сложных машин, а также зданий и районов (*neighbourhoods*)*, в которых здания физически расположены. Чтобы проиллюстрировать компоненты, играющие выразительную роль, потребуются некоторые усилия, поскольку в теории ассамбляжей выразительность не может быть сведена к языку и символам. Главнейшим компонентом разговора, разумеется, является содержание беседы, но также существует множество неязыковых форм телесной выразительности (поза, одежда, мимика). К тому же участники разговора высказывают что-то о себе не тем, что они говорят, а тем, как, а также самим выбором темы разговора. Эти неязыковые социальные формы выразительности имеют такое же значение для репутации человека (или образа, который он или она пытается создать в ходе разговора), как и языковые. Схожим образом важным компонентом межличностной сети является выражение солидарности у ее членов, но оно может быть как языковым (обещания, клятвы), так и поведенческим (солидарность, выражаемая совместными жертвами или взаимопомощью без единого слова). Иерархические организации, в свою очередь, зависят от выражения легитимности, которое может воплощаться или лингвистически (в форме воззрений относительно источников власти), или поведенчески, в том смысле, что сам факт публичного выполнения команд без физического принуждения выражает принятие легитимной власти¹⁴.

Концепт территориализации в первую очередь нужно понимать буквально. Разговоры тет-а-тет всегда происходят в определенном месте (на углу улицы, в баре, в церкви), и как только собеседники признают друг друга, разговор приобретает четко определенные границы. Схожим образом множество межличностных сетей определяют сообщества, занимающие пространственные территории, будь то этнические районы или маленькие городки с четко выра-

* Буквальный перевод с английского слова «neighbourhood» — соседство. Данный термин зачастую означает пространственно локализованное в пределах города, пригорода или деревни сообщество. Тем самым пространство размечается сообразно с границами тех или иных сообществ, которые могут не совпадать с административными границами. Поэтому слово «район», выбранное здесь и далее в качестве перевода для «neighbourhood», не следует понимать исключительно как административную единицу деления городского пространства.

женными границами. Организации в большинстве случаев располагаются в определенных зданиях, область действия их законной власти совпадает с физическими границами этих зданий. Исключением являются правительственные организации, но и в этом случае границы действия их власти являются географическими (границы города, провинции или целой страны). Таким образом, процессы территориализации — это в первую очередь процессы, которые очерчивают или делают более резкими пространственные границы определенных территорий. С другой стороны, территориализация отсылает к таким непространственным процессам, повышающим внутреннюю гомогенность ассамбляжа, как процессы отбора, в ходе которых из состава организации исключаются определенные люди, или процессы сегрегации, повышающие степень этнической или расовой однородности района. Всякий процесс, дестабилизирующий пространственные границы либо повышающий внутреннюю гетерогенность, понимается как детерриторизация. Хороший пример — коммуникационные технологии, от письма и надежной почтовой службы до телеграфов, телефонов и компьютеров, которые размывают пространственные границы социальных сущностей, избавляя от необходимости нахождения в одном месте: они делают возможным разговор на расстоянии, позволяют межличностным сетям образовываться через регулярную корреспонденцию, телефонные звонки и компьютерную коммуникацию, а также дают организациям средства для работы в разных странах одновременно.

В то время как разбирание ассамбляжа на различные части и предписывание материальной или выразительной роли каждому компоненту иллюстрируют аналитическую сторону нашего подхода, концепт территориализации играет у нас синтетическую роль, поскольку благодаря более или менее постоянным артикуляциям, производимым этим процессом, целое возникает из своих частей и поддерживает свою идентичность с момента возникновения. Но в теории ассамбляжей существует и другой синтетический процесс, дополняющий территориализацию, — роль производства и поддержания идентичности специальными экспрессивными сущностями, такими как гены и слова. Несмотря на то, что Делёз рассматривает все сущности, даже небиологические и несоциальные, как способные к экспрессивности, он утверждает, что исторически появление этих специализированных сущностей сделало возможным грандиозное усложнение различных типов целого, которые могли бы быть собраны на этой планете. Я хотел бы проработать

эту точку зрения, начиная с идеи о том, что физические и химические сущности способны к экспрессивности. Когда атомы взаимодействуют с радиацией, их внутренняя структура путем поглощения волн определенной длины создает в этой радиации паттерны. На фотографиях паттерн проявляется в расположении светлых и темных полос ([в приемнике] спектрографа), что уникальным образом соотносится с идентичностью химических «видов» (*species*), к которым принадлежат атомы. Иными словами, паттерн, возникающий в результате поглощения, *выражает идентичность* химических «видов» в форме физической информации, которая может использоваться, например астрофизиками, для определения химических элементов, участвующих в определенных астрономических процессах¹².

С другой стороны, очевидно, что экспрессивность никоим образом не функциональна. То есть, хотя информационные паттерны и существуют объективно, в отсутствие астрофизиков (или других пользователей спектрографа) они не выполняют ни одной функции. Эти паттерны могут быть сравнимы с отпечатками пальцев, которые выражают идентичность человеческого организма, но вне правоохранительных организаций, собирающих, хранящих и использующих их в целях идентификации, они не имеют никакой биологической функции. Но, как утверждает Делёз, в истории нашей планеты были такие критические пороги, когда физическая экспрессивность становилась функциональной. Первый отправной пункт — это возникновение генетического кода, отмечающее момент, когда информационные паттерны перестали зависеть от полноценной трехмерной структуры сущности (такой как атом) и превратились в отдельную одномерную структуру — длинную цепочку нуклеиновых кислот. Второй отправной пункт — это возникновение языка: если генетическая линейность все еще связана с пространственной смежностью, языковые вокализации отображают *темпоральную линейность*, наделяющую информационные паттерны даже большей автономией от их материального носителя¹³. Эти две отдельные экспрессивные линии по праву можно рассматривать как ассамбляжи. Как и все ассамбляжи, они демонстрируют отношение части-к-целому: гены состоят из линейных последовательностей нуклеотидов и являются составными частями хромосом; слова состоят из линейных последовательностей фонетических звуков или написанных букв и являются составными частями предложений. Некоторые из этих компонентов играют материальную роль физического субстрата для информации, и

с помощью тщательно разработанного механизма эта информация может быть выражена в виде белков (в случае генетического материала) или в виде значений (в случае лингвистики)¹⁴.

В теории ассамбляжей эти два специфических экспрессивных медиума рассматриваются в качестве основы второго синтетического процесса. Если территоризация обеспечивает первую артикуляцию компонентов, то *кодирование*, осуществленное генами или словами, обеспечивает вторую артикуляцию, консолидирующую эффекты первой и стабилизирующую идентичность ассамбляжей¹⁵. Биологические организмы — это пример ассамбляжей, синтезированных при помощи как территоризации, так и кодирования, но таким же образом синтезируются и многие социальные сущности, например иерархические организации. Процесс кодирования в последних будет варьироваться в зависимости от того, какой источник власти является легитимным в этих иерархиях — традиционный или рационально-правовой, как в современных бюрократиях. В первом случае кодирование представлено нарративами, устанавливающими сакральное происхождение власти, в то время как во втором случае оно осуществляется за счет конституционного установления прав и обязанностей, закрепляемых за каждой формальной ролью. В том факте, что и биологические организмы, и наиболее заметные социальные институты артикулированы дважды, кодирование искушает увидеть источник призыва к метафоре организма: это сходство объяснимо изоморфизмом процессов, порождающих некоторые биологические и социальные сущности. С другой стороны, такое реальное сходство не делает законной идею о том, что «общество как целое» похоже на организм, поскольку многие социальные ассамбляжи не подвергались сильной кодировке или территоризации.

В действительности и в биологических, и в социальных реалиях существуют процессы *декодирования*, производящие ассамбляжи, не вписывающиеся в метафору организма. В биологии такое декодирование иллюстрируется поведением животных, которое выпадает из-под жесткого генетического программирования и возникает гораздо более гибкими путями из опыта. Эти процедуры декодирования производят, например, территории животных — ассамбляжи, возникающие, когда животные идут дальше пассивного выражения информационных паттернов (подобного отпечаткам пальцев) и активно используют вариативность значений (от фекалий и мочи до пения, цвета и позы) для выражения собственной идентичности в качестве хозяев определенной географиче-

ской территории¹⁶. Социальным примером результата процесса декодирования будет неформальный разговор друзей. Как социальным ассамблеям, таким разговорам не свойственна долговечность межличностных сетей или институций и никому в голову не придет сравнить их с организмами. Но в них действуют такие правила, как правило очередности. Чем формальнее и строже правила, тем более такие встречи можно назвать закодированными. Но при некоторых обстоятельствах эти правила могут ослабевать, уступая дорогу ассамблеям, в которых участники имеют больше пространства для выражения своих убеждений и личной манеры общения¹⁷.

Тем не менее несмотря на важность генетических и лингвистических компонентов в консолидации идентичностей как биологических, так и социальных ассамблей, важно не воспринимать их связь с другими компонентами как отношения интериорности. Иными словами, взаимодействие генов с остальным телесным аппаратом не должно пониматься так, будто они конституируют определяющую Сущность этого аппарата. То же самое относится к взаимодействию языка с субъективным опытом или социальными институтами. В ассамблежном подходе гены и слова — это всего лишь еще один компонент отношений экстериорности среди разнообразия других материалов и экспрессивных компонентов, и процессы кодирования и декодирования, основанные на этих особых выразительных линиях, работают рука об руку с негенетическими и нелингвистическими процессами территориализации и детерриторизации. Чтобы сделать акцент на этом аспекте в следующих главах, я всегда буду обсуждать язык в последнюю очередь и в качестве отдельного компонента. Это позволит мне четко выделить экспрессивные компоненты, не являющиеся лингвистическими, но по ошибке принимаемые за символы, равно как и подчеркнуть, что пора уже удалить язык из ядра проблемы, из места, которое он ошибочно занимает уже несколько десятилетий.

Чтобы завершить описание ассамблежного подхода, нужно обсудить еще два вопроса. Первый касается процессов сборки, благодаря которым физические, биологические и социальные сущности возникают: это процессы, которые нужно понимать как *рекуррентные*. Тем самым предполагается, что ассамблежи всегда существуют в *популяциях* — какими бы маленькими они ни были, — произведенных повторением одних и тех же процессов. По мере того как составляющие коллективы ассамблежи взаимодействуют между собой, реализуя различные способности, эти взаимо-

действия позволяют популяциям обрести свои собственные свойства, такие как определенная скорость роста или определенные средние [показатели] распределения присущих ассамблежу свойств. Вторым вопросом касается возможности того, что внутри этих коллективов могут возникнуть более крупные ассамбляжи, компонентами которых являются члены популяции. Иными словами, взаимодействие между членами коллектива может привести к образованию более или менее постоянных артикуляций, производящих макроассамбляжи, которые обладают собственными свойствами и способностями. Так как процессы, лежащие за образованием этих устойчивых артикуляций, сами являются рекуррентными, то популяция больших ассамблежей, будучи создана, приведет к возможности возникновения еще более крупных ассамблежей.

Сочетание рекуррентности процессов сборки, происходящих на каком-либо уровне пространственной шкалы, с рекуррентией тех же самых процессов сборки (территоризация и кодирование), имеющих место на последующих уровнях, позволяет теории ассамблежей уникальным образом подходить к проблеме связывания микро- и макроуровней социальной реальности. Основная часть этой книги посвящена примерам того, как мы можем связать уровень индивидуального человека с уровнем больших социальных существ (таких как территориальные государства) через встраивание ассамблежей в непрерывный ряд микро- и макромасштабов. Но в этом месте полезно будет дать простую иллюстрацию. Одно из преимуществ данного подхода состоит в том, что он делает возможным замещение нечетко определенных общих существностей (таких как «рынок» или «государство») конкретными ассамблежами. Чем, к примеру, можно заменить «рынок» в ассамблежном подходе? В первую очередь рынки стоит рассматривать как конкретные организации (то есть конкретные места торговли, или базары), и это делает их ассамблежами, состоящими из людей и товаров обмена, одновременно материальных и экспрессивных.

Вдобавок, по утверждению исследователя экономической истории Фернана Броделя, эти организации должны располагаться в конкретных физических местах, таких как малые города и окружающая их сельская местность, — местах, которые также нужно рассматривать как компоненты ассамблежа. В этих условиях, по словам Броделя, мельчайшие экономические ассамбляжи всегда были

комплексом, состоящим из мелких торговых городов — возможно, мест проведения ярмарок, — окруженных группами зависимых от них деревень. Каждая деревня должна была располагаться доста-

точно близко к городу, чтобы за день можно было совершить путь до рынка и обратно. Но фактические размеры рынка равным образом зависели от доступности транспортных средств, плотности населения и уровня рождаемости на рассматриваемой области¹⁸.

Грубо говоря, до появления транспорта с паровым двигателем средний размер таких комплексов варьировался от 160 до 170 квадратных километров. В расцвет Средневековья, по мере интенсификации урбанизации, эти локальные рынки множились, создавая многочисленную популяцию одинаковых ассамбляжей. Затем, некоторые места торговли, принадлежащие этим популяциям, соединялись в *региональные рынки* — более крупные ассамбляжи средней протяженностью в 1500–1700 квадратных километров. У каждого подобного региона была своя узнаваемая культурная идентичность, а роль центра, как правило, исполнял господствующий город, бывший, как и культурная идентичность, частью большего ассамбляжа. Затем пришло время *провинциальных рынков*, размером примерно в десять раз превышавших региональные, из которых они собирались, но обладавших меньшей внутренней однородностью¹⁹. Наконец, когда были «сшиты» вместе несколько провинциальных рынков, как это произошло в Англии в восемнадцатом столетии, возникли *национальные рынки*.

Это краткое описание дает нам ясную картину серий ассамбляжей разного масштаба, некоторые из которых являются составными частями других, которые, в свою очередь, становятся частями еще больших ассамбляжей. Хотя я упустил исторические детали объединения локальных рынков в региональные, а этих последних в национальные, очевидно, что в каждом случае имел место процесс возникновения больших сущностей посредством собирания меньших. Как отмечает Бродель, национальные рынки были «сетью иррегулярных сплетений, зачастую формировавшихся вопреки всему: вопреки чрезмерно властным городам с их собственной политикой, вопреки провинциям, сопротивлявшимся централизации, вопреки иностранным вторжениям, нарушавшим границы, не говоря о разнонаправленных интересах производства и обмена»²⁰. Ситуация на самом деле даже еще сложнее, потому что я упускаю из вида торговлю на больших расстояниях и международные рынки, которые возникли в результате такого типа торговли. Но даже столь упрощенная картина бесконечно лучше, чем такая овеществленная (*reified*) общность, как «рынок».

Позвольте мне суммировать основные черты теории ассамбляжей. Во-первых, в отличие от целостностей, части которых связа-

ны между собой отношениями интериорности (то есть отношениями, конституирующими саму идентичность частей), ассамбляжи состоят из частей, самостоятельных и артикулированных отношениями экстериорности, так что часть может быть отделена и стать компонентом другого ассамбляжа. Ассамбляжи описываются в двух измерениях: в первом измерении выделяются вариативные роли, которые может исполнять составная часть, от чисто материальной роли до чисто экспрессивной. Второе измерение характеризует процессы, в которые вовлечены эти составляющие: процессы, стабилизирующие или дестабилизирующие идентичность ассамбляжа (территоризация и детерриторизация). В версии теории ассамбляжей, представленной в данной книге, добавляется третье измерение: дополнительная ось, определяющая процессы, в которые вторгаются специализированные средства выражения, — процессы, скрепляющие идентичность ассамбляжей, или, напротив, наделяющие ассамбляжи определенной свободой для более гибкого их функционирования и извлечения выгоды из генетических или лингвистических ресурсов (процессы кодирования и декодирования)²⁴. Все эти процессы рекуррентны, и их варьирующиеся повторения синтезируют целые популяции ассамбляжей. Другие синтетические процессы в этих популяциях, которые также можно назвать территоризацией или кодированием, но которые обычно задействуют совершенно иные механизмы, создают более масштабные ассамбляжи, составляющими которых становятся некоторые члены исходной популяции.

В завершение главы я хотел бы добавить несколько деталей к описанию синтетического аспекта теории ассамбляжей. В частности, чтобы говорить о процессах территоризации и кодирования, которые могут запускаться различными механизмами, нам нужно иметь адекватное понимание того, что такое механизм. В случае органических и неорганических ассамбляжей, эти механизмы преимущественно причинно-обусловленные, но это не обязательно *линейная причинность*, так что первой задачей будет расширение понятия причинности и включение в него нелинейных механизмов. С другой стороны, социальные ассамбляжи содержат механизмы, которые, вдобавок к причинным взаимодействиям, включают в себя *побуждения и мотивы* (*reasons and motives*). Таким образом, вторая задача — показать роль, которую играют эти субъективные компоненты в объяснении работы социальных ассамбляжей. Первая задача является решающей, потому что прорехи линейной причинности зачастую использовались для оправдания веры в пу-

танные органические единства. Иными словами, понимание мира как бесшовной сети взаимодействий, или как интегральной тотальности функциональных взаимозависимостей, или как целого ничем не ограниченных вселенских взаимосвязей традиционно противопоставлялось линейной причинности как клею, скрепляющему механистический мир. Следовательно, если ассамбляжам предстоит заменить тотальности, нужно должным образом прояснить сложные механизмы, стоящие за синтезом эмерджентных свойств.

Помимо оправдания монолитной Вселенной (*block universe*), формула линейной причинности «одна и та же причина влечет одно и то же следствие — и притом всегда» породила разрушительный эффект для самой концепции отношений между причинами и следствиями. В частности, похожая на эту формулу логическая импликация (если С, то обязательно Е) привела к тому, что многие философы ошибочно считали, что отношение между причиной и ее следствием в основном заключается в том, что наличие первой предполагает наличие второго. Но если причинность обеспечивает основание для объективного синтеза, то причинные отношения должны характеризоваться как *продуктивные*, то есть как отношения, в которых одно событие (причина) производит другое событие (следствие), а не просто предполагает его²². События, которые продуктивно соединяются причинностью, могут быть простыми, или атомистическими, такими как механическое столкновение. Но причинность способна связывать и сложные сущности, например, когда составные части образуют целое. В этом случае, если сама сущность, поскольку она не является событием, не может выступать в качестве причины, причиной может оказаться изменение определяющих сущность свойств, так как изменения, даже простые количественные, — это события. На тех же основаниях, причиной могут быть действия, осуществляемые сложной сущностью.

Линейную причинность обычно определяют в терминах атомистических событий, но если мы берем их за отправную точку, мы должны принять во внимание то, как внутренняя организация сущности влияет на ее подверженность воздействию внешних причин. К примеру, внутренняя организация может предопределить, что внешняя причина высокой интенсивности производит эффект низкой интенсивности (или не производит никакого) и наоборот — что мелкие причины могут привести к колоссальным последствиям. Существуют случаи *нелинейной* причинности, определяемые порогами, выше или ниже которых причины не способны вызвать

следствие, то есть порогами, определяющими способности сущности подвергаться причинному воздействию. В некоторых случаях эта способность подвергаться воздействию может быть столь сильна, что внешняя причина становится просто *триггером* или *катализатором* следствия. Как пишет Бунге, в этом случае «внешние причины являются действующими лишь в той степени, в какой они захватывают собственную природу и внутренние процессы вещей»²³. Катализ подрывает линейность, поскольку предполагает, что различные причины могут вызывать одно и то же следствие — например, когда переход из одного внутреннего состояния в другое вызван разными стимулами, — и что одна и та же причина может производить разные следствия в зависимости от той части целого, на которую она воздействует, — например, гормоны, примененные к стеблю и листьям растения, стимулируют рост, в то время как те же самые гормоны, примененные к корням, замедляют его²⁴. Однако важно отметить, что обращение к примерам внутренних процессов (или внутренней организации) вовсе не предполагает, что нелинейные или каталитические взаимодействия являются случаями отношений интериорности: внутренние процессы — это просто взаимодействия между составными частями сущности, они не предполагают взаимного конституирования между этими частями.

Эти два отклонения от линейности атакуют первую часть формулы («одна и та же причина влечет одно и то же следствие»), но вторая часть («и притом всегда») также может быть оспорена. Атака на эту вторую часть — часть, включающую строгую необходимость, — приводит к *статистической причинности*, форме причинности, которая становится значимой, когда мы задумываемся не только о единичных сущностях, но и о крупных популяциях таких сущностей. Таким образом, когда мы говорим, что в данной популяции курильщиков «курение вызывает рак», утверждение не в том, что всякий раз повторение действия (курение) влечет а собой одно и то же явление (заболевание раком). Во внимание также стоит принять генетическую предрасположенность членов популяции, и это означает, что причина произведет свое следствие лишь в высоком проценте случаев. Более того, статистическая причинность не зависит от существования сложных внутренних процессов среди членов популяции. Она может иметь место и без этой внутренней организации, принимая во внимание то, что за пределами лабораторных условий никакая серия событий не возникает в абсолютной изоляции от других серий, которые могут созда-

нить для нее помехи. Таким образом, даже при наличии популяции генетически идентичных человеческих индивидов, курение не всегда приводило бы к раку, так как другие действия (например, физические упражнения) могли бы противодействовать последствиям курения. Самое большее, что можно сказать о внешних причинах в популяции, — это то, что они *повышают вероятность* возникновения определенного эффекта²⁵.

Ясно, что теория ассамбляжей, в которой ассамбляжи могут быть составной частью других ассамбляжей (приводя к внутренней организации, стоящей за нелинейной и каталитической причинностью) и в которой ассамбляжи всегда являются продуктами рекуррентных процессов, производящих популяции (включая статистическую причинность), может вобрать в себя эти сложные формы причинной продуктивности. И в ходе этого она устраняет соблазн использовать образ бесшовной сети. Например, идея, что существуют взаимные формы детерминации между частями, может иметь место за счет нелинейных механизмов, включающих обратную связь (такую как негативная обратная связь, характеризующая термостаты), — механизмов, не предполагающих сплавление воедино частей целого. Случайные встречи между независимыми сериями событий как источник статистической причинности также могут внести вклад в устранение тотальностей и монолитной Вселенной, которую эти тотальности предполагают. Бунге пишет:

Следующим доказательством ложности доктрины монолитной Вселенной служит существование случайных (то есть статистически детерминированных) явлений; большинство из них возникает из сравнительной независимости различных сущностей, то есть из их сравнительной взаимной случайности или несовместимости. Существование взаимно независимых линий эволюции обеспечивается в свою очередь затуханием физических взаимодействий на расстоянии и их ограниченной скоростью распространения — наиболее эффективными факторами, ослабляющими напряженность монолитной Вселенной²⁶.

Две роли, которые играют составные части в ассамбляжах, материальная и экспрессивная, относятся к этим различным формам причинности. В то время как материальные компоненты включают в себя весь репертуар причинных взаимодействий, экспрессивные обычно включают в себя катализ. Запахи, звуки и цвета, используемые животными на своей территории в качестве способов выражения собственной идентичности, например, выступают

лишь триггерами для поведенческих реакций как среди соперников, так и среди потенциальных партнеров, — и те, и другие должны обладать сложной нервной системой, чтобы быть способными отреагировать на подобное воздействие. Это касается и генов, многие из которых кодируют высокоэффективные каталитические ферменты (энзимы), несмотря на то, что гены также кодируют протеины, играющие материальную роль, например, роль строительного материала для клеточных мембран. С другой стороны, язык обычно играет роль катализатора, предполагающую, что и спикер, и слушатель имеют сложную внутреннюю организацию. Этот внутренний порядок, однако, лишь отчасти объясняется материальными причинами (такими как обладание нервной системой) и предполагает более тщательно разработанные механизмы. В частности, способность человеческих индивидов подвергаться воздействию языковых триггеров (равно как и внеязыковых выражений солидарности, легитимности или престижа) требует объяснения, в котором фигурировали бы побуждения к действию и, в ряде случаев, *мотивы*. Грубо говоря, если побуждения могут быть представлены традиционными ценностями или человеческими эмоциями, мотивы являются особого рода побуждениями, включающими эксплицитно принятые решения и цели²⁷.

Как давно утверждал социолог Макс Вебер, причины, побуждения и мотивы обычно комбинируются в интерпретации социального действия, то есть действия, направленного на поведение других. Как он пишет, «точная причинная интерпретация конкретной направленности действия достигается, когда наличное действие и мотивы точно поняты, а связь между ними постигнута во всем значении»²⁸. Тот факт, что Вебер говорит о «причинных интерпретациях», игнорировался большинством адептов его метода понимания (*Verstehen*). Этот метод никак не позволяет сделать вывод, что все социальные действия могут прочитываться как текст или что все социальное поведение можно рассматривать как документ-предписание²⁹. Источник этой ошибочной оценки метода Вебера — смешение двух разных значений слова «значение» (*meaning*): *означивание и значимость* (*signification and significance*). Первое относится к семантическому содержанию, второе — к важности или релевантности. То, что Вебер имел в виду «значимость», а не «означивание», когда писал о «постигнутых во всем значении» (*meaningfully comprehensible*) социальных действиях, видно по тому, что он думал, что его метод лучше всего работает, будучи приложенным к случаям, предполагающим *согласование средств с целью*, то есть к

социальным действиям, предполагающим выбор и цели³⁰. Понимание или придание смысла подобным действиям обычно предполагает оценку адекватности способа достижения цели, или решения проблемы, или релевантности и важности данного шага в последовательности. Некоторые из них будут оценками релевантности причины, когда последовательность действий предполагает взаимодействие с материальными объектами, как в случае кузнецов, плотников или поваров. Но даже когда дело не во взаимодействии с материальным миром, суждения о целенаправленной языковой деятельности обычно касаются адекватности линии аргументации или релевантности определенной информации, а не семантики. Согласование средств и целей — это пример социального действия, требующий наличия мотивов как части этого объяснения.

А что же с побуждениями, лежащими в основе социального действия? Некоторые примеры такого типа социального действия могут вовсе не предполагать семантической интерпретации. Это случаи, в которых сила традиции или интенсивность чувств могут быть такими, что рассматриваемые социальные действия будут лежать «очень близко к границе того, что может обоснованно называться направляемыми значением (*meaningfully oriented*) действиями, а фактически зачастую принадлежат другой стороне»³¹. (Другая сторона социального действия — объяснение в чисто причинных терминах, как реакций, спровоцированных привычками или аффектами.) Но существуют и иные случаи объяснения посредством побуждений, несводимые к причинным и не предполагающие у социальных акторов какого-либо обдуманного выбора. В этих случаях придание смысла социальному поведению предполагает такие побудительные факторы, как *вера* в существование легитимного порядка или *желание* жить в согласии с ожиданиями, связанными с этим порядком. Верования и желания могут трактоваться как установки по отношению к значению повествовательных предложений (то есть к пропозициям), и в этом смысле они отсылают к семантике. Пропозициональные установки также включены в социальное действие, объясняемое мотивами, разумеется, такими как вера в причинную адекватность некоторых средств или желательность целей. Но в случае традиционных побуждений к действиям причинная адекватность может не быть мотивирующим фактором, а желательность серии действий может не зависеть от конкретных целей³². Только в этом случае отношения между самими пропозициями, например отношения между пропозициями, составляющими религиозную доктрину, становятся определяющими

ми в придании смысла социальным действиям. И все же даже тогда для объяснения конкретных направленностей действий требуется сочетание семантической интерпретации привлеченных священных текстов с оценкой относительной важности различных их фрагментов.

Метод Вебера позволяет нам подобраться к вопросу о механизмах социальных ассамбляжей, — механизмах, всегда уже предполагающих сложные смеси побуждений и мотивов³³. Непонимание гибридной природы социальных механизмов может вести к недопониманию и мистификации в социальных науках. Например, социальные действия, в которых средства успешно согласованы с целями, традиционно нарекают «рациональными». Но этот ярлык затемняет тот факт, что такие действия требуют различных навыков для решения проблем (а не только качество ума, вроде «рациональности») и что объяснение успешного решения практических проблем будет включать в себя рассмотрение релевантных причинных событий, подобных физическим взаимодействиям со средствами для достижения цели, а не только вычисления, производимые в уме актора. Схожим образом, когда традиционные рутинные действия берутся как объяснения, они могут быть сведены к ритуалу и церемонии (и получить ярлык «иррациональные»), но этим затемнится тот факт, что множество перенятых рутинных действий на деле представляют собой процедуры решения проблем, плавно усовершенствованные сменяющими друг друга поколениями. Эти рутинные действия могут быть покрыты ритуальным символизмом, в то же время будучи способными вести к успешным причинным взаимодействиям с материальными сущностями вроде почвы и одомашненных растений.

Вдобавок к сохранению объективных и субъективных компонентов, социальные механизмы должны включать широкое разнообразие причинных взаимодействий, то есть они должны принимать во внимание, что пороги, характеризующие нелинейную причинность, могут различаться от одного актора к другому (так что одни и те же внешние причины будут воздействовать на одних, но не на других) и что причинные регулярности в поведении отдельных акторов являются, как писал сам Вебер, лишь вероятностными³⁴. Статистическая причинность даже более важна при рассмотрении популяций акторов. Таким образом, в случае объяснения посредством мотивов, мы можем признать, что индивидуальные акторы способны осуществлять интенциональный выбор и что в некоторых случаях такие интенциональные действия

приводят к созданию социальных институтов (таких как письменные конституции некоторых современных национальных государств), в то же время настаивая на том, что синтез более крупных социальных ассамблежей достижим как *последствие непреднамеренных коллективных действий*, то есть как своего рода статистический результат. С другой стороны, при объяснении посредством побуждений можно учитывать коллективный аспект, если вовлеченные верования и желания являются следствием социализации семьями или школами. Но эта социализация должна пониматься в пробабилистском ключе. Так же, как действия генов на телесные характеристики растений и животных являются вероятностными (а не подверженными детерминизму линейной причинности) — и, следовательно, при описании популяций нас интересует статистическое распределение вариаций этих телесных свойств, — точно так же действия социализации должны всегда изображаться как переменные и предметом исследования должно быть то, как эти вариации распределяются в данной популяции.

На этом мы завершим введение в теорию ассамблежей. В следующей главе добавится только один компонент, который я упустил здесь (топологическая диаграмма ассамблежа), после чего онтологический статус ассамблежа будет прояснен полностью. Это позволит расширить обсуждение отношения части-к-целому, которому отводится столь важное место в различении ассамблежей и тотальностей, и будет показано в деталях, как теория ассамблежей может помочь очертить рамки проблемы отношений между микро- и макроуровнями социальных феноменов. После того как проблема будет поставлена должным образом, в остальных главах будет предпринята попытка выработать ее решение.

2

Ассамбляжи против Сущностей

Многие социальные теоретики используют эссенциализм для оправдания своей неприязни по отношению к реализму. Постулирование социальных сущностей (*entities*) с устойчивой и не зависящей от сознания идентичностью, скажут они, предполагает существование Сущностей (*essences*), определяющих эту идентичность. Но чем именно могут быть эти Сущности? Редкий реалист считает сегодня своим онтологическим обязательством утверждать существование вечных архетипов, тем не менее существуют более тонкие формы эссенциализма, в которых Сущности вводятся, когда таксономисты *овеществляют* общие категории, произведенные их классификациями. Поэтому важно начать эту главу с объяснения, каким образом теории ассамбляжей удастся избежать предположения о существовании овеществленных общностей.

Таксономический эссенциализм, в противовес его платонической версии, можно возвести к Аристотелю, который изобрел метод классификации сущностей в соответствии с трехуровневой иерархией: род, вид, индивид. Например, если рассматриваемым родом является «животное», метод требует, чтобы мы нашли специфические различия, позволяющие нам разделить этот род на нижележащие классы: например, «двуногие» и «четвероногие» животные. Этот новый уровень, в свою очередь, может быть поделен на классы посредством различения различий. Но здесь нужно быть осторожным, поскольку, как говорит Аристотель, «у „живого существа, имеющего ноги“, видовое отличие должно опять делить именно как имеющее ноги, поэтому не следует говорить, что из того, что имеет ноги, одно — покрытое перьями, другое — бесперое, если говорить правильно (только по неспособности человек будет делать это), а следует говорить, что одно — с расщепленными на пальцах ступнями, другое — с нерасщепленными, ибо это видовые отличия ноги: расщепленность ступни на пальцы есть

некоторого вида обладание ногами»¹. Этот метод, если придерживаться его последовательно, ведет нас к той точке, в которой мы уже не находим дальнейших различий и достигаем уровня видов: человек или лошадь. Разумеется, эти виды можно подразделять и далее, поскольку люди бывают с черным и белым цветом кожи, музыкально одаренными и нет, справедливыми и несправедливыми, но эти различия не являются необходимыми, а скорее случайными комбинациями, определяющими индивидов при помощи подходящих обозначений². Таким образом, Сущности, или саму природу сущностей, мы обнаруживаем на уровне видов, или того, что философы Нового времени называют «естественными видами»³.

В эволюционной теории, разумеется, эта линия аргументации была бы отвергнута. Свойства, отличающие один вид животных от другого, если придерживаться аристотелевского примера, воспринимались бы столь же контингентными, сколь и те, что отличают один организм от другого. Свойства видов являются результатом эволюционного процесса, который мог пройти не так, как прошел. Устойчивая идентичность данного вида понимается в терминах различных форм естественного отбора (хищники, паразиты, климат), которые направляют накопление генетического материала в сторону большей адаптивности, равно как процесс, с помощью которого репродуктивное сообщество разделяется на два прогрессивно расходящихся сообщества, поскольку они не могут спариваться друг с другом. Если в ходе первого процесса вырабатываются дифференцирующие свойства видов, то в ходе второго, называемого «репродуктивной изоляцией», эти свойства становятся более или менее устойчивыми, закрывая генофонд от внешних генных потоков. Эта изоляция не обязательно приводит к полной непроницаемости границ. Многие виды растений, например, поддерживают свою способность обмениваться генами, так что их идентичность в долгосрочной перспективе может быть размыта. Но даже границы, определяющие полностью изолированных в плане репродуктивности животных вроде нас, могут быть нарушены, например, при помощи биотехнологий или посредством действия ретровирусов. Этот факт подтверждает контингентную природу границ.

Помимо сходства в силу контингентности своих устойчивых свойств, организмы и виды также схожи в том, что и те, и другие рождаются и умирают: репродуктивная изоляция обозначает порог видообразования, то есть историческое рождение нового вида, а вымирание определяет столь же историчную смерть. Так предполагается, что биологический вид — это индивидуальная сущность,

столь же уникальная и сингулярная, как и составляющие его организмы, но более крупная в пространственно-временном масштабе. Иными словами, индивидуальные организмы являются составными частями более крупных индивидуальных целостностей, но не конкретными представителями общей категории или естественного вида⁴. То же самое относится к любому другому естественному виду. Например, химические «виды», как они классифицированы в периодической таблице элементов, могут быть овеществлены путем признания существования водорода, кислорода и углерода вообще. Но признать объективность таблицы можно и избегая овеществления естественных видов. Атомы данного вида будут приниматься за индивидуальные сущности, производимые рекуррентными процессами (нуклеосинтез), протекающими в недрах звезд. Даже если, в отличие от организмов, эти атомы демонстрируют гораздо меньшую изменчивость, сам факт рождения в ходе конкретного процесса наделяет каждый из них своей историей. Это означает, что не существует необходимости принятия на себя онтологического обязательства веры в существование «водорода вообще», но лишь в объективную реальность крупных популяций атомов водорода.

Урок, который необходимо извлечь из этих двух примеров, состоит в том, что таксономический эссенциализм, пытаясь выработать свои овеществленные общности, опирается на совершенно конкретный подход: он начинает с конечных продуктов (различные химические и биологические виды), путем логического анализа открывая устойчивые свойства, характерные для тех или иных продуктов, и затем преобразует эти множества свойств в определяющую Сущность (множество необходимых и достаточных условий принадлежности естественному виду). Во избежание овеществления нам стоит сфокусироваться на историческом процессе, в ходе которого возникают эти продукты, причем термин «исторический» относится не только к истории человечества, но и к космологической и эволюционной истории. Как проговаривалось в предыдущей главе, при помощи этого маневра теория ассамбляжей избегает таксономического эссенциализма. Идентичность всякого ассамбляжа любого масштаба всегда является результатом процесса (территоризации или в некоторых случаях кодирования) и никогда не бывает надежной, так как может быть дестабилизирована другими процессами (детерриторизации и декодирования). По этой причине онтологически ассамбляжи, большие и малые, всегда являются уникальными единичными индивидами. Иными

словами, в отличие от таксономического эссенциализма, в котором род, вид и индивид представляют собой отдельные онтологические категории, онтология ассамбляжей является плоской, так как не содержит ничего кроме *индивидуальных сингулярностей и этовостей* (или *haecceities*) различного масштаба. И коль скоро нас интересует социальная онтология, это предполагает, что люди не являются единственными индивидуальными сущностями, участвующими в социальных процессах, но ими являются также и сообщества, отдельные организации, отдельные города и отдельные национальные государства.

Естественные виды, с другой стороны, не единственный источник эссенциалистских мифов. Аристотель начинает свой анализ уровнем выше естественных видов — родом «животное» — и путем *логического различения* достигает уровня видов («лошадь», «человек»). Вопрос в том, что если виды могут быть заменены индивидами, то можно ли проделать это же с родом? Ответ будет следующим: наивысший уровень биологической классификации, царства (уровень, содержащий животных и растения), или даже типы — включая тип «хордовые», к которому принадлежит человек как позвоночное животное, — требуют иной трактовки. Тип, или филум, можно рассматривать как абстрактное тело-план, общее для всех позвоночных, и как таковое оно не может быть уточнено при помощи метрических понятий, таких как длина, площадь или объем, так как всякая реализация тела-плана продемонстрирует кардинально иной набор метрических отношений. Поэтому для определения типа могут быть использованы только неметрические, или топологические, понятия, такие как общая связность (*overall connectivity*) различных частей тела. Иными словами, тело-план определяет пространство возможностей (пространство всех возможных представителей позвоночных), и это пространство имеет топологическую структуру. Понятие структуры пространства возможностей является решающим для теории ассамбляжей, поскольку, в отличие от свойств, способности ассамбляжа не даны, то есть они являются всего лишь возможностями до тех пор, пока не будут испытаны. Но множество возможных способностей ассамбляжа не аморфно, хотя и может быть открытым, поскольку различные ассамбляжи демонстрируют различные множества способностей.

Дальше всего исследование этих пространств возможностей продвинулось в физике и химии, где они называются «фазовыми пространствами». Их структура представлена топологическими инвариантами, именуемыми «аттракторами», а также измерениями про-

пространства, — измерениями, репрезентирующими «степени свободы» или релевантные изменения конкретных физических или химических динамических систем⁵. Например, классическая физика показала, что возможности, открытые для эволюции многих механических, оптических и гравитационных феноменов, были сильно ограничены: предпочтение отдавалось результатам, минимизировавшим различие между потенциальной и кинетической энергией. Иными словами, движущие силы множества классических систем притягивались к минимальной точке пространства возможностей — аттрактору, определяющему их долгосрочные тенденции. В биологических и социальных науках, с другой стороны, мы до сих пор не имеем подходящих формальных инструментов для изучения структуры их гораздо более сложных пространств возможностей. Но мы можем попробовать рассмотреть гипотезу о том, что и они будут определяться как фазовые пространства с гораздо более сложным распределением топологических инвариантов (аттракторов). Мы можем называть эти топологические инварианты *универсальными сингулярностями*, поскольку они являются собой сингулярные, или особые, топологические черты, разделяемые множеством систем. Именно эти распределения универсальных сингулярностей заменят роды Аристотеля, в то время как индивидуальные сингулярности встанут на место его видов. Более того, связь одного с другим перестанет быть процессом логической дифференциации, став процессом *исторической дифференциации*, то есть процессом вовлечения расходящихся эволюций всех разнообразных позвоночных существ, реализующих абстрактный план-тело. Таксономические категории, связующие уровни родов с уровнем видов, репрезентируют последовательные точки расхождения, исторически дифференцировавшие план-тело.

Вдобавок к ролям и процессам, описанным в предыдущих главах, ассамбляжи характеризуются тем, что Делёз называет *диаграммами* — множеством универсальных сингулярностей, тождественных плану-телу или, точнее, структурирующих пространство возможностей, которое связано с ассамбляжами⁶. Таким образом, в то время как люди, сообщества, организации, города и национальные государства являются индивидуальными сингулярностями, каждая из этих сущностей связана с пространством возможностей, характеризуемым его размерностью, представляющей степени свободы, и множеством универсальных сингулярностей. Иными словами, у каждого из этих социальных ассамбляжей будет своя диаграмма². В предыдущих главах я показал, как овеществленная

общность типа «рынка» может быть заменена конкретной исторической сущностью национального рынка, — сущностью, возникающей из унификации нескольких провинциальных рынков, каждый из которых рождается в процессе совмещения нескольких региональных рынков, в свою очередь, явившихся результатом исторического объединения множества местных рынков. Каждое из этих разномасштабных экономических объединений должно пониматься как индивидуальная сингулярность, находящаяся в отношении части-к-целому с большим объединением так же, как организмы относятся к видам. Что могло бы послужить социальным примером диаграммы и ее универсальных сингулярностей?

Макс Вебер вводит для классификации социальных сущностей *идеальные типы*. Например, в своем анализе иерархических организаций он обнаруживает, что существует три различных способа, которыми власть может добиться легитимности: отсылкой к священной традиции или обычаю (как в организованной религии), выполнением установленных рационально-правовых процедур (как в бюрократиях), или явным присутствием харизматического лидера (как в малых религиозных сектах)⁸. Я использую эту классификацию в другой главе, добавив больше деталей к описанию данных трех типов. Тем не менее на этом этапе важно прояснить их онтологический статус, поскольку термин «идеальный тип», как может показаться, предполагает наличие Сущностей. Но мы можем избавиться от этих Сущностей, введя диаграммы структур власти. В этом пространстве возможностей три универсальные сингулярности определяют «крайние формы», которые могут принимать властные структуры. Размерность этого пространства, то есть степени свободы властной структуры, будет включать в себя степень, в которой должность или позиция в иерархии четко отделена от того, кто ее занимает (рационально-правовые формы обладают наибольшей свободой, за ними следуют традиционные и харизматические), и степень, в которой действия организации рутинизированы (харизматическая форма будет обладать наименьшей степенью рутинизации, в то время как две другие обладают наибольшей).

Вкратце, индивидуальные и универсальные сингулярности, каждая по-своему, позволяют ассамбляжному подходу не обращаться к *Сущностям*. Также они определяют оптимальные способы использования аналитических техник в этом подходе. Если в таксономическом эссенциализме анализ выполняет чисто логическую роль, расчленив род на составляющие за счет последующего уста-

пополнения необходимых различий, то в теории ассамбляжей анализ может выходить за рамки логики и включать *причинные интервенции в реальность* — такие как повреждения органов организма или отравление ферментов (энзимов) клетки, — сопровождаемые наблюдениями за изменением поведения целого. Эти интервенции необходимы, потому что причинные взаимодействия между частями могут быть нелинейными и распутывать их нужно аккуратно и потому что изучаемая сущность может состоять из разнородных частей, а значит, необходимо определить правильный уровень⁹. Вкратце, анализ в теории ассамбляжей носит не понятийный, а причинный характер, и сосредоточен он на открытии *актуальных механизмов*, функционирующих на определенном пространственном уровне. С другой стороны, топологическая структура, определяющая диаграмму ассамбляжа, не актуальна, но *виртуальна и независима от механизма*, она может быть реализована в различных актуальных механизмах, так что ей требуется анализ иного типа. Математика фазового пространства — единственный пример формального ресурса, который может быть мобилизован для выявления квазипричинных ограничивающих условий, структурирующих пространство возможностей¹⁰. Причинные и квазипричинные формы анализа используются в качестве вспомогательных в теории ассамбляжей. Возвращаясь к примеру из классической физики: хотя эта область к XVIII веку уже открыла принцип наименьшего действия (то есть универсальная сингулярность — это вид минимума), это не привело к обесцениванию поиска причинных механизмов, через которые в каждом отдельном случае достижима актуальная минимизация. И продуктивные причинные отношения, и квазипричинные топологические ограничения были частью общего объяснения классического феномена. Это озарение действительно даже в более сложных биологических и социологических случаях.

Несмотря на взаимодополняемость причинных и квазипричинных форм анализа, в этой книге я делаю акцент на первых. Хотя я буду пытаться везде, где это возможно, приводить примеры внутренней работы конкретных ассамбляжей, ни в одном случае я не предприму попытки в деталях описать каждый причинный механизм. С другой стороны, важно определить, как стоит понимать эти механизмы, особенно те из них, через которые в ходе взаимодействия частей возникают социальные целостности. Вопрос механизмов эмерджентности имеет наибольшее значение для социальной теории, поскольку он непосредственно сталкивается с про-

блемой связей между микро- и макроуровнями. Эта непокорная проблема не поддавалась решению на протяжении десятилетий, потому что была неправильно поставлена. Теория ассамбляжей может помочь сформулировать проблему должным образом, тем самым расчищая дорогу для ее окончательного решения, — решения, которое потребует предоставления подробнейших сведений о каждом задействованном механизме.

Правильная постановка проблемы прежде всего предполагает уход от идеи о том, что социальные процессы возникают лишь на двух уровнях — микро- и макроуровне, особенно когда эти уровни понимаются как овеществленные общности вроде «индивидуальности» или «общества как целого». Приведенный в предыдущей главе пример национального рынка показывает, что масштаб может быть больше двух. Если дело обстоит именно так, то термины «микро» и «макро» не должны ассоциироваться с двумя фиксированными уровнями, а должны обозначать конкретные части и эмерджентное целое *в любом пространственном масштабе*. Таким образом, провинциальный рынок будет рассматриваться как «макросущность» относительно входящих в его состав региональных рынков, но как «микросущность» по отношению к национальному рынку. Этот же подход можно использовать, чтобы избавиться от «общества как целого», соединяя наименьший уровень (человеческий индивид) с наибольшим (уровень территориальных государств) посредством различных промежуточных сущностей разного масштаба. На самом деле некоторые современные социологи предлагают формулировать вопрос о соотношении «микро» и «макро» лишь в этих терминах, отрекаясь от старой традиции отдавать предпочтение одной из сторон¹¹. Учитывая, что при любом масштабе должно быть показано, что свойства целого возникают из взаимодействия его частей, этот подход можно назвать онтологическим «снизу-вверх». Но может ли такой подход «снизу-вверх», в паре с допущением того, что отдельные индивиды располагаются на самом нижнем уровне, привести нас к методологическому индивидуализму микроэкономики? Нет, и тому есть несколько причин.

Во-первых, методологические индивидуалисты вызывают к таким овеществленным общностям, как «рациональные индивиды», и рассматривают их атомистически — в качестве индивидов, самостоятельно принимающих рациональные решения. В теории ассамбляжей индивиды всегда существуют как часть популяций, в которых они постоянно взаимодействуют между собой. Но более

важным является то, что если идентичность этих индивидов принимается микроэкономикой как должное, то в теории ассамбляжей показывается, что она возникает в процессе взаимодействия *индивидуальных компонентов*. Что это за компоненты, я расскажу в следующей главе, но пока достаточно указать на то, что они существуют и что при необходимости их можно принимать за единицы наименьшего социального масштаба. Вдобавок теория ассамбляжей отходит от методологического индивидуализма в том, что она понимает эту эмерджентную субъективность как ассамбляж, который может усложняться, когда люди становятся частями более крупных ассамбляжей: в разговорах (и иных взаимодействиях в обществе) они стараются соответствовать образу, или имиджу; в сетях они исполняют неформальные роли; в организациях они получают формальные роли; затем они могут идентифицироваться с этими ролями и имиджами, делая их частью своей идентичности. Иными словами, по мере возникновения крупных ассамбляжей из взаимодействия их составных частей, идентичность частей может обретать новые слои, поскольку эмерджентная целостность реагирует и воздействует на них.

Что если в исходной точке мы согласимся с тем, что может существовать адекватный подход к возникновению субъективности? Можем ли мы использовать ту же процедуру, что в примере национальных рынков, чтобы сдвинуться с этого нижайшего, базового уровня? С этим примером есть одна проблема: он предполагает, что отношения между последовательностью пространственных масштабов просты, как в матрешке или китайских шкатулках. Но редко отношение части-к-целому бывает настолько простым. Люди становятся, например, составляющими частями двух очень разных ассамбляжей — межличностных сетей и институциональных организаций. Организации существуют в широком диапазоне масштабов — от нуклеарной семьи из трех человек до транснациональной корпорации, в которой занято подмиллиона людей. Семьи склонны быть частью сетей сообществ, в то время как крупные организации включают в себя различные сети как составные части, например сети друзей или коллег. Одни межличностные сети (профессиональные сети) охватывают различные организации, другие не включаются в состав организаций вовсе, а некоторые возникают в крупных организациях, становясь затем их составными частями. Ни один из этих сценариев не напоминает матрешку.

Схожие сложные образования возникают и в более крупных масштабах. Межличностные сети могут породить крупные ассамб-

ляжи вроде коалиций сообществ, формирующих остов многих движений социальной справедливости. Институциональные организации, в свою очередь, формируют более крупные ассамбляжи, такие как иерархические правительственные организации, функционирующие на национальном, провинциальном или локальном уровне. Мы могли бы обрисовать здесь ситуацию таким образом, что матрешка бы просто распалась на две отдельные линии, но это было бы лукавством. Общественное движение, когда оно создано и просуществовало некоторое время, обычно порождает одну или более стабилизирующую его организацию, которая выполняет такие функции, как лоббирование (в случае наличия собственных интересов у организации) или ведение переговоров с коллективом (в случае профсоюзов и иных рабочих ассоциаций). То есть социальные движения — это гибрид межличностных сетей и институциональных организаций. То же самое верно для правительственных иерархий, которые на каждом уровне юрисдикции должны формировать сети неправительственных организаций, чтобы реализовывать намеченный центральной властью политический курс.

Все эти крупные ассамбляжи существуют как часть популяций, — популяций межличностных сетей, организаций, коалиций и правительственных иерархий. Некоторые члены этих популяций взаимодействуют внутри физических локаций, например, районов, городов или территорий государств, в то время как другие могут принимать более дисперсные формы и взаимодействовать между собой дистанционно благодаря коммуникационным и транспортным технологиям. Сами физические локации, будучи пространственными сущностями, зачастую соотносятся друг с другом довольно простым образом: районы состоят из множества жилых, торговых, промышленных и правительственных зданий; города состоят из районов; территориальные государства состоят из городов, а также деревень и незаселенных территорий. Но эта очевидная простота исчезает, когда к этим местам добавляются разворачивающиеся в их границах социальные активности. Таким образом, определенный город будет включать в себя в качестве составных частей не только районы, но и сообщества и организации, располагающиеся на территориях этих районов. В его состав также будут входить межличностные сети, существующие дисперсно, то есть в виде сетей, в которые входят нечетко определенные локализованные сообщества, а также организации без иерархической структуры (подобные рынкам). Они, таким образом, не имеют четко определенной пространственной юрисдикции или однородного внутреннего устройства.

Однако интуицию, что овеществленные целостности вроде «общества как целого» могут быть заменены разномасштабной социальной реальностью, получится сохранить, если отношение части к целому будет способно вобрать в себя всю эту сложность. Во-первых, несмотря на то, что целое возникает из взаимодействия частей, как только оно появляется, оно начинает воздействовать на части. Как утверждал философ Рой Бхаскар, эмерджентные целостности «реальны, поскольку они являются причинными агентами, способными оказывать обратное воздействие на материал, из которого были сформированы»¹². Иными словами, для того чтобы полностью объяснить социальные процессы, имеющие место в данном масштабе, мы должны прояснить не только стоящие за возникновением целостности механизмы соотношения микро- и макроуровней, но также механизмы, посредством которых целое наделяет свои части *ограничениями и ресурсами*, устанавливая пределы, в которых они могут действовать по-новому¹³. Например, в сетях, для которых характерна тесная общность, членам сообщества становятся доступны различные ресурсы — от физической защиты и помощи до эмоциональной поддержки и советов. Но эта же «скученность» может ограничивать членов сообщества. В таких сетях быстро распространяются новости о нарушенных обещаниях, невыплаченных долгах и иных невыполненных договоренностях: это свойство позволяет им быть механизмами соблюдения местных норм. Схожим образом, многие иерархические организации имеют доступ к крупным хранилищам ресурсов, которые могут стать доступными для лиц, занимающих определенные формальные позиции в этой структуре власти. Но регулятивы, определяющие права и обязанности этих формальных позиций, ограничивают поведение лиц, занимающих данные должности. В силу того, что способности целого ограничивать и позволять могут не быть проявлены, будет правильнее сказать, что они (целостности) предлагают своим составным частям *возможности и риски*, например возможность использовать ресурсы (возможность, которая может быть упущена) или риск перейти черту (риск, на который можно никогда не пойти).

Остаются ли эти выводы в силе, когда мы имеем дело с ассамбляжами, не имеющими четко определенной идентичности, то есть ассамбляжами, не обладающими определенностью границ или гомогенностью, такими как мало связанные, дисперсные межличностные сети или организации без центра принятия решений? Ответ таков: они остаются в силе, но с рядом важных отличий. В частнос-

ти, эти более или менее детерриторизованные ассамбляжи, если использовать ранее введенную терминологию, могут по-прежнему снабжать свои составные части ресурсами, хотя и в меньшей степени способны к их ограничению. В тесно сплетенных сетях, где все друг друга знают и люди взаимодействуют разными способами, распространяемая информация зачастую известна всем участникам сети. Из этого следует, что нечто новое приходит не от одного из участников сети, но извне, то есть от кого-то, кто связан с членами сети посредством слабых связей. Это основа знаменитого аргумента о *силе слабых связей*¹⁴. Сети с низкой плотностью и большим количеством слабых связей по этой причине способны снабжать своих членов новой информацией о сиюминутных возможностях. С другой стороны, дисперсные сети в меньшей степени способны предоставлять другие ресурсы (к примеру, доверие во время кризиса), что определяет силу сильных связей¹⁵. Они также в меньшей степени способны накладывать ограничения, связанные, например, с соблюдением местных норм. В результате — низкий уровень солидарности, если он не компенсируется иными путями, предполагает, что в качестве целого дисперсные сообщества с большим трудом поддаются политической мобилизации и менее склонны выступать причинными агентами в своих взаимодействиях с другими сообществами.

Схожий пункт относится к таким институциональным организациям, в которых отсутствует центр принятия решений, как местные рынки. До расцвета национальных рынков (равно как и универмагов, супермаркетов и т. д.) рыночные площади снабжали своих участников ресурсами: они обеспечивали жителей деревень возможностью продавать свои товары, а горожан — покупать. Вдобавок эти рынки были местами, где «горожане встречались, заключали сделки, ссорились вплоть до драк... Все новости, политические или нет, сообщались на рынке»¹⁶. Иными словами, рыночные площади были местом, где слабо связанные между собой люди имели возможность передавать новую информацию. Также эти места накладывали ограничения в том смысле, что цены, по которым продавались товары, обычно определялись безлично — спросом и предложением, — в то время как решения о покупке или продаже были сознательными: цены образовывались как коллективное, непреднамеренное следствие интенциональных действий и сами служили ограничением для акторов¹⁷. Но цены более слабое ограничение, чем формальные регуляторы, и в любом случае они ограничивают только тех продавцов и покупателей, которые не имеют экономической власти.

Помимо способности целостностей наделять и ограничивать свои части, существуют причинные способности, которые они проигрывают во взаимодействиях друг с другом. Таким образом, как я говорил выше, сообщества, структурированные сетями, могут взаимодействовать между собой для формирования политических коалиций, и некоторые организации могут взаимодействовать как части более крупных правительственных иерархий. Эти крупные ассамбляжи являются эмерджентными целостностями в только что определенном смысле: будучи частью политической коалиции, сообщество наделяется такими ресурсами, как легитимность, производная от многочисленности и единства, но также оно ограничивается борьбой лишь за те цели, что были одобрены целой коалицией; местные надзорные органы, участвующие в реализации (*implementation*) национальной политики, получают от центрального правительства финансовые ресурсы, в то же время будучи подчинены в своей деятельности закону. Однако можно возразить, что эти альянсы и такое подчинение не являются следствием более крупных ассамбляжей, но — действий составляющих их людей: альянсы созданы отдельными активистами, представляющими свои сообщества, а власть правительственной структуры с национальными полномочиями над структурой с местными полномочиями всегда осуществляется отдельными должностными лицами. Но можно принять тот факт, что ассамбляжи людей должны взаимодействовать посредством действий людей, и в то же время настаивать на том, что эти более крупные сущности имеют свои собственные причинные способности. Механизм достижения этого компромисса — концепт *избыточной причинности*.

В объяснении определенных социальных процессов иногда не сразу ясно, являются ли причинные акторы микросоставляющими или же макроцелостностями. Неоднозначность может быть устранена, если существует множество эквивалентных объяснений рассматриваемого процесса на микроуровне, например, если коалиция между сообществами, которая в действительности была образована в ходе переговоров между определенными группами активистов, могла бы образоваться в ходе переговоров между иными активистами. Другими словами, объяснение возникновения коалиции как результата взаимодействия между целыми сообществами имеет основание, если разъяснение микродеталей оказывается излишним в силу того, что несколько таких микропричин привели бы к такому же результату¹⁸. Точно так же крупная организация может быть названа значимым актором при объяснении

межорганизационных процессов, если замена людей, играющих определенные роли в ее властных структурах, оставляет организационную политику и повседневную рутину неизменной. При такой замене, разумеется, нельзя не считаться с особенностями (замена одних менеджеров, бухгалтеров или инженеров другими), но если эмерджентные свойства и способности организации после таких перемен остаются практически неизменными, то излишним будет объяснять последствия межорганизационных процессов отсылкой к конкретным менеджерам, бухгалтерам и инженерам, когда упоминание многих других подобных специалистов могло бы оставить результаты практически такими же.

То же самое верно для более крупных ассамбляжей. Города вступают в причинное взаимодействие между собой, соревнуясь за иммигрантов из деревенских регионов, за природные ресурсы вроде воды и сельскохозяйственных земель, а также за экономические инвестиции. Крупные города, например, могут бросить «тень причинности» на свое окружение, препятствуя формированию новых малых городов с их сферами влияния путем лишения их людей, ресурсов или торговых возможностей. Но, разумеется, таким образом взаимодействуют не города как физические сущности, но города как места разворачивания действий населяющих их людей, включая торговцев, инвесторов и мигрантов, а также рынки и правительственные организации. Так почему бы не сказать, что взаимодействия между участниками этих действий вынуждают одни урбанистические центры препятствовать росту других? Потому что, если бы мы заменили одних торговцев другими, а одни рынки другими, мы бы достигли крайне схожего эффекта. С другой стороны, если бы подобная замена привела к совершенно иному результату, стало бы очевидно, что рассматриваемое нами явление должно объясняться механизмами, работающими в меньшем масштабе, и что оно бы включало в себя не только причины, но также побуждения и даже мотивы.

Таким образом, более крупные, чем индивиды, социальные ассамбляжи существуют объективно, поскольку они могут причинно воздействовать на людей, являющихся их составными частями, ограничивая их и наделяя возможностями, а также поскольку они могут причинно воздействовать на другие ассамбляжи на своем уровне. То, что для применения причинных способностей столь же внутренних, сколь и внешних, эти ассамбляжи должны задействовать людей в качестве средства взаимодействия, не в большей степени подрывает их онтологическую автономию, чем факт ис-

пользования людьми частей своих тел для взаимодействия с материальным миром (ладоней или стоп, например) подрывает отнесенность автономии людей от анатомических составляющих. Это утверждение применимо и к большим масштабам. Когда города вступают в войну, а это постоянный процесс во времена городов-государств, они причинно взаимодействуют посредством своих военных организаций. На вопрос о том, как рассматривать это взаимодействие — как взаимодействие между организациями или взаимодействие между урбанистическими центрами, — следует отвечать в терминах причинной избыточности. Если война длится столь долгое время или разворачивается в столь крупном масштабе, что принятие стратегических решений в организационном масштабе имеет меньшее значение, чем истощение городских ресурсов (новобранцев, оружия, продовольствия), имеет смысл рассматривать этот эпизод как предполагающий взаимодействие между урбанистическими центрами, поскольку подмена одного множества военных организаций другим практически не изменит конечного результата. Военные организации могут пониматься как посредники, через которые воюющие города (или территориальные государства) взаимодействуют, в той же степени, в какой отдельные служащие в разных отраслях военного дела являются посредниками во взаимодействии самих организаций.

Чтобы окончательно сделать теорию ассамбляжей пригодной для рассмотрения разномасштабной социальной реальности, в ее описания необходимо внести еще три корректировки. Во-первых, нужно уточнить сам концепт эмерджентности. Выше я говорил, что один из способов избежать овеществления общих категорий — сфокусироваться на процессе производства вместо перечисления свойств, характеризующих конечный продукт. Это действительно верно, но есть риск сделать слишком сильный акцент на историческом рождении конкретного ассамбляжа, то есть на процессах, обуславливающих *изначальное возникновение*, или эмерджентность, его идентичности, в ущерб процессам, поддерживающим его идентичность с момента рождения и до смерти: ни одна организация не будет способна удерживать свою идентичность без непрекращающихся взаимодействий между управляющими и сотрудниками, ни один город не сможет удерживать свою идентичность без непрерывных обменов между политическими, экономическими и религиозными организациями и ни одно национальное государство не сможет выжить без бесконечных взаимодействий между своей столицей и другими урбанистическими центрами. Выража-

ясь в технических терминах, территориализующие процессы нужны не только исторически, чтобы производить идентичность ассамблежей в каждом пространственном масштабе, но также, чтобы поддерживать ее в условиях дестабилизирующих процессов детерриторизации.

Второе уточнение связано с первым. В предыдущей главе я утверждал, что ассамблежи всегда производятся в ходе рекуррентных процессов и что этим предполагается их существование в популяциях. Если мы имеем популяцию ассамблежей одного масштаба, то другие процессы могут затем породить более масштабные ассамблежи, используя членов этой популяции в качестве компонентов. Это утверждение корректно, но только если оно не применяется к актуальным историческим процессам. Несмотря на то, что для изначального возникновения самых первых организаций было необходимо существование предсуществующей популяции людей (не в природном, разумеется, состоянии, а как уже включенных в межличностные сети), большинство организаций, только появившихся на свет, были склонны привлекать к себе людей из других уже предсуществовавших организаций¹². За редким исключением, организации зарождаются в мире, заселенном другими организациями. Более того, в то время как некоторые части должны предсуществовать целому, остальные могут формироваться в процессах поддержания уже существующего целого: в то время как города состоят из популяций межличностных сетей и организаций, эти популяции не обязательно являются первичными по отношению к возникновению города. На самом деле большинство сетей и организаций зарождаются как части уже существующих городов.

Третье уточнение касается необходимости нахождения соответствующего масштаба, на котором могут быть объяснимы определенные социальные процессы. Как я говорил выше, порой вопросы релевантности ставятся посредством концепта причинной избыточности. Но это не означает, что объяснения всегда будут включать в себя однозначный пространственный масштаб. Революция в военном деле, произведенная Наполеоном, преобразовала войну «на истощение» в войну «на уничтожение», в которую вовлекались ресурсы целых наций. Это хороший пример процесса, нуждающегося в «разномасштабном» объяснении: он включает в себя причинные изменения, происходящие в городском и национальном масштабах (Французская революция, породившая первые армии мотивированных горожан, заменивших дорогостоящих на-

емников); причины и побуждения на уровне организации (распад монолитных армий на автономные дивизии, каждая со своей пехотой, кавалерией и артиллерией); а также побуждения и мотивы личностного плана, поскольку стратегический гений и харизма Наполеона, помноженные на его влиятельную позицию в межличностных сетях, играли критически катализирующую роль.

Позвольте мне подытожить аргумент, предложенный в данной главе. Онтологический статус всякого ассамбляжа, будь он неорганическим, органическим или социальным, состоит в его уникальности, сингулярности, исторической контингентности и индивидуальности. Несмотря на то, что термин «индивидуальный» применяется здесь к человеческим индивидам, в онтологическом смысле он не ограничивается этим масштабом реальности. В той же мере, и какой биологические виды не являются общими категориями, числами которых являются животные и растения, — но индивидуальными сущностями большего масштаба, составными частями которых и оказываются эти организмы, — более крупные социальные ассамбляжи должны получать онтологический статус индивидуальных сущностей: индивидуальных сетей и коалиций; индивидуальных организаций и правительств; индивидуальных городов и национальных государств. Этот онтологический маневр позволяет нам утверждать, что все эти индивидуальные сущности обладают объективным существованием независимо от нашего сознания (или от наших представлений о них) без каких-либо обязательств перед Сущностями, или овеществленными общностями. С другой стороны, чтобы этот маневр сработал, нужно прояснить отношение части-к-целому, занимающее место Сущностей. Автономия целостностей относительно их частей гарантируется тем фактом, что они могут оказывать причинное воздействие на эти части — как ограничивая, так и наделяя их возможностями, — а также тем фактом, что они могут взаимодействовать между собой образом, несводимым к их частям, то есть так, что объяснение взаимодействия, включающее детали составных частей, будет излишним. Наконец, онтологический статус ассамбляжа двойствен: в качестве актуальных сущностей разномасштабные социальные ассамбляжи являются индивидуальными сингулярностями, но открытые им возможности в каждый момент времени ограничены распределением универсальных сингулярностей — диаграммой ассамбляжа, которая не актуальна, а виртуальна.

Учитывая, насколько важную роль в этом всем играют отношения части-к-целому, в завершение этой главы я хотел бы прояс-

нить два следующих аспекта. До сих пор я рассматривал вопросы, касающиеся пространственного масштаба, когда целое было пространственно больше в силу того, что оно состояло из множества частей. Но биологические виды — пример, который я приводил в начале, — ко всему прочему существуют в более долгом временном масштабе, то есть они «длятся» гораздо дольше, чем составляющие их организмы и изменяются гораздо медленнее. Таким образом, первый вопрос звучит так: существует ли схожий временной аспект отношения части-к-целому? Если так, то дело в особых сущностях, как биологических, так и социальных, которые функционируют *вне-масштаба* (*scale-free way*). Это особые линии экспрессии, о которых я говорил в первой главе, включая генетические и лингвистические сущности. С одной стороны, гены и слова в большей степени «микро», нежели тела и сознания людей. С другой стороны, они также могут воздействовать на макропроцессы: гены определяют человеческий вид как целое, а слова могут определять религии, управляя верой больших групп. Второй вопрос таков: как эти особые ассамбляжи воздействуют на отношение части-к-целому?

Первый важный временной аспект социальных ассамбляжей состоит в относительной длительности событий, способных их изменять. Например, затрачивается ли больше времени для осуществления значительных и устойчивых изменений в организациях, нежели в людях, в городах, нежели в организациях? Здесь в первую очередь необходимо провести различие между изменениями, привнесенными причинными взаимодействиями между социальными ассамбляжами без умышленного вторжения людей (то есть изменениями, произведенными как ненамеренные коллективные последствия умышленных действий), и изменениями, ставшими результатом преднамеренных действий. Первый случай включает в себя медленные кумулятивные процессы продуктов повторяющихся взаимодействий. Например, в XVII и XVIII веках в Европе властные структуры многих организаций изменялись от основанных на традиционной легитимности формах к формам, основанным на рационально-правовых бюрократических процедурах. Эти изменения воздействовали не только на правительственную бюрократию, но также на больницы, школы и тюрьмы. Однако при детальном рассмотрении здесь не удастся увидеть заранее продуманного плана: изменения происходят за счет медленной, двухвековой смены одного набора повседневных рутинных действий другим. Хотя эта смена включала в себя принимаемые ин-

дивидами (людьми, которые, будучи мотивированы стремлением к легитимности, попросту имитировали в своей организации то, что происходило в другой) решения, детали этих решений в большинстве случаев излишни для причинного объяснения результата, — результата, который лучше понимать как продукт повторяющихся взаимодействий между членами организационной популяции. То же касается изменений в городских поселениях: взаимодействие между малыми городами посредством торговли или борьбы за людские и денежные ресурсы приносит свои плоды по прошествии длительного периода времени, в течение которого накапливаются небольшие первоначальные преимущества, а самостимулирующая динамика приводит к усилению первоначальных различий.

Таким образом, при изменениях, необъяснимых с точки зрения стратегического планирования, относительно долгосрочные временные перспективы могут давать надежду на значительные перемены. Но что можно сказать о другом случае? Сводятся ли плановые изменения в масштабах организации или города к длительности, характерной для принятия индивидуальных решений? Продолжительные и значительные изменения в этом случае всегда включают *мобилизацию внутренних ресурсов*, как материальных, таких как энергия или деньги, так и экспрессивных, таких как солидарность или легитимность. Я считаю возможным заявлять, что чем крупнее социальная сущность, нацеленная на изменения, тем шире объем ресурсов, которые необходимо мобилизовать. Учитывая, что ресурсы всегда ограничены, пространственный масштаб влияет на время, так как необходимые средства могут не быть в сиюминутном доступе, а значит, их придется накапливать в течение времени. Вдобавок мобилизация ресурсов должна осуществляться с учетом различных источников инерции, существующих в любом конкретном масштабе, — от традиций и прецедентов до чьих-либо интересов, которые могут быть затронуты теми или иными изменениями. Это предполагает, что чем масштабнее пространственные изменения, тем обширнее должны быть альянсы между людьми и тем сильнее должна быть их приверженность к изменениям. Позвольте мне проиллюстрировать этот тезис двумя примерами, имеющими место в разных пространственных масштабах, — мобилизацией ресурсов внутри организации с целью изменения самой организации и мобилизациями ресурсов, происходящими в иерархических организациях с целью изменения в районных или городских масштабах.

Первый случай (внутриорганизационные изменения) может быть проиллюстрирован потребностью организации в поддержании темпов стремительного технологического развития. При условии корректной оценки управляющим персоналом возможностей и рисков, связанных с новыми технологиями, может ли организация изменяться столь быстро, чтобы *привести скорость внутренних изменений в соответствие внешнему давлению*? Или, если сказать проще, могут ли по желанию быть мобилизованы ресурсы, доступные для организации? В крупных и сложных организациях это не всегда возможно. Изменения в функционировании организации оказывают большее воздействие на одни подразделения, чем на другие, либо изымают ресурсы у одного подразделения, чтобы наделить ими другое, и тем самым создается внутреннее сопротивление, которое должно быть преодолено в ходе переговоров. В свою очередь, успешность этих переговоров будет зависеть от степени, в которой формальные роли во властной структуре пересекаются с неформальными ролями межличностных сетей, образуемых сотрудниками. Если свойства сети (такие как центрированность или популярность узла) не совпадают с формальной властью, это может привести к конфликту и тупиковой ситуации в плане мобилизации ресурсов²⁰. Это означает, что даже в случае, когда решения об изменениях принимаются людьми, способными принудить своих подчиненных к выполнению распоряжений, сама сложность совместных действий предполагает задержку реализации одобренных центром планов и тем самым большие временные масштабы для организационных изменений.

Эффект временных лагов, производных от необходимости ведения переговоров и обеспечения выполнения центральных решений, становится более заметен в больших пространственных масштабах, как в случае изменений на уровне города, вызванных политикой правительства. Реализация политики, определяемой законодательными, исполнительными или судебными органами, обычно включает в себя участие множества других организаций наподобие бюрократических ведомств. Эти ведомства могут проявлять осмотрительность, преобразуя политические цели в реальные процедуры, программы и положения. Таким образом, необходимо добиться от них приверженности целям конкретной политики. Приверженность будет различаться — от напряженного участия до полного безразличия — в зависимости от конкретных ведомств. А это, в силу возникновения необходимости в переговорах, ведет к задержкам в ходе реализации [политики]. Задержки, в свою оче-

речь, означают, что изначально не вовлеченные ведомства имеют время на осознание того, что у них есть полномочия на выполнение какой-либо части программы, или определение того, что данная политика придет в столкновение с их интересами. Если эти ведомства будут вовлечены в процесс, они усложняют реализацию тем, что увеличат количество пунктов-вето, которые должны быть устранены. Реализация тем самым становится процессом бесконечного согласования исходных задач с изменчивой политической реальностью, причем каждое согласование влечет за собой задержку, связанную с переговорами и обеспечением договоренностей. Исторически невозможность отвечать исходным целям политического курса обычно отражала «неспособность исполняющей решения машинерии быстро фиксировать договоренности, покауда те оставались действительными»²¹.

Второй временной аспект социальных ассамблей состоит в их относительной устойчивости: это фундаментальный вопрос в социологии, учитывая, что довольно сложно применять термин «институт» по отношению к социальным феноменам, которые длились не дольше человеческой жизни. Обычно люди рождаются в мире предсуществующих им институтов (как институциональных норм, так и организаций) и умирают, оставляя после себя те же самые институты. Но помимо простой долговечности, мы хотели бы знать, приводят ли процессы, которые непрерывно поддерживают идентичность социальных ассамблей, к *характерной продолжительности жизни*, связанной с различными пространственными масштабами. Иными словами, связана ли значительная протяженность в пространстве со значительной длительностью во времени? Ответ состоит в том, что не существует простых взаимосвязей. Межличностные сети имеют разную длительность: дисперсные дружеские сети не более продолжительны, чем составляющие их люди, но тесно связанная сеть соседских общин, живущих бок о бок друг с другом, порождает сообщества, способные пережить смерть составляющих их частей. Долговечность институциональных организаций тоже различна: с одной стороны, рестораны в среднем живут всего лишь несколько лет (из-за чего их прозвали «дрозофилами» мира организаций), но некоторые религиозные, правительственные и даже экономические организации могут существовать веками. Города, в свою очередь, имеют различные сроки существования: есть, например, устойчивые на протяжении тысячелетий, — и большинству из них удается пережить многие из организаций, которые в них располагаются. Наконец,

несмотря на то, что некоторые территориальные образования, такие как крупные империи, демонстрировали жизнестойкость, позволявшую им существовать по меньшей мере столь же долго, как и городам, национальные государства слишком молоды, чтобы знать, что значит существовать очень долго. Таким образом, в некоторых случаях пространственные и временные масштабы коррелируют между собой, в других нет. С другой стороны, многие социальные ассамбляжи — более крупные, чем люди, — в среднем переживают их даже сегодня, когда снизился процент детской смертности и в целом повысились ожидания от человеческой жизни.

В случае плотных межличностных сетей часть объяснения их относительно долгой жизни состоит в том, что их преимущество поддерживается частичным совпадением следующих друг за другом поколений в соседских общинах. Схожим образом в случае иерархических организаций замена персонала не происходит в одночасье, то есть всегда имеет место частичное совпадение между уже привычным к повседневной рутине персоналом и новыми сотрудниками. Но помимо этого частичного совпадения во времени имеет место и передача семантической информации от поколения к поколению о традициях и обычаях определенного сообщества или о формальных и неформальных правилах, определяющих позиции власти в определенных иерархических организациях. Эта передача лингвистических материалов помогает поддерживать идентичность социальных ассамбляжей во времени в той же степени, в какой поток генетических материалов позволяет сохранять идентичность биологических ассамбляжей. Как я говорил в предыдущей главе, эти специализированные средства выражения должны сами по себе пониматься в качестве ассамбляжей, населяющих планету не как единичные общности, но как популяции определенных индивидуальных сущностей в отношениях части-к-целому, — популяции индивидуальных звуков, слов и предложений; популяции индивидуальных нуклеотидов, генов и хромосом.

С другой стороны, эти ассамбляжи особенны в двух отношениях. Во-первых, они способны к *вариативной репликации* посредством физического матричного механизма (в случае генетического материала) и посредством предписываемых социальных обязательств (в случае лингвистического материала). Популяции репликаторов в сочетании с любым фильтром или механизмом отбора способны со временем проводить изменения, позволяя грузу прошлого приходиться в столкновение с настоящим. Когда механизм

отбора склоняет эту эволюцию к адаптации, популяции репликаторов могут действовать как обучающий механизм, как средства отслеживания изменений в среде через свои собственные внутренние изменения. Во-вторых, эти особые ассамбляжи способны функционировать среди множества пространственных масштабов одновременно: гены активны внутри клеток, управляют функционированием органов, влияют на поведение всего организма, а помехи для их переноса (*flow*) определяют репродуктивную изоляцию вида; язык формирует наиболее сокровенные убеждения человека, общедоступное содержание разговоров, устные традиции небольших сообществ и писанные правила больших организаций и целых правительств²². Благодаря переносу языковых репликаторов ассамбляжи, функционирующие в различных пространственных масштабах, могут воспроизводить себя так же, как и в случае, когда организация открывает филиал в новом месте и отправляет туда часть своего персонала для передачи опыта, определяющего повседневное функционирование организации, новым сотрудникам. Но перенос лингвистических репликаторов не всегда должен быть «вертикальным» — от одного поколения к другому в рамках одного и того же сообщества или от организации к новому филиалу. Как в случае с репродуктивно изолированными микроорганизмами, этот поток может быть «горизонтальным», вводя чужеродные распорядки, процедуры и ритуалы, которые скорее изменяют, чем сохраняют идентичность социального ассамбляжа.

Эти характеристики делают генетические и лингвистические ассамбляжи необычными. Но даже будучи особыми, они не должны пониматься как что-то большее, чем составляющие части, вступающие в отношения экстерииорности с другими частями. Когда эти отношения понимаются как отношения интериорности, конститутивные для самой идентичности соотносимых частей, гены и слова вырождаются в Сущности. В случае языка этот трюк воплощен в тезисе о *лингвистическом характере опыта*, то есть в идее о том, что неразличимое в других отношениях феноменологическое поле разрезается на дискретные сущности посредством общих терминов. Поскольку во многих случаях значение общих категорий крайне стереотипно (особенно когда эти категории применимы к группам людей, как в случае гендера или расы), тезис о языковой детерминации опыта предполагает, что восприятие является социальным конструктом²³. В начале этой главы я говорил, что общие категории в реальном мире ни к чему не отсылают и что вера в обратное (то есть их овеществление) ведет прямым к

эссенциализму. Социальный конструктивизм, как предполагается, служит антиподом этой позиции в том смысле, что, показывая, что общие категории являют собой ни что иное как стереотипы, он блокирует движение по направлению к их овеществлению. Но соединяя идею о том, что восприятие по своей сути лингвистично, с онтологическим допущением того, что только содержания опыта по-настоящему существуют, эта позиция напрямую ведет к формированию социального эссенциализма. В последующих главах, где я проведу детальный анализ социальных ассамбляжей, рассматриваемых во все более и более крупных пространственных масштабах, эти опасения стоит иметь в виду, особенно в начале, когда я попытаюсь объяснить, как индивиды возникают из взаимодействия субличностных компонентов, лишь некоторые из которых оказываются языковыми.

Люди и сети

Хотя люди и не являются мельчайшими аналитическими единицами, которые может изучать социальная наука, — например, действия людей, такие как индивидуальные экономические транзакции, могут быть использованы в качестве аналитических единиц — они наименьшие из рассматриваемых нами социальных ассамблежей. Разумеется, люди возникают из взаимодействия субличностных компонентов, и некоторые из них можно по праву назвать наименьшими социальными сущностями, но от решения этого вопроса не зависит ничего важного. Нам лишь нужна отправная точка для построения онтологической модели снизу-вверх, и масштаб человеческого индивида для этого подходит. С другой стороны, нужно с самого начала согласиться, что нашей целью не является решение всех философских проблем, которые касаются субъективности или сознания: они, вероятно, будут еще очень долго озадачивать философов. Нам нужна лишь удачная модель субъекта, которая уложится в рамки теории ассамблежей, то есть модель, в которой субъект возникает по мере того, как между содержаниями опыта устанавливаются отношения экстерности. Как утверждал Делёз, хорошего кандидата на ее роль можно найти в философской школе, известной как эмпиризм.

Чаще всего вспоминают эпистемологические доводы эмпириков, в частности утверждение, что все знание, включая вербальное, может всецело быть сведено к чувственному восприятию. Иными словами, что в основе знания лежит чувственный опыт. Но Делёз в работах Дэвида Юма вместо этой прохудившейся фундаменталистской эпистемологии увидел нечто куда более интересное: модель генезиса субъективности, которая может послужить альтернативой доминирующей модели, основанной на тезисе о языковой природе опыта. Эмпиристская модель определяет субъективный опыт в первую и главную очередь в терминах *отчетливых и различных ощущений*. Идеи, которые мы получаем из этих

ощущений (идеи, которые могут конституировать смысл некоторых слов), не соотносятся с ними посредством социальной конвенции, но являются точными копиями этих ощущений, отличными от последних только за счет своей *меньшей интенсивности*¹. С точки зрения теории ассамбляжей, важным является то, что каждый тип впечатлений — не только зрительных, слуховых, обонятельных и осязательных, но также множество страстей, от гордости и унижения до любви и ненависти — обладает собственной единичной индивидуальностью, то есть каждое из этих впечатлений, как пишет Юм, является «первоначальным бытием»². Этим гарантирована их гетерогенность и несводимость друг к другу. Вдобавок единичный статус впечатлений отличает [модель] эмпириков от языковых моделей, в которых *частное* впечатление распознается как впечатление от чего-то, что мысленно классифицируется как принадлежащее *общей* категории.

С другой стороны, какой-то процесс должен придать этим единичным впечатлениям и идеям определенное единство, даже если для этого придется повысить степень их единообразия и постоянства. Этим процессом, как известно, является ассоциирование идей. Может ли он моделироваться посредством отношений экстерииорности? Ранее я утверждал, что действие причин на их следствия является хорошим примером отношений экстерииорности. По той же причине хорошим примером является и *действие формальных операторов на их аргументы*. В случае субъективности определенные операторы, воздействуя на идеи, производят ассоциативные связи между ними и обеспечивают общую согласованность субъективного опыта. Если быть точнее, совершаемые с помощью привычки группировка идей через отношения протяженности (в пространстве или во времени), их сравнение через отношения сходства и объединение причин и следствий по их воспринимаемой постоянной связи превращают рыхлую коллекцию индивидуальных идей в единое целое с эмерджентными свойствами. Ассоциативные отношения, устанавливаемые между идеями этими тремя операторами, отвечают критерию экстерииорности, потому что они могут изменяться, при том что сами идеи остаются неизменными и свойства идей не используются для объяснения применяемых к ним операций³.

Эти три ассоциативных оператора можно понимать как общие для всего человечества, поскольку, согласно Юму, они являются «первоначальными качествами человеческой природы»⁴. Отсылка к разделяемой индивидами «человеческой природе», конечно же,

не должна пониматься как демонстрация приверженности эссенциализму, поскольку человеческий вид является контингентным историческим продуктом, как и любой человеческий организм. Свойства уровня видов, будучи более долгосрочными, чем свойства организмов или людей, могут воистину включать в себя «фиксированную обязательную природу», если мы рассматриваем события на временной шкале организмов, но эта фиксированность и необходимость являются своего рода «оптической иллюзией», производимой гораздо более медленным темпом смены свойств видов или высокой степенью их репродуктивной изолированности. С другой стороны, процесс, отвечающий за возникновение форм субъективности видового масштаба, не способен удерживать множество черт, характерных для индивидов, принадлежащих к различным индивидуальным культурам. Таким образом, если налаживаемые привычкой связи между причинами и следствиями позволяют любому человеческому субъекту согласовывать цели со средствами (то есть решать практические проблемы), выбор целей полностью зависит от страстей — от привычного преследования целей, ассоциируемых с приятными или позитивно оцениваемыми страстями, к привычному избеганию тех, что связаны со страстями болезненными или оцениваемыми негативно³. Субъект, возникающий из этого двойного процесса, — это *прагматичный субъект*, чье поведение должно объясняться как наличными побуждениями, например традиционными ценностями, так и утверждением личных мотивов. Можно суммировать эту модель возникновения субъективности, используя слова Делёза:

...то, что превращает душу в субъекта, то, что устанавливает субъекта в душе, — это принципы человеческой природы. Такие принципы бывают двух типов: принципы ассоциации, с одной стороны, а с другой, принципы аффекта, которые — в определенном отношении — мы можем представить в общей форме принципа полезности. Субъект — это такая инстанция, которая — в результате действия принципа полезности — преследует некую цель (*but*) или намерение, она организует средства с точки зрения цели (*fin*) и, в результате действия принципов ассоциации, устанавливает отношения между идеями. Итак, собрание становится системой. Собрание восприятий становится системой, когда последние организованы, когда они связаны⁴.

Эту систематичную сущность можно рассмотреть как ассамбляж и различить два типа компонентов — играющие материаль-

ную и экспрессивную роли, а также два типа процессов — стабилизирующие и дестабилизирующие ее. Материальная роль представлена телесными механизмами, стоящими за производством чувственных впечатлений и лежащими в основе предрасположенности тела к различным человеческим страстям и эмоциям и реализующими с неврологической точки зрения эти три ассоциативных оператора. Хотя сам Юм отказывался рассуждать о природе этих механизмов, он верил, что основные впечатления возникают «в зависимости от организации тела, жизненных духов или воздействия объектов на органы внешних чувств»⁷. К этим механизмам нужно добавить энергию или труд, которые в виде сосредоточенного внимания вовлечены в постоянное производство ассоциативных связей. Экспрессивная же роль исполняется как языковыми, так и неязыковыми компонентами. Основным примером последних являются идеи, происходящие из чувственного восприятия и восприятия под воздействием страстей. Как я отмечал ранее, связь между идеями и восприятием не является репрезентативной, то есть она не опосредуется конвенцией или кодом. *Идеи напрямую выражают впечатления*. Как пишет Юм, «идея красного цвета, которую мы образуем в темноте, и то впечатление, которое поражает наш глаз при солнечном свете, отличны друг от друга только по степени, но не по природе»⁸.

Ключевой территорияющей процесс, придающий ассамблею стабильную идентичность, это процесс *привычного повторения*. Привычка, согласно Юму, это сила, поддерживающая ассоциацию идей, более властная, чем сознательная рефлексия, и человеческая идентичность стабильна лишь до той степени, пока поддерживаются привычные, или обыденные, ассоциации⁹. Следовательно, всякий процесс, возвращающий субъекта к состоянию, предшествующему созданию фиксированных ассоциаций между идеями (то есть к состоянию, в котором идеи соединены будто в *бреду*), может дестабилизировать идентичность человека. Не так сложно найти примеры этих детерриторирующих процессов. Среди них — безумие, лихорадка, интоксикация, сенсорная депривация и даже преднамеренные вмешательства, направленные на разрыв обыденности, как это представлено, скажем, в тюрьмах или концентрационных лагерях. Такие и подобные им процессы могут повлечь за собой потерю или по крайней мере суровую дестабилизацию идентичности субъекта¹⁰.

Человеческая идентичность может быть детерриторизована не только за счет потери стабильности, но также за счет наращива-

ния способностей; здесь мы должны пойти дальше Юма и добавить к привычке или рутине эффект *приобретения новых навыков*. Например, когда маленький ребенок учится плавать или ездить на велосипеде, перед ним внезапно открывается мир нового опыта, наполненный новыми впечатлениями и идеями. Новый навык является до того детерриторизирующим, что он позволяет ребенку разорвать оковы рутины, удрав из дома на новом транспортном средстве или проводя время в ранее запрещенных местах, таких как пляж. Короче, новые навыки повышают способности оказывать воздействие и подвергаться ему или, иначе говоря, повышают способности входить в ранее неизвестные ассамбляжи, например в ассамбляж, который человеческое тело образует с велосипедом, куском твердой земной поверхности и гравитационным полем. Разумеется, испытание новых навыков вскоре может обратиться в рутину, если не направить процесс обучения в новых направлениях. Вдобавок, если устойчивых привычек достаточно для выстраивания ассоциации между линейными причинами и их постоянными следствиями, их оказывается недостаточно, когда мы имеем дело с нелинейными причинами, которые требуют более адаптивных и гибких навыков.

Наконец, встает вопрос о роли, которую играют экспрессивные языковые компоненты. Их нужно вводить с учетом ограничений, накладываемых на отношения интериорности, — ограничений, которые, как я уже говорил, исключают неокантианскую конститутивную роль языка. Более того, нужно помнить, что в истории эволюции человеческого вида язык появился относительно поздно. Будучи разумным видом, мы тысячелетия успешно справлялись с изменениями окружающей среды, используя накопленные знания об отношениях причины и следствия. Сам Юм утверждает, что способность согласовывать средства и цели (то есть способность к каузальному мышлению) не исключительно человеческая способность, но ее можно наблюдать у других животных, которые используют ее для самосохранения и продолжения своего рода¹¹. Чтобы быть совместимым с теорией ассамбляжей, всякий рассматриваемый подход к языку должен объяснить свое возникновение на основании первичной неязыковой разумной формы. Безусловно, когда язык наконец возник, он приумножил эти первичные формы разумного поведения за счет более высокой *комбинаторной продуктивности*. С ассоцианистским подходом есть одна трудность, на которую указывали критики; она касается движения от простых идей к более сложным. В подходе Юма сложная идея яб-

лока производилась путем комбинирования простых идей определенного цвета, формы, запаха, вкуса и т. д. Но эта комбинаторная способность меркнет по сравнению со способностью языка: словарь с конечным количеством слов и набор грамматических правил способны производить бесконечное количество удачно сформулированных предложений¹². С точки зрения теории ассамбляжей, нет никакой проблемы в том, чтобы просто добавить эту комбинаторную продуктивность языка к ассоцианизму, поскольку объясняющая ее грамматическая теория (как и несколько существующих теорий) также может пройти эволюционный тест (то есть постулируемые ею формальные операторы могут возникнуть из изначально неязыковых форм субъективности)¹³.

Если мы допустим, что у нас есть отвечающая всем требованиям теория языка, основным эффектом языка на уровне человеческих индивидов будет формирование верований. По Юму разница между верой и отсутствием веры в определенную идею — это просто вопрос интенсивности¹⁴. Учитывая, что идеи являются низкоинтенсивными копиями впечатлений, вера в них просто приближает их к оригиналу, поэтому, согласно Юму, «идеи, с которыми мы соглашаемся, более стойки, сильны и живы, нежели смутные грезы мечтателя»¹⁵. Это понятие веры как чувственности сильно отличается от понимания современных философов, для которых важную роль играет язык. Как я говорил в первой главе, веру можно понимать как установку по отношению к пропозиции, то есть к значению предложения, утверждающего (истинно или ложно) положение вещей. Учитывая, что повествовательные предложения являются важным показателем комбинаторной продуктивности языка и что в рамках теории ассамбляжей эта продуктивность воспринимается как реальная, мы должны всерьез принять определение веры как пропозициональной установки. Однако это не лишает смысла тезис Юма, поскольку мы можем совместить такую установку с различающейся градацией интенсивности, и во множестве случаев социальное действие вызывается скорее интенсивностью определенного верования, нежели соответствующей [этому верованию] пропозицией. Так, некоторые люди предпочли бы умереть, веря в то, что мучение гарантирует вечное вознаграждение, но это желание пожертвовать собой скорее связано с интенсивностью их приверженности, чем с определенным семантическим содержанием верования (скажем, с определенным числом поджидающих их на небесах девственников), — содержанием, которое может меняться без того, чтобы менять поведение. Превос-

ходство интенсивности над семантическим содержанием становится яснее в других пропозициональных установках, таких как *желания*, объектом которых могут быть юмовские идеи в чистом виде (желание особого вкуса, или звука, или определенного визуального опыта), хотя они также могут быть направлены на пропозиции, как в случае желания вечного спасения.

Этот краткий набросок того, как в теории ассамбляжей можно работать с субъективностью, сложно назвать окончательным, но его достаточно, чтобы обеспечить нам отправную точку. Субъект, или личность, возникающая из собрания субличностных компонентов (впечатлений, идей, пропозициональных установок, привычек, навыков), имеет надлежащие способности, чтобы действовать прагматично, согласовывая средства с целью, и социально, выбирая цели, руководствуясь привычками или обычаями, не требующими принятия осознанного решения. Однако учитывая тот факт, что процессы производства ассамбляжей всегда итерационны (то есть всегда порождают популяции), следует сразу дополнить нашу модель теми аспектами субъективности, что возникают в процессе взаимодействия между людьми. Некоторые из взаимодействий можно рассматривать как происходящие в рамках ассамбляжей, но при этом имеющие короткий жизненный цикл. Эти эфемерные ассамбляжи можно называть «социальными встречами», и для многих их типов можно выделить особо значимые [ассамбляжи]: разговоры между двумя или более людьми.

Наиболее важные в этом отношении исследования, несомненно, представлены в работах социолога Ирвина Гофмана, который изучал то, каким образом разговоры добавляют дополнительные слои идентичности людям: *публичный образ*, который они проецируют во время встреч с другими, — это образ, которые имеет больше отношения к тому, кем они хотят быть, нежели чем к тому, кем они являются. Гофмановский анализ разговоров тяготеет к теории ассамбляжей прежде всего из-за акцента на отношениях экстеринности. Он определяет свою проблематику так:

Класс событий, происходящих во время взаимного физического присутствия и благодаря ему. Основным поведенческим материалом здесь служат взгляды, жесты, позы и словесные высказывания, которые люди непрерывно вольно или невольно вносят в ситуацию. Это внешние знаки *ориентации действия и вовлеченности* — состояний души и тела, обычно не исследуемых в их соотношении с социальной организацией¹⁶.

Вдобавок Гофман делает акцент на таких свойствах разговора, которые не могут быть редуцированы к его составным частям, скажем на достижении *ритуального равновесия*, которое может подвергнуться опасности, если вовлеченность и внимание недостаточны. Хорошим примером угрозы для устойчивости ритуала являются раздражающие события, такие как языковые искажения (нечеткое произношение или неверное словоупотребление, неумение найти подходящие слова) или несоблюдение этикета (высмеивание заикания, обвинение во лжи), поскольку эти инциденты отводят внимание от самого разговора к нормам, которые взаимно соблюдаются обоими участниками разговора. Когда возникают подобные опасности, сама ситуация становится раздражающей: в то время как виновники искажения могут чувствовать себя оскорбленными, особенно если остальным не хватает такта не подать виду, другие участники могут испытывать раздражение, так что вся ситуация в целом требует коррекции. Степень, до которой требуется коррекция, напрямую связана с интенсивностью разрыва. Как пишет Гофман, унижительное событие ставит всех участников «в положени[е] ритуального дисбаланса или бесчестия, и требуется предпринять усилия, чтобы восстановить для них удовлетворительный ритуальный статус. <...> Образ равновесия здесь уместен потому, что продолжительность и интенсивность корректировочного усилия вполне соответствуют стабильности и силе угрозы»¹⁷.

В качестве ассамблея разговор обладает компонентами, играющими как материальную, так и экспрессивную роль. Основной материальный компонент — это *со-присутствие*: человеческие тела, правильным образом расположенные в пространстве, достаточно близко, чтобы слышать друг друга, и ориентированные друг на друга. Еще один материальный компонент — это внимание и вовлеченность, необходимые для поддержания разговора, а также труд, затрачиваемый на устранение ритуального неравновесия. Хотя в повседневных разговорах этот труд зачастую сводится к усвоению простых привычек, иные случаи могут потребовать испытания навыков, таких как такт (способность предотвращения раздражающих других [людей] ситуаций) и самообладание (способность сохранять спокойствие в потенциально раздражающих обстоятельствах)¹⁸. Таков минимальный набор составляющих, играющих материальную роль. Но технические изобретения (такие как телефоны или компьютерные сети) могут сделать физическое со-присутствие ненужным, приводя тем самым к потере некото-

рых материальных компонентов (пространственная протяженность) и одновременному добавлению других — самих технических устройств и инфраструктуры, необходимой для обеспечения связи между этими устройствами.

Несмотря на то, что поток слов, составляющих содержание разговора, очевидным образом играет важную экспрессивную роль, каждый участник разговора выражает притязания на некий публичный образ посредством мимики, положений тела, наличия или отсутствия самообладания и такта, выбора темы разговора и т. д. Эти идентифицирующие притязания должны выражаться четко, то есть они должны демонстрироваться таким образом, чтобы создаваемый образ не мог быть с легкостью поставлен другими под сомнение. Каждый разговор будет предоставлять его участникам возможность выразить желаемую информацию о себе, а также риск выразить нежелательную. Поскольку эта информация становится частью репутации, она будет влиять на то, на что можно притязать при следующей встрече. Разнообразие средств, при помощи которых могут быть выражены притязания на некий публичный образ, формируют основные неязыковые экспрессивные компоненты этих ассамблежей.

Можно сказать, что разговор терриоризуется поведенческими процессами, устанавливающими границы разговора в пространстве и во времени. Обычно пространственные границы разговора устанавливаются довольно четко — отчасти из-за необходимости физического со-присутствия, отчасти потому, что сами участники утверждают друг друга как легитимных участников взаимодействия и исключают находящихся поблизости посторонних людей. Как пишет Гофман, когда «осуществлен этот процесс взаимного признания, индивиды, утвержденные таким образом в правах, оказываются в своеобразном *состоянии беседы*; это означает, что они официально провозгласили свою открытость друг другу ради достижения целей разговора и совместного поддержания потока слов»¹⁹. Разговоры также имеют ограничения по времени, которые устанавливаются конвенциональными способами начала и окончания встречи, а также темпоральным порядком определения очередности во время встречи.

Каждое событие или каждую серию событий, дестабилизирующих разговор или размывающих его границы, можно рассматривать как события детерриторизации. Примером дестабилизации является замешательство или унижение: в той степени, в какой притязания на публично одобряемые образы поддерживаются в

разговоре [его участниками], любой урон, наносимый этим имиджам, является потенциальной угрозой для ситуации в целом. Гофман обсуждает поворотные моменты в интенсивности унижения, после которых, например, невозможным становится сохранение самообладания, замешательство распространяется на всех участников и разговор рушится²⁰. Более того, существуют события, которые способны трансформировать повседневные разговоры в горячий спор и, если ситуация не будет скорректирована, в рукопашный бой. Такие события тоже являются детерриторизирующими. Наконец, технические изобретения, позволяющие разговору происходить через расстояние, воздействуют на его идентичность не за счет превращения его в социальную встречу другого типа, а за счет размывания его пространственных границ, что заставляет участников различными способами компенсировать недостаток присутствия.

Роль, исполняемая в этих ассамбляжах языком, очевидна, поскольку коммуникация в этих обменах происходит посредством слов и предложений. Но, как я говорил в предыдущих главах, эти языковые сущности сразу и означивают, и обладают значимостью; эти два измерения значения — одно семантическое, а второе прагматическое — не стоит путать²¹. Можно представить прагматическое измерение языка как последствия произнесения чего-либо. Как утверждает Гофман, за исключением действий, сознательно направленных на убивание времени, все человеческие действия имеют прагматические последствия. Во многих случаях эти последствия относительно хорошо известны (из-за крайне высокой вероятности их появления) и потому не являются проблематичными. Но другие ситуации могут и иметь последствия, и быть проблематичными. Такие ситуации он называет *событийными*, или *судьбоносными*²². Разумеется, термин применим ко многим типам социальных встреч, некоторые из них могут обладать минимумом языковых компонентов, например, встреча враждующих армий на поле сражения. Но также его можно применять для различения разговоров, в которых происходит обмен обычными и относительно незначительными словами, и тех [разговоров], в которых обсуждаемая тема представляет для участников высокую важность и исход которых не так просто предсказать заранее. С точки зрения идентифицирующих притязаний, которые могут быть сделаны в ходе социальных встреч, событийность меняет распределение возможностей и рисков. В частности, только событийные ситуации предоставляют участникам экспрессивную возможность *проявить*

характер (мужество, честность, целеустремленность). Это важно, потому что богатые событиями встречи относительно редки и, если возможность не будет упущена, в долгосрочной перспективе участники могут улучшить свои репутации, так как притязания на сильный характер могут быть подвергнуты сомнению только за счет возникновения еще одного проблематичного события, а не другими участниками²³.

Когда разговоры (и другие социальные встречи) повторяются с одними и теми же участниками или пересекающимися множествами участников, появляется тенденция к возникновению более долгосрочных социальных сущностей — межличностных сетей. С точки зрения теории ассамблежей межличностные сети являются, вероятно, наиболее простыми в обращении социальными сущностями, принимая во внимание, что в теории сетей всегда делается акцент на отношения экстерииорности. То есть предмет изучения формируется *паттерном рекуррентных связей* и свойствами этих связей, а не характеристиками людей, занимающих определенные позиции в сети. Такие характеристики, как половая или расовая принадлежность, очевидно, очень важны в изучении человеческих взаимодействий, но эмерджентные свойства сетей обычно не меняются при изменении этих характеристик. Это означает, что свойства связей не могут быть выведены из свойств связанных между собой людей. Свойства связей включают в себя их *силу*, то есть частоту взаимодействий между занимающими определенные позиции людьми, а также эмоциональное содержание отношений: их *наличие или отсутствие* (отсутствие означает существование границ, отделяющих одну сеть от другой или одну группу от другой в рамках данной сети) и их *взаимность*, то есть симметрию или асимметрию обязательств, налагаемых связью²⁴.

Вдобавок сама сеть обладает свойствами, из которых важным является *плотность* — мера интенсивности соединений между прямыми связями²⁵. Грубо говоря, если друзья моих друзей (то есть связанные со мной косвенно) знают друзей ваших друзей, а те, в свою очередь, знают друзей друзей всех остальных членов этого сообщества, у сети высокая плотность. Как я говорил в предыдущей главе, в сети с высокой плотностью информация о нарушении местных норм становится известна всем членам сообщества; это означает, что сама сеть способна поддерживать внутреннюю репутацию и предостерегать (посредством ostracизма и других санкций) потенциальных нарушителей. Другое важное свойство — это *стабильность* сети, свойство, которое можно изучать в термини-

нах установок вовлеченных [в нее] людей или в терминах некоторой систематической взаимозависимости между установками, обусловленными позициями в сети. В первом случае сеть стабильна, если установки членов сети по отношению друг к другу не создают психологического напряжения, как это происходило бы в ситуации, когда друзья друзей, по сути, являются врагами. Во втором случае имеет значение то, как определенные свойства положения, занимаемого в сети, такие как «нахождение поблизости» (определяемое числом промежуточных связей), воздействуют на занимающих эти позиции людей, склоняя их к принятию аналогичных установок по отношению к третьим лицам²⁶. Плотность и стабильность, в свою очередь, могут наделить сообщество более высоким уровнем *солидарности*. Это свойство также является эмерджентным в той мере, в какой одна и та же степень солидарности может быть совместима с различными комбинациями личных побуждений и мотивов: некоторые члены могут мотивироваться чувством близости, которое произрастает в них по мере вовлечения в дела сообщества, другие — альтруизмом, а остальные — строгим учетом ответных действий.

Среди играющих в этих ассамбляжах материальную роль компонентов, помимо физических тел вовлеченных людей, есть время и энергия, необходимые для поддержания отношений, — два ресурса, запасы которых всегда недостаточны и которые всегда ограничивают количество друзей и возможных контактов человека. Поддержание отношений требует чего-то большего, чем просто частых разговоров. Оно также предполагает оказание физической помощи, проявление заботы о детях других людей и эмоциональную поддержку, например помощь советом в трудной ситуации. Когда это происходит, во многих сообществах осуществляется разделение труда, в рамках которого на долю женщин отводится непропорционально большая часть работы по поддержанию отношений²⁷. Среди компонентов, играющих экспрессивную роль, имеются разнообразные неязыковые формы выражения солидарности и доверия. Определенные рутинные действия, такие как совместный ужин (ежедневный или по праздникам) или поход в церковь (и иные коллективные ритуалы), одновременно выражают солидарность и выполняют задачу по поддержанию [отношений]²⁸. Иные действия, такие как совместное переживание трудностей, что имеет место, например, во время забастовок в сообществах рабочих, или демонстрация готовности принести жертву во имя сообщества, одновременно выражают и выстраивают доверие. Важным здесь

является то, что когда дело доходит до выражения солидарности, действия могут сказать больше, чем слова. Экспрессивные компоненты также включают в себя любые элементы, способные послужить показателем идентичности. Сам акт использования членами сообщества определенного диалекта выражает, например, факт принадлежности данному сообществу, — это демонстрация гордости членством, которая сообщается вместе с любой информацией, переносимой при помощи слов²².

Межличностные сети подчиняются различным центростремительным и центробежным силам, которые являют собой основные источники территориализации и детерриторизации. Среди первых наиболее важным является наличие *конфликта* между различными сообществами. Конфликт провоцирует увеличение различия между «мы» и «они», то есть делает более резкими границы между инсайдерами и аутсайдерами. В то время как высокая плотность сама трансформирует сети в механизмы принуждения, наличие конфликтов увеличивает число действий, направленных на отслеживание (охрану) границ сообщества, не только физических границ района или небольшого городка, но степени, до которой сообщество контролирует поведение своих членов и способствует сохранению внутренней однородности. Иными словами, конфликт обостряет идентичность сообщества. Это означает, что солидарность не всегда рассматривается как желаемое свойство, поскольку при наличии конфликта она выливается в практики социального исключения и ограничение автономии членов, что сильно сужает диапазон их различий³⁰. Примером центробежных сил может быть любой процесс, снижающий плотность сети, такой как социальная мобильность и секуляризация. Социальная мобильность ослабляет связи за счет того, что делает людей менее взаимозависимыми и стимулирует более охотное принятие различий за счет смены их установок с локальных на более глобальные. Помимо прочего, секуляризация предполагает устранение некоторых ритуалов, таких как посещение церкви, важных для поддержания традиционной солидарности. Транспортные и коммуникационные технологии являются другими источниками детерриторизации, которые снижают или уничтожают соприсутствие (то есть они создают дисперсные межличностные сети). Географическая дисперсия требует, чтобы члены сообщества были более активны в поддержании связей, к тому же соединения имеют тенденцию становиться шире и слабее, так что готовые ритуалы выражения солидарности могут быть недоступными³¹.

Языковые компоненты играют в этих ассамбляжах различные роли, важным примером чего являются *общие истории и категории*, возникающие как часть конфликта между двумя или более сообществами (то есть нарративы «„мы“ против „них“»), равно как и используемые в них наиболее шаблонные этнические или расовые категории. Как утверждал социолог истории Чарльз Тилли, эти истории сосредоточены на унифицированных хронотопах и на акторах с четкими мотивациями и фиксированными характеристиками; тем самым они не вполне ухватывают причинную структуру данной конфликтной ситуации, особенно если она длится уже долгое время. Эти нарративы обычно упускают все, что относится к неумышленным последствиям коллективных действий, все процессы накопления или концентрации ресурсов, которые проходят слишком медленно, чтобы быть замеченными непосредственным опытным путем, равно как все социальные эффекты, опосредованные физической средой³². Но роль этих историй в ассамбляже — не репрезентировать факты, а укреплять идентичности конфликтующих сторон, при том что нарративы являются частью процесса *конструирования границ группы*. В случае этнических сообществ, например, претворение историй и категорий идентичности происходит преимущественно на границе. Как пишет Тилли, «вы можете быть в большей или меньшей степени мусульманином, вплоть до того, что другие мусульмане будут отрицать вашу принадлежность к этой религии, и все равно на границе с иудеями вы безошибочно будете относиться к категории мусульман»³³. Выражаясь в терминах теории ассамбляжей, истории конфликта (и ассоциируемые с ними категории для инсайдеров и аутсайдеров) служат кодированию и укреплению последствий территориализации межличностных сетей.

Говоря о конфликте между сообществами, мы предполагаем, что межличностные сети, как и все ассамбляжи, существуют в популяциях. Иногда взаимодействия между членами этих популяций могут приводить к формированию политических альянсов и коалиций между сообществами, альянсов, которые являют собой парадигматический случай отношений экстериторности в социальных реалиях³⁴. В некоторых случаях альянсы приводят к возникновению сущностей более крупного масштаба, таких как *движения социальной справедливости*. С точки зрения Тилли, социальное движение состоит по меньшей мере из двух коллективных акторов, каждый из которых включает в себя одно или несколько союзнических сообществ с четко определенными границами, заострен-

ными конфликтом. Одно из сообществ (или коалиция сообществ) должно пытаться исправить несправедливость или восстановить право, которого оно было необоснованно лишено; другое в ходе конфликта оспаривает требования первого, то есть защищает свои преимущества, которые окажутся под ударом в случае неуспеха. Иными словами, движение обычно порождает противодвижение, и они оба должны пониматься как составные части единого ассамбляжа. Вдобавок ассамбляж должен включать хотя бы одну правительственную организацию, определяемую ее контролем над правоохранными и военными ресурсами. Задача обделенного сообщества — достичь признания со стороны правительственных организаций в качестве полноправного участника переговоров (*interlocutor*), то есть отношения к себе как к легитимному производителю коллективных требований. Эта цель должна быть достигнута вопреки решительному сопротивлению противоположной стороны. Тилли пишет:

Требование становится политическим, когда правительства — в общем плане индивиды или организации, сосредоточившие в своих руках средства принуждения, — оказываются сторонами требований, выступая истцами, ответчиками или интересантами. Когда лидеры двух этнических фракций борются за признание в качестве полноправных переговорщиков от имени всего своего этноса, правительство, к которому эти переговорщики, например, будут обращаться, неизбежно окажется интересантом. Разногласия возникают везде, но политические разногласия вовлекают правительства как минимум в качестве третьей стороны³⁵.

Тилли обсуждает, каким образом способы выдвижения политических требований претерпели драматические изменения в Великобритании в период с 1750 по 1850 годы. Выдвижение требований перестало оборачиваться разрушениями паровых машин, избиением сборщиков налогов и другими формами прямого действия и перешло к совершенно иному набору средств выражения, характеризующему движения наших дней: «Публичные митинги, демонстрации, марши, пикеты, памфлеты, заявления в СМИ, опознавательные знаки на одежде и изобретение броских слоганов»³⁶. Новый «репертуар разногласий», как он его называет, играет в этих ассамбляжах ключевую экспрессивную роль. Во время промышленной революции и после нее недовольное сообщество (или коалиция сообществ) должно было выражать то, что оно является уважаемым, единым, многочисленным и верным себе, вкратце, что

оно является легитимным производителем коллективных высказываний в глазах его соперников и правительства³⁷. Разумеется, обладание этими свойствами может быть выражено языковым образом. Многочисленность, например, может выражаться за счет публикации отчетов о количестве единомышленников, но более убедительным образом она будет отображена путем собирания огромных толп в определенном месте города. Респектабельность также может быть выражена лингвистически, но показательнее будет, если большая толпа сумеет развернуть мирную и упорядоченную демонстрацию. Языковые утверждения о степени единства коалиции сделать просто, но по тем же самым соображениям единство будет выражено сильнее за счет согласованных действий и обоюдной поддержки.

Изменения, произошедшие в репертуарах разногласий в течение XVIII и XIX веков, предполагают, что составные части изменили свою роль с материальной на экспрессивную. Но были также и материальные компоненты. Учитывая, что единовременное выражение уважения, многочисленности, верности себе и единства является непростой задачей — например, наличие множества членов делает представление единства фронта еще более проблематичным — требуются большие вложения энергии со стороны организаторов для удержания движения вместе. Как пишет Тилли, «действительная работа организаторов состоит в постоянно возобновляемом „склеивании“ временных коалиций, в ведении переговоров относительно того, какая из многочисленных повесток, приносимых участниками, обретет голос в их коллективном действии, в подавлении рискованных тактик и, помимо прочего, в сокрытии закулисной игры от взгляда общественности»³⁸. Вдобавок, учитывая тот факт, что правительственные организации всегда являются частью этих ассамблежей, перечень компонентов, играющих материальную роль, должен включать оружие, средства для борьбы с беспорядками и физический контроль над демонстрантами посредством полиции и вооруженных сил. Разнообразие и концентрация средств принуждения является важной составляющей, потому что готовность и способность правительственных организаций использовать их варьируется в зависимости от обстоятельств. Эта вариативность предоставляет соперничающим сообществам различные возможности и риски: война могла только разразиться, и правительству требуется рекрутировать членов одного из сообществ; или, наоборот, война только закончилась и чрезмерный правительственный контроль, свойственный военно-

му времени, мог быть ослаблен, что подняло волну отсроченных требований; война также может быть выиграна или проиграна, что увеличивает или снижает силы правительственных организаций для ведения переговоров и тем самым шансы на то, что требования коллективных акторов будут услышаны и т. д.³⁹

Вопросы territorизации напрямую связаны с изменениями в репертуаре разногласий. Когда доминировало прямое выражение недовольства, цели определенных движений были более локальными и краткосрочными. Переход к новому репертуару подразумевал движение к стратегически более долгосрочным целям, а это, в свою очередь, вело к созданию устойчивых организаций для закрепления завоеваний и сосредоточения ресурсов. Иными словами, вместе с переходом к новому экспрессивному репертуару происходила смена типа коллективной сущности, выдвигавшей те требования, — от уполномоченных сообществ к *специализированным ассоциациям*, одним из примеров которых являются профсоюзы и иные рабочие организации⁴⁰. Эти организации играли ключевую роль в стабилизации идентичности движения. Но есть также другие процессы, которые могут изменять или дестабилизировать эту идентичность, принуждая участников изобретать новые стратегии и даже переопределяя ход борьбы. Среди них то, что Тилли называет *протестными циклами*. В них входят взаимно стимулирующие динамики (позитивная петля обратной связи), в которых

выполненное требование [одного коллективного актора] стимулирует новые потребности со стороны других акторов. Это происходит потому, что некоторые акторы начинают распознавать ранее невидимые возможности, другие подражают недавно изобретенным способам действия, а остальные испытывают страх перед новичками. Все большее распространение требований происходит... до тех пор, пока соперники либо не утвердят себя, укрепят свои позиции, исчерпают свою энергию, разрушат друг друга, либо не поддадутся государственному давлению, оказываемому теми, чьи интересы ставятся под удар этими требованиями... В ходе такого цикла ранние стадии приумножают нововведения в коллективных действиях, создают относительно открытые пространства для новых коллективных экспериментов и тем самым дают ощущение тотального разрыва с прошлым. На более поздних стадиях наиболее умеренные заявители уходят с публичной арены, оставляя более радикальных и маргинальных активистов в одиночестве и без защиты. Каждый крупный цикл подобного рода оставляет свои следы на политической системе: формирование новых групп, отчуждение отношений между гражданами и властью, обновление пуб-

личного дискурса и создание новых форм коллективного действия⁴¹.

Наконец, существует вопрос воздействия языковых компонентов на эти ассамбляжи. Тилли указывает на ключевую роль, которую играли общие термины, обозначавшие *социальные категории*. Учитывая, что еще до конфликта определенные социальные группы могли уже быть подразделены правительственными организациями на религиозные, этнические, расовые и другие категории, одной из целей социальных движений было изменение этой классификации. Но причина, по которой это изменение важно для членов определенного движения, не в том, что категории напрямую формируют восприятие (как это было у социальных конструктивистов), но в том, что *юридические права и обязанности*, приписанные определенному классу правительственными организациями, *неравны*, так же как и практики исключения, сегрегации и накопления возможностей (*hoarding of opportunities*)*, которые помещают людей в отведенные им группы⁴². Таким образом, активисты, стараясь изменить данную категорию, ведут переговоры не о значениях, как если бы изменение семантического содержания слова автоматически означало бы реальные изменения в возможностях и рисках, с которыми сталкиваются данная социальная группа, но о доступе к ресурсам (доходу, образованию, медицинским услугам) и освобождению от ограничений. Короче говоря, борьба за категории в большей степени касается юридической и экономической значимости, чем лингвистического означивания.

Таков итог ассамбляжного анализа движений социальной справедливости. Но существуют и другие крупные социальные сущности, которые так же состоят из коалиций связанных в сеть сообществ и идентичность которых так же формируется конфликтами с другими подобными группами, равно как их отношениями с правительственными организациями. Это *социальные классы*. Говорить о классах значит говорить о том, что популяции сетей, населяющие определенную страну, имеют неравный доступ к различ-

* Чарльз Тилли использовал понятие «*opportunity hoarding*» для объяснения достаточно большого спектра явлений, связанных с социальным неравенством (см.: Tilly C. Durable Inequality. Los Angeles and London: University of California Press, 1998. P. 10). В частности, согласно Тилли, «накопление возможностей» предполагало контроль над ресурсами, позволяющий определенным группам ограничивать доступ других групп к этим ресурсам и, соответственно, к извлекаемым из этого использования выгодам.

ным ресурсам и неравномерно подвержены различным ограничениям. Иными словами, существование социальных классов означает, что существуют процессы, протекающие в популяциях сетей, которые ранжируют их таким образом, что люди, составляющие эти сети, рождаются с разными жизненными возможностями и рисками. Однако говорить о ранжированном распределении сетей не означает предполагать, что ранжирование столь же просто, как и в «обществе», аккуратно разделенном на нижний, средний и высший классы. Это, как утверждает Тилли, дает неправильное представление о сложности отношений неравенства между группами⁴³. В то время как расположение сети в данном иерархическом распределении ресурсов создает набор общих интересов для людей, составляющих сеть, организации в большинстве случаев необходимы для сосредоточения коллективного внимания на этих общих интересах и придания им более последовательного выражения, а также для использования в качестве инструмента коллективного действия, помогающего отстоять эти интересы с целью получения новых прав от правительства. Эти организации, когда они существуют, тоже должны восприниматься как часть ассамблея.

Пьер Бурдьё — современный социолог, проделавший наибольшую работу по изучению распределения таких ресурсов. С точки зрения Бурдьё, асимметрия в степени доступа к ресурсам и владению ими работает как сила, разделяющая популяцию людей на группы разного ранга. В отличие от прежних теорий социальных классов, Бурдьё не ограничивает свой анализ экономическими ресурсами и тем самым не рассматривает классы исключительно в терминах распределения доходов или в терминах контроля над средствами производства. К финансовым и производственным ресурсам он добавляет культурные, такие как обладание базовым образованием или специальными техническими знаниями, а также наличие дипломов, прав и разрешений, необходимых для законного извлечения прибыли из этих знаний. Грубо говоря, это различие относится к различию между материальными и экспрессивными ресурсами в теории ассамблей. Вдобавок Бурдьё делает акцент на отношении, которое возникает между позициями в этих распределениях. Примерами подобных отношений являются отношения *выше, ниже или между*, то есть отношения, существующие между ранжированными группами. Они также включают в себя *близость*, но не пространственную, а как отношение, существующее между двумя группами со схожей властью над экономическими

ми и культурными ресурсами, где бы данные группы ни были расположены географически. Эти и другие отношения он понимает как отношения экстериорности⁴⁴.

Согласно Бурдьё, основное эмпирическое открытие, требующее пояснения, состоит в статистической корреляции между, с одной стороны, позициями в распределении ресурсов и, с другой стороны, в более или менее согласующемся образе жизни — понятии, включающем сразу и материальные, и экспрессивные компоненты: товары и услуги, приобретаемые или потребляемые группой; манеры, жесты и позы, которые ей свойственны; политические и культурные взгляды, которых она придерживается; виды деятельности, в которые она вовлекается, учитывая всю широту исторически различных полей (таких как экономика, политика, религия и т. п.). Иными словами, необходимо принять во внимание особое взаимоналожение (*mapping*) между пространством, определенным дифференцированным контролем над ресурсами, и различными полями деятельности, удерживаемыми позициями и стилями. Объяснение наблюдаемых статистических корреляций, предложенное Бурдьё, состоит в том, что различные наборы объективных возможностей и рисков обуславливают повседневные практики групп и ведут к развитию стойкого набора *диспозиций* — тенденций вести себя определенным образом и демонстрировать определенные стремления. Учитывая, что привычки и навыки — два компонента субъективности в теории ассамбляжей — являются диспозициями, большинство идей Бурдьё кажутся онтологически совместимыми с ассамбляжным подходом. Но существует также существенное разногласие, возникающее в связи с его особым способом концептуализации набора диспозиций, который он называет *габитусом*. Бурдьё наделяет этот габитус до того высокой степенью автоматизма, что исчезают все различия между мотивациями, стоящими за социальным поведением (такие как различия в причинах, побуждениях и мотивах). Он пишет:

Когда мы наблюдаем тесную корреляцию между научно сконструированными объективными вероятностями (например, возможность получить то или иное благо) и субъективными устремлениями («мотивами» и «потребностями»), то это не означает, что агенты сознательно подгоняют свои ожидания к точной оценке своих шансов на успех, как, например, это может делать игрок, организующий свою игру в зависимости от поступающей ему информации о его шансах на победу. Это происходит потому, что прочно усвоенные диспозиции в отношении возможного и невозможного, свобод и необхо-

димостей, допущений и запретов, вписанных в объективные условия (что наука фиксирует как статистические закономерности или же как вероятности объективно закрепленные за какой-либо группой или классом), порождают диспозиции, объективным образом совместимые с данными условиями и в некотором роде заранее адаптированные к их требованиям. Наиболее невероятные практики исключаются еще до какого-либо рассмотрения как невозможные посредством того непосредственного подчинения порядку, который заставляет делать из нужды добродетель, то есть отказываться от невозможного и хотеть неизбежного⁴⁵.

Бурдьё не отрицает, что при случае люди делают обдуманый выбор или что иногда они могут осознанно согласовывать средства с целями. Но так не устанавливаются исключения из автоматизма габитуса: сам габитус определяет, когда и где эти исключения дозволены. Габитус тогда становится руководящим процессом, который «делает возможным свободное продуцирование любых мыслей, восприятий и действий, вписанных в границы, свойственные особым условиям производства данного габитуса, и только им»⁴⁶. В этом отношении необязательно следовать за Бурдьё. Его эмпирические наблюдения того, что члены определенного класса имеют склонность проявлять схожие габитусы, могут быть приняты и без введения руководящего процесса. Например, можно согласиться с тем, что класс, в котором мы рождаемся, обладает своими собственными привычками, которые часто транслируются следующим поколениям, и что ему доступны особые способы развития уникальных навыков, и эта привилегия может также напрямую передаваться или сохраняться. Это объясняет относительную однородность определяющего набора привычек и навыков без допущения «незамедлительного подчинения порядку». В самом деле, в ассамбляжном подходе подчинение или покорность не могут приниматься как данности и всегда должны рассматриваться в терминах особых принуждающих механизмов. Таким механизмом может быть плотность сетей, структурирующих определенные сообщества, равно как и более аналитические практики принуждения современных организаций, о которых пойдет речь в следующей главе.

Также нужно изменить основную теоретическую функцию габитуса, — функцию наложения позиций из пространства распределения ресурсов на пространство возможных образов жизни. Бурдьё понимает это пространство позиций как абстрактное социальное пространство, определяемое двумя измерениями, которые он

называет «экономическим капиталом» и «культурным капиталом». Однако распределение ресурсов никогда не происходит в абстрактном пространстве, но всегда имеет отношение к определенным социальным сущностям, будь то межличностные сети или организации. Не только многие ресурсы (такие как солидарность или легитимность) производят эмерджентные свойства этих сущностей, но и организации либо контролируют, либо производят ресурсы, имеющие различное происхождение (природные вроде нефти и газа; технологические вроде машин или обрабатываемых материалов; культурные вроде дипломов и лицензий). В самом деле, некоторые процессы ранжирования или отбора, поддерживающие различия в доступе к экономическому и культурному капиталу, представляют собой отношения *ресурсной зависимости* и образуются не между людьми, но между институциональными организациями.

Можно задаться вопросом, почему теоретик масштаба Пьера Бурдьё связывается с габитусом, с этим столь неправдоподобным процессом. В каком случае, можем мы спросить, такой ход имеет смысл? Найти ответ не так сложно. Бурдьё верит в языковую природу опыта, а следовательно, он верит, что единственное, на что стоит обращать внимание, это языковые категории, конструирующие субъективный опыт⁴². С этим габитус как набор схем, классифицирующих восприятие и действия, справляется довольно успешно. Тот факт, что столь влиятельный автор может быть сбит с пути неокантовским подходом, указывает на потребность не только в другой теории опыта (такой как модель Юма, о которой шла речь в начале этой главы), но также в иной концепции роли языковых категорий в социальных процессах, подобной той, над которой работал Чарльз Тилли.

Как я говорил выше, с точки зрения Тилли, истории и категории определяют границы, но это реальные, а не воспринимаемые феноменологически границы группы. Тилли побуждает нас сосредоточить внимание не на категории как языковом ярлыке, а на результате практик отбора, действующих в данной популяции, то есть практик включения и исключения, которые производят прочно связанные группы. Иными словами, ставкой в боях за категории являются реальные границы, разделяющие группы с разными правами и обязанностями, — границы, которые должны устанавливаться через ряд неязыковых физических интервенций: от принудительной сегрегации определенных районов до вынужденной миграции или переселения целых сообществ. Установление кате-

гориальных границ также может предполагать различные более тонкие, но не менее эффективные средства выборочного включения или насильственного исключения членов определенных категорий из формальных позиций в организациях. Важным примером является соответствие традиционных категорий категориями экономических организаций. Таким образом, «рассеянный» в популяции набор типичных представлений об этнических группах может соответствовать категориям рабочих мест, определенным конкретными коммерческими или промышленными организациями, которые исключают членов этих групп из борьбы за некоторые позиции и принуждают их занимать другие⁴⁸. Это соответствие внешних и внутренних категорий важно, поскольку, как утверждает Тилли, *устойчивость* неравенства между группами может быть в меньшей мере связана с расистскими, сексистскими или ксенофобскими категориями, чем со способом, которым эти категории воздействуют на само устройство формальной структуры ролей и позиций в этих организациях⁴⁹.

В заключение мы можем концептуализировать социальные классы как ассамбляжи межличностных сетей и институциональных организаций. И сетевые сообщества, и организации, в которых их общие интересы кристаллизуются, должны быть помыслены как имеющие различный доступ к ресурсам, — играющим то материальную, то экспрессивную роль, — а также как характеризующиеся своим особым образом жизни, сочетающим и материальные, и экспрессивные элементы. Различные практики включения и исключения осуществляют основную работу по территориализации, в то время как языковые категории кодируют результат подобной территориализации и консолидируют идентичность класса. Эти устанавливающие определенность границы, однако, нужно понимать как контингентные и прекарные. Например, социальная мобильность может выступать в качестве процесса детерриторизации, размывая границы между классами, а технологические инновации, вводя новые ресурсы, могут еще больше дифференцировать каждый класс на несколько конфликтующих групп. Таким образом, мы можем согласиться, что популяция связанных в сети сообществ разбирается на социальные классы, без того чтобы эти классы формировали простую иерархию (исключение составляют лишь территориальные государства, в которых классы относительно малы и не дифференцированы).

Наконец, в случаях вроде движений социальной справедливости нужно принимать во внимание не только конфликтующие со-

общества, но также и правительственные организации, которым те должны адресовывать свои требования, пытаясь пролоббировать собственные интересы, поскольку именно путем отъема прав у подобных организаций может быть улучшена позиция в распределении ресурсов. Поэтому наш ассамбляжный подход должен позволять нам говорить не только о политических организациях — сущностях, обладающих несводимыми к сетевым связям властными структурами, — но также и о более крупных ассамбляжах, таких как федеральное правительство, которые могут быть образованы политическими организациями. Поэтому наш онтологический анализ должен быть восходящим, чтобы в итоге прийти к этим большим масштабам, избежав при этом введения каких-либо нелегитимных сущностей. Решению этой задачи будет посвящена следующая глава.

Организации и правительства

Исторически институты принимали множество различных форм. Даже если мы сузим временные границы нашего рассмотрения и сосредоточимся только на последних двух или трех столетиях, все равно останется большое разнообразие организационных форм — от относительно децентрализованных базаров и рыночных площадей до централизованных военных и правительственных бюрократий. Однако для анализа онтологического статуса этих социальных сущностей нет смысла сразу же сталкиваться с этим историческим разнообразием. Наша задача будет существенно упрощена, если мы сосредоточим наш анализ на организациях, участвующих в *императивной координации*^{*} социальных действий. Но даже фокусировка на подмножестве организаций, использующих команды (в противовес ценам) для координации коллективных действий, по-прежнему оставляет большую вариативность форм. Мы можем еще больше упростить анализ ассамблежей, если сосредоточимся на том общем, что есть у всех этих организаций, — властных структурах. Мы можем отделить элементы, играющие экспрессивную роль, то есть те компоненты, что выражают *легитимность* власти, от тех, что играют материальную роль, то есть участвуют в *принуждении* к подчинению, не беспокоясь о компонентах, которые варьируются от одной иерархической организации к другой, от фабричного оборудования и оружия до корпоративных логотипов и военной униформы. Их можно добавить позже при осуществлении ассамблежного анализа конкретных организационных форм.

Макс Вебер, которого можно считать основателем теории организаций, различил три типа властных структур в зависимости от

* Калька с английского выражения «imperative coordination», которым американский социолог русского происхождения Н. Тимашев перевел встречающийся у Вебера термин «Herrschaft» (в русских переводах этот термин часто передается как «господство»).

источника власти. Императивная координация социальных действий может возникать, согласно его классификации, в континууме, заданном тремя крайними формами (или тремя «идеальными типами») и их комбинациями. Примером одной крайней формы является безукоризненно эффективная бюрократия, в которой удалось достичь полного отделения позиции или должности от занимающего ее человека¹. Вдобавок сфера компетенции должностного лица должна быть четко определена письменными регулятивами и может требовать специальных технических навыков, выявляемых в ходе экзаменов. Наконец, позиции или должности должны формировать иерархическую структуру, в которой отношения подчинения между позициями (а не людьми) четко определены некоторыми законодательными документами. Вебер называет эту крайнюю форму «рационально-правовой», что позволяет запечатлеть как конституциональные, так и технические аспекты этого порядка, а также обозначить, что повиновение принадлежит безличному порядку, то есть легитимность зиждется на законности и технической компетентности притязаний на власть².

Вторая крайность представлена религиозными организациями или монархическими правительствами, в которых позиции власти обосновываются исключительно в терминах традиционных правил и церемоний, унаследованных из прошлого и принимаемых за священные. Даже в редких случаях, когда ролью предшественников пренебрегают, чтобы ввести новые законы (или осуществить иные организационные преобразования), последние оправдываются путем реинтерпретации сакральной истории, а не указанием на функциональные последствия. В отличие от предыдущего типа здесь не происходит полного отделения позиции от занимающего ее человека: лидер или вождь пользуется определенными личными привилегиями, в рамках которых содержание легитимных команд остается открытым, а сами команды могут быть произвольными. Вебер называет эту крайнюю форму «традиционной», указывая на то, что добровольное подчинение относится не к безличному уровню, а к священной традиции, персонифицированной лидером³. Наконец, Вебер выделяет еще одну крайность императивной координации, в которой ни абстрактная законность, ни священная традиция не выступают источниками легитимности. Рутинный контроль над коллективными действиями (на чем бы он ни основывался) отвергается индивидом, воспринимаемым, в силу личной харизмы, своими последователями в качестве лидера. Исторически индивиды, игравшие эту роль, варьировались от «пророков до

людей с репутацией целителей или толкователей законов, до предводителей охотников и героев войны»⁴. Этот организационный тип отображает наименьшую степень отделения должности от занимающего ее индивида и называется «харизматическим».

Классификация Вебера является полезной по ряду причин. Во-первых, всякая популяция или организация даже сегодня имеет склонность сочетать в себе гетерогенные властные структуры, приближающиеся к определенным крайним формам. Таким образом, традиционное монархическое правительство может сосуществовать в одном и том же территориальном государстве с современными бюрократическими учреждениями и с различными сектами, ведомыми харизматичными лидерами. Во-вторых, что более важно, многие организации являют собой смеси различных форм власти, то есть они оказываются где-то в середине континуума, а не ближе к крайностям. Сам Вебер говорит о подобных смещениях в современных организационных структурах вроде бюрократий, управляемых должностным лицом, которое, в отличие от профессиональных бюрократов, назначенных на основании их технических знаний, может избираться на основании личной харизмы или традиционных обычаев. Более того, бюрократические учреждения, чья легитимность является производной от успешного согласования средств с целями, также имеют тенденцию трансформировать средства в конечные цели, то есть они склонны демонстрировать формальную и церемониальную приверженность правилам и процедурам, рассматриваемым как цели сами по себе⁵.

Несмотря на сосуществование трех властных структур в ряде современных территориальных государств, на протяжении последних 200 лет мы наблюдали распространение рационально-правовой формы среди организационных популяций, населяющих наиболее современные территориальные государства; если не в крайней форме, то как минимум в комбинациях, где одна из таких форм оказывается доминирующей. Вот почему этот ассамбляж — где отношения экстериторности между компонентами представлены *договорными отношениями*, через которые одни люди передают право осуществлять контроль над подмножеством своих действий другим людям, — особенно важен. Более того, только в этом типе властных структур организационные ресурсы связываются с позицией, а не с занимающим ее человеком. Это строгое разделение приводит к ассамбляжу с четко очерченными эмерджентными свойствами, в котором объяснение поведения организации не нуждается в описании личных характеристик лидера или в котором подоб-

ные описания были бы причинно избыточными. В случае полного отделения должности от человека сама организация может рассматриваться как ориентированный на достижение цели корпоративный актор. Как говорит социолог Джеймс Коулман, «эти сущности, если посмотреть на них снаружи, могут не в меньшей степени быть похожими на акторов, чем индивиды». Тем не менее, если смотреть изнутри, их можно охарактеризовать как властные структуры»⁶.

Будучи ассамбляжами, иерархические организации обладают рядом компонентов, играющих экспрессивную роль. Некоторые из них имеют языковой характер, такие как вера в легитимность власти, но иные таковыми не являются. В традиционном типе, например, есть множество элементов ритуалов, которые, как и их «хореография» в пространстве и во времени, выражают легитимность, просто приводя [происходящее] к соответствию с предыдущими событиями. В харизматическом типе легитимность выражается поведением лидера в том смысле, что он или она вынуждены проявлять силу своего характера в каждой поворотной ситуации. В рационально-правовом типе суть состоит в том, что технически работают сами процедуры: они регулярно производят результат, подтверждающий их легитимность. Однако учитывая, что иногда бывает нелегко оценить, какая из процедур работает, даже в наиболее техничных организациях понятие «рациональность» может быть использовано в чисто церемониальном смысле. Все будет зависеть от того, насколько легко оценить качество результатов (товаров или услуг) технического процесса. Чем сложнее результаты и процессы производства, тем неопределеннее оценка и менее понятно техническое выражение легитимности. В этих обстоятельствах организациям, чтобы обезопасить себя от критики, имеет смысл при составлении документации или оправдании своей эффективности перед другими организациями придерживаться церемониальных «ритуалов рациональности»⁷. В производстве продукции массового спроса, к примеру, технический аспект достаточно силен, а церемониальный — слаб, но в психиатрических клиниках, судебных ведомствах и школах оценка результатов может носить церемониальный характер, особенно когда эти организации выражают свою легитимность перед правительственными учреждениями, выдающими лицензии или разрешения⁸.

С другой стороны, независимо от соотношения технических и церемониальных компонентов *ежедневное выполнение приказов* членами организации само по себе является прямым выражением вла-

сти. Иными словами, проявления подчинения, наблюдаемые другими членами организации, напрямую подтверждают легитимность власти, в то время как акты неподчинения напрямую подвергают ее угрозе. Явное неподчинение, особенно когда оно остается безнаказанным, отрицательно сказывается на моральном состоянии группы подчиненных. В рационально-правовой форме, где подчиненные уступают управленческие права, рассчитывая на коллективные поощрения, переводимые затем в личную выгоду, неподчинение ставит под угрозу этот взаимовыгодный технический результат. В традиционной форме, где подчиненные лишены права осуществления контроля на основании священного предписания, неподчинение бросает вызов правомерности предписания. Показательное наказание проявившего непослушание нарушителя необходимо для властных структур, и в этом отношении можно сказать, что оно играет экспрессивную роль. Однако наказание как компонент играет множество ролей. Если рассматриваемая организация тратит время на обсуждение вопросов о приведении в соответствие типа наказания типу преступления, это соположение категорий вовлекает языковые компоненты. Также, конечно, существуют пытка и заключение — две формы наказания с четким материальным аспектом.

Как во всех социальных ассамбляжах, в организациях материальную роль в первую очередь играют человеческие тела. Именно эти тела являются конечной целью наказания. Но причинные воздействия на человеческие тела с целью наказания являются лишь наиболее очевидной формой осуществления власти. Существуют другие техники принуждения, особенно в рационально-правовой форме: набор специфических практик, используемых для надзора и дисциплинирования подчиненных членов организаций и вовлекаемых в них человеческих тел. Говоря о рационально-правовой форме, Мишель Фуко прослеживает, каким образом возникла легитимность этой формы, когда юристы и теоретики права разработали обоснования для договорных отношений на основе добровольного подчинения, а также описывает, каким образом эти дискурсы легитимации должны были дополняться недискурсивным дисциплинарным компонентом, исходящим уже не от судебных или законодательных организаций, а от военных. Оба компонента сошлись в наполеоновском государстве, основания которого, как пишет Фуко,

были заложены не только юристами, но и солдатами, не только государственными советниками, но и младшими офицерами, не толь-

ко слугами правосудия, но и людьми лагеря. Преследовавший эту формацию образ Римской империи нес в себе эту двойственность: граждане и легионеры, закон и маневры. В то время как юристы и философы искали в договоре исходную модель для строительства или перестройки общественного тела, военные, а с ними и техники дисциплины разрабатывали процедуры индивидуального и коллективного принуждения тел⁹.

Эти процедуры принуждения предполагают в первую очередь особый способ использования физического пространства и времени. Человеческие тела должны быть так распределены в пространстве, чтобы избежать неконтролируемых скоплений и способствовать наилучшему надзору. Каждый подчиненный должен быть так приписан к определенному месту, будь то фиксированная локация в бюро или позиция на продуктовой линии, чтобы само наблюдение за соблюдением порядка было рутинизировано. Моделью такого аналитического использования пространства был военный лагерь, где «точно определяются геометрия проходов, число и расположение палаток, ориентация входов в них, расположение поперечных и продольных рядов»¹⁰. Столь же строго было расчленено время, когда были утверждены рабочие смены, навязан вид деятельности, регламентированы циклы. Если расписание как инструмент запрета на пустую трату времени может быть обязано своим происхождением монастырям, то определение процедур обучения посредством четко разграниченных временных последовательностей, прерываемых испытаниями и экзаменами, во многом обязано военным мерам по повышению эффективности армий через введение обязательных ритмов или «маневров»¹¹.

К строгому пространственному и временному разделению мы должны добавить *непрерывное инспектирование и постоянную регистрацию* как компоненты ассамбляжа, играющие материальную роль¹². «Постоянная регистрация» — это термин, использовавшийся Фуко для описания создания и хранения записей поведения и действий солдат, студентов, пациентов медицинских учреждений, рабочих и заключенных; это средство для осуществления норм и правил. Постоянное ведение записей являет собой относительно недавний исторический феномен, возрастом не более нескольких веков, так что важной задачей для историков является определение поворотной точки, в которой *порог описания* (тот минимум значимости, которую должна иметь информация, чтобы быть достойной архивирования) будет снижен до того, чтобы включить простых людей, а не только сакральных или секулярных персонажей

великих нарративов легитимации. Как утверждает Фуко, начиная с XVIII века «превращение реальных жизней в записи более не является процедурой создания героев; оно оказывается процедурой объективации или подчинения»¹³. Информация, подходящая для этих постоянных записей, в свою очередь, представляла собой итог различных новых форм экзаменации — от визуальных осмотров больных врачами с целью оценки их здоровья и проверок, проводимых среди студентов для определения уровня их знаний, до опросников, раздаваемых призываемым солдатам или нанимаемым работникам. Если раньше врачебный осмотр происходил нерегулярно и относительно быстро, теперь его продолжительность была увеличена, а частота приведена к некоторому постоянному показателю. Если раньше школьные проверки были не более чем соревнованием между студентами, теперь они потихоньку становятся систематическим способом оценивания и сравнения индивидуальных способностей. В связи с постоянной регистрацией результаты экзаменов связаны с «накоплением документов, распределением их по сериям, организацией полей сравнения, позволяющих классифицировать, устанавливать категории, выводить среднее арифметическое, фиксировать норму»¹⁴.

Какие процессы стабилизировали и поддерживали идентичность этих ассамблежей? Пространственные границы, определяющие пределы [действия] властных структур, напрямую связаны с их *юрисдикцией*. В некоторых случаях юрисдикция заканчивается у стен здания, в котором располагается организация, в других — она может распространяться за их пределы и совпадать с географическими границами целого города, провинции или даже страны. Стабильность этих юридических границ будет зависеть от их законности, а также от их соблюдения. Любой процесс, заставляющий сомневаться в степени легитимности власти, такой как столкновение между организациями, чьи юрисдикции частично совпадают, может дестабилизировать их границы и подорвать их идентичность в случае, если конфликт так и останется неразрешенным. Схожим образом недостаток экономических, военных или правовых ресурсов для обеспечения выполнения юридических требований может размыть идентичность организации. Другой причиной детерриторизации властных структур является *кризис преемственности*. Вебер приводит хороший пример таких дестабилизирующих событий, когда говорит о процессах, трансформирующих маленькие секты, управляемые харизматическим лидером, в одну из двух других форм организации. Такие секты особенно подверже-

ны кризису преемственности после смерти лидера, учитывая относительную редкость харизматических качеств. Решением здесь может быть *рутинизация* процесса преемственности либо путем придания харизме наследуемости (что приведет к превращению организации в традиционную), либо путем прописывания технических характеристик, которым лидер должен соответствовать (что превращает ее в рационально-правовую). Вебер пишет: «Харизма — феномен, типичный для пророческих религиозных движений и ранних стадий экспансивных политических движений. Но как только позиция власти установлена и, более того, как только большие массы людей оказываются подконтрольны, она уступает место рутинным практикам»¹⁵. Таким образом, рутинизация является ключевым процессом территоризации во властных структурах.

Наконец, возникает вопрос о роли языка в этих ассамбляжах. Записи и письменные экзаменации, входящие в практики принуждения, являют собой хороший пример языкового компонента, но нужно иметь в виду, что тип используемого здесь письма — *логистический*, сама материальная форма которого документирует относительно простые факты — об осмотрах [пациентов] и дозировках [лекарственных препаратов] в больницах, посещаемости и чистоте в школах; этот тип не позволит совершать бесконечные круги герменевтических интерпретаций. Его нужно противопоставить другим компонентам властных структур, играющим строго языковую роль, — сакральным текстам или устным историям об истоках, которые в организациях традиционного типа могут по-разному истолковываться людьми, исполняющими функции жреца или священника, а также письменным конституциям бюрократических органов, которые в случае конфликта интересов должны быть истолкованы судьями.

Вдобавок безотносительно формы власти определенную роль играют *групповые верования*, эмерджентное свойство которых — приведение к своего рода консенсусу. Согласованность групповых верований может упрочиться благодаря специальным членам организации (врачи, учителя, юристы), на регулярной основе участвующим в спорах или дискуссиях и производящим анализ и классификации, трансформирующие рыхлый набор верований в более систематичную сущность, которую иногда называют «дискурсом». Систематичность этих наборов верований может повлиять не только на практики легитимации, но также и на практики принуждения. Таким образом, согласно Фуко, аналитическое использование пространства и времени, интенсификация обследования и возрас-

тающее постоянство записей повлияли на развитие более или менее адекватного технического знания в случае таких дискурсов, как клиническая медицина, педагогика или уголовное право. Это знание, в свою очередь, увеличило способности к осуществлению принуждения у тех, кто его применял¹⁶.

Так завершается характеристика институциональных организаций как ассамбляжей. Но, как я говорил выше, помимо властных структур, организации также обладают внешней идентичностью, будучи длящимися и целенаправленными сущностями. Как таковые организации пребывают в качестве частей популяций других организаций, с которыми они взаимодействуют, и во взаимодействиях ими проявляются способности, принадлежащие им как социальным акторам и несводимые к способностям людей или межличностных сетей. Вопрос в том, возникают ли более крупные целостности, когда организации применяют собственные способности внутри корпоративной популяции? Иными словами, существуют ли иерархии и сети организаций со своими свойствами и способностями? Удачный пример иерархии — правительство крупного национального государства, в котором организации могут существовать на национальном, провинциальном и местном уровнях, взаимодействуя между собой и образуя сложную сеть пересекающихся юрисдикций. Хороший пример сети — множество поставщиков и дистрибьюторов, обрабатывающих транзиты для большой промышленной организации и связанные между собой отношением к ней.

Теория ассамбляжей должна быть применима к этим крупным сущностям в прямом смысле, коль скоро и иерархии, и сети имеют склонность демонстрировать схожие свойства в различных масштабах. Тем не менее будут иметь место и отличия от их меньших аналогов, поскольку крупномасштабная реализация стратегических планов уже проблематичнее, а непредвиденные последствия коллективных намерений очевиднее. Первый вопрос, на который следовало бы ответить при рассмотрении этих больших ассамбляжей, касается типа отношений экстериорности, образующихся между составными частями, когда их взаимодействия начинают повторяться. Как я говорил выше, организация становится актором в той степени, в какой ее ресурсы (физические, технологические, юридические, финансовые) связаны с формальными позициями или должностями, а не с занимающими их людьми. Большинство авторов признают ключевую роль, которую играют эти ресурсы, но они часто принимают как данность актуальный процесс их при-

своения, несмотря на то, что этот процесс нельзя назвать автоматическим и он часто бывает проблематичным для каждой организации. В частности, организации должны вовлекаться в специфические взаимодействия друг с другом в целях решения проблемы присвоения; тем самым они могут выстроить *отношения зависимости* по мере того, как эти обмены становятся более или менее регулярными.

Социологи Джеффри Пфеффер и Джеральд Саланчик разработали удобный подход для рассмотрения ресурсной зависимости и способностей, при помощи которых одни организации могут влиять на поведение других в том случае, когда эта зависимость асимметрична. Чтобы определить отношения экстерниорности, Пфеффер и Саланчик начинают с обзора конкретных организаций и ресурсов и определяют относительную значимость последних. Она измеряется как *величиной* обмениваемого ресурса, так и его *критичностью*. Авторы пишут:

Относительная величина обмена как определяющего фактора важности ресурсов может быть измерена путем оценивания доли всех ввозимых или доли всех вывозимых ресурсов, принимавших участие в обмене. Организация, создающая только один продукт или услугу, в большей степени зависима от своих клиентов, чем организация, обладающая несколькими продуктами, реализуемыми на разных рынках. Схожим образом, организации, требующие для своего функционирования ввоза одного ресурса, в большей степени зависят от источников поставок этого ресурса, чем организации, использующие множество ввозимых в относительно небольших количествах различных ресурсов. <...> Второе измерение важности касается критичности ввоза или вывоза ресурсов для организации. <...> Критичность измеряется способностью организации функционировать в отсутствии ресурсов или в отсутствии рынков сбыта. Ресурс может быть критичным для организации, даже если он составляет малую долю из ввозимых. Немногие учреждения могли бы работать без электричества, даже если коммунальные выплаты составляют относительно небольшую часть расходов организации¹⁷.

Вдобавок к относительной важности ресурса встает вопрос о его концентрированности, определяемой степенью *контролируемости* и *заменяемости* ресурса. Контроль означает способность одной организации устанавливать распределение ресурсов для другой, — способность, производную от права собственности, более простого физического доступа к ресурсу или правил госрегулирования. Заменяемость, наоборот, означает способность организации

заменять одного поставщика ресурсов на другого. Чем меньше существует альтернативных источников данного ресурса, тем выше его концентрация¹⁸. Обмен ресурсами, разумеется, может быть также симметричным и взаимным, и в этом случае организации могут войти во взаимную зависимость. Но если симметрия обменов нарушается как по оси важности, так и по оси концентрированности, контролирующие организации получают способность влиять на поведение зависимых. Пфеффер и Саланчик пишут: «Ресурс, не являющийся важным для организации, не способен создать ситуацию ресурсной зависимости, сколь бы сконцентрированным он ни был. И сколь бы важным ресурс ни был, пока он не контролируется относительно небольшим количеством организаций, фокальная организация^{*} не будет зависеть ни от одной из них»¹⁹.

Ресурсные зависимости существуют как в сетях организаций, так и в иерархиях. Хотя в иерархиях вдобавок ко всему отношения власти позволяют организациям с юрисдикцией на общенациональном уровне отдавать приказы организациям, действующим в более локальном масштабе, способность осуществлять командование на регулярной основе обычно будет зависеть не только от легитимности власти, но и от фактического контроля за финансовыми ресурсами. Однако в целях ассамбляжного анализа этих более крупных сущностей проще начать со случая, в котором легитимная власть отсутствует, так что только отношения экстернорности, с которыми нам придется иметь дело, будут ресурсозависимыми. Как упоминалось выше, сети промышленных организаций являют собой хороший пример такого случая, но здесь важно различать две крайние формы, задающие континуум возможностей. Эти две крайности можно охарактеризовать с помощью различных стратегий преодоления ресурсозависимости.

Первая стратегия предполагает устранение зависимостей посредством прямого поглощения в процессе вертикальной интеграции, то есть путем приобретения организаций, либо поставляющих ресурсы для поглощающей компании, либо приобретающих ее продукцию. Подобная стратегия выгодна крупным и относительно самодостаточными организациям, которые могут прибегать к экономии на масштабе, чтобы стать доминирующими звеньями в этих сетях²⁰. Их доминирующее положение позволяет различными

* Фокальный (*focalis*, от лат. *focus* — очаг) — относящийся к фокусу; тогда фокальная организация — это организация, которая рассматривается в качестве точки схождения-приобретения необходимых для ее функционирования ресурсов, поставляемых другими организациями.

способами контролировать тех поставщиков и дистрибьюторов, которые не были интегрированы. К примеру, американские автопроизводители в 1970-х годах способны были удерживать своих субподрядчиков в полностью подчиненном положении, строго следя за производственными цехами и оборудованием, проверяя процедуры контроля качества — и даже само качество [продукта] — и навязывая стиль управления²¹. В определенных индустриях некоторые из таких крупных организаций могут сосуществовать как разобщенные сущности, вместе образующие так называемую *олигополию*. Такое разобщение может быть усилено наличием правовых ограничений для распространения информации среди олигополистов-конкурентов, по крайней мере в тех странах, где картели находятся вне закона. Тем не менее ряд таких конкурирующих организаций может связываться друг с другом косвенным образом. Наиболее крупные компании, как правило, имеют структуру «акционерного общества». В ее рамках контроль и владение разделены; первое — в руках профессиональных менеджеров, второе — распределяется среди представленных в совете директоров акционеров. Косвенные связи между взаимодействующими акционерными обществами формируются в процессе *переплетения дирекций*: в совет директоров данной корпорации (принадлежащей, например, автомобильной индустрии) могут входить члены таких организаций, как банки или страховые компании, подконтрольные другим советам. Частичное совпадение в советах директоров косвенно связывает эти организации и защищает их от возможных дестабилизирующих событий, таких как иницилируемые в одностороннем порядке ценовые войны²².

Вторая стратегия заключается не в избегании ресурсных взаимозависимостей, но в извлечении прибыли из них. Эта стратегия выгодна сетям относительно небольших компаний, в которых ни одна не является отчетливо доминирующей и в которых отсутствие экономии на масштабе компенсируется *экономией от агломерации*: множество маленьких компаний, собранных в одном географическом регионе, привлекают талантливых людей, которые могут найти там для себя карьерные возможности; с течением времени это приводит к увеличению численности квалифицированной рабочей силы, ведущему, в свою очередь, к росту числа компаний в регионе. Таким образом, даже несмотря на то, что эти промышленные компании конкурируют друг с другом, они также могут извлекать выгоду из агломераций и общих человеческих ресурсов, которые становятся доступными для всего региона²³.

Вдобавок отсутствие полноценного контроля за субподрядчиками означает, что отношения между компаниями и их поставщиками могут в большей степени представлять из себя взаимодействие, в ряде случаев превращаясь в отношения «консультации и координации», в которых компания не диктует, какие компоненты должны поставлять поставщики, а консультирует их на этапе разработки компонентов²⁴. Если американская автоиндустрия 1970-х иллюстрирует первую стратегию, то некоторые промышленные регионы Италии, такие как хорошо изученная в этом отношении Эмилия-Романья, являют собой отличный пример второй. В начале 1980-х в промышленном центре этого региона располагалось около 22 тыс. компаний (лишь немногие из которых имели более 500 сотрудников), занятых преимущественно в производстве керамических изделий, текстильной и металлообрабатывающей промышленности²⁵.

Две крайние формы, к которым ведут различные способы преодоления ресурсозависимости, редко актуализируются, а когда это происходит, то они достигаются лишь на ограниченный период времени. Тем не менее по-прежнему можно сравнивать смешанные формы, в которых преобладает та или иная крайность. В этих сравнениях важно рассмотреть не только сами промышленные компании, но также ряд других организаций, таких как университеты, торговые ассоциации и объединения, поскольку они образуют целый ассамбляж, выказывающий определенные рекуррентные характеристики. В исследовании Анной-Ли Саксениан двух американских промышленных регионов, занимающихся производством компьютеров, Кремниевой долины в северной Калифорнии и Дороги 128 в Бостоне, сопоставляются свойства этих ассамбляжей. Саксениан пишет:

Промышленная система Кремниевой долины, основанная на региональной сети, способствует развитию коллективного обучения и гибкой системы регулирования среди профессиональных производителей комплекса взаимосвязанных технологий. Плотные социальные сети региона и открытый рынок труда способствуют экспериментам и предпринимательству. Компании тесно конкурируют, в то же время учась на опыте друг друга подстраиваться под рыночные и технологические изменения в ходе неформального общения и практик сотрудничества; команды со слабыми связями способствуют развитию горизонтальной коммуникации между подразделениями компаний и с внешними поставщиками и клиентами. Функциональные границы внутри компаний в системе сетей по-

ристые, равно как и границы между самими компаниями и между компаниями и местными институтами вроде торговых ассоциаций и университетов. <...> В регионе Дороги 128, напротив, доминируют немногочисленные относительно взаимосвязанные корпорации. Промышленная система региона базируется на независимых компаниях, интериоризировавших различные производственные активности. Практики секретности и корпоративной лояльности управляют отношениями между компаниями и их клиентами, поставщиками и конкурентами, усиливая местную культуру, что приводит к стабильности и самодостаточности. Корпоративные иерархии гарантируют централизованность власти и вертикальный поток информации. Границы между компаниями и внутри них, а также границы между компаниями и местными институциями тем самым остаются гораздо более четкими в этой системе независимых компаний²⁶.

Когда мы рассматриваем их как ассамбляжи организаций, компоненты обеих крайних форм, равно как и их смесей, играют различные экспрессивные и материальные роли. Первые прежде всего относятся к выразительности организационного поведения в том смысле, что такое поведение может быть сигналом к другим членам ассамбляжа о намерениях организации, — тех намерениях, которые могут не быть сформулированы эксплицитно в виде решения или в иной официально задокументированной форме. Пусть в данном случае мы и можем говорить об «интерпретации намерений», но, как правило, это не вопрос семантики (или означивания), а вопрос оценки стратегической значимости (или важности). В первой крайней форме, например, организация, занимающая в потоке ресурсов господствующее положение, может предъявлять требования к зависимым от нее организациям, запрашивая выгодные условия торговых сделок. Но по своему усмотрению она может в ходе переговоров выразить эти требования громко или тихо, продемонстрировать свое господствующее положение в очевидных или скрытых формах. Наоборот, организация, пребывающая в зависимом положении, выражает слабость самим фактом того, что выполняет эти требования. Акты подчинения предполагают признание ограничения, и это выражение слабости, в свою очередь, может повлечь за собой новые требования от господствующей организации, коль скоро последняя воспринимает прошлые действия подчиненной организации в качестве показателя того, что новые притязания на ресурсы могут возыметь успех. Во второй крайности важны выражения солидарности и доверия, по-

скольку соревновательность должна быть уравновешена кооперацией. Здесь имеет значение избегание так называемой «трагедии общин», то есть истребления общих ресурсов оппортунистскими действиями одного-единственного актора. Всякое действие, сигнализирующее об эгоистичном пренебрежении общественным благосостоянием, может вызвать серию подобных действий со стороны других, что приведет к распаду кооперации. Во избежание такого исхода должны существовать способы, позволяющие сделать выражение недостатка солидарности частью репутации организации, и способы, позволяющие сделать плохие репутации причинами экономических неудач. Это может подразумевать либо создание особых организаций, либо использование принуждающей силы плотных межличностных сетей в данном регионе²⁷.

Внеязыковая экспрессивность организационного поведения, разумеется, не полностью автономна от языка, коль скоро действия организаций тесно связаны с протекающими внутри них процессами принятия решений. Различие между двумя крайними формами, которые могут принимать эти организационные сети, на самом деле является различием между режимами принятия решений — более или менее централизованными в случае крупных фирм, более или менее децентрализованными в случае взаимодействия между маленькими. Но в любом случае решения будут приниматься [людьми] на основании [личных] убеждений по ряду вопросов: убеждений относительно возможных ответов со стороны других участников олигополии на то или иное стратегическое решение, убеждений относительно степени готовности зависимых компаний подчиняться требованиям или убеждений относительно степени солидарности в сети. Все эти убеждения — определенные установки по отношению к утверждениям и потому включают в себя языковой компонент. Однако когда мы переходим от принятия стратегических решений к вопросам *реализации* стратегий, особенно когда их реализация влечет причинные вмешательства в реальность, эти убеждения должны быть отнесены к материальным компонентам ассамбляжа, то есть оцениваться по [присущему им] более или менее адекватному причинно-следственному пониманию отношений между материальными ресурсами, воплощающими эти убеждения, например причинно-следственной адекватности конкретной технологии свойствам сырья, поступающего в нее на входе. Многие ресурсы, порождающие зависимость, играют в этих ассамбляжах материальную роль — от источников энергии и промышленного оборудования до всего, что относится

к логистике, от хранения до транспортировки. Ручной труд, более или менее квалифицированный, является еще одним материальным компонентом. Также можно рассматривать деньги как материальный компонент в той мере, в какой их оборот обуславливает приток других ресурсов. Как пишет один из основателей экосистемной экологии Говард Одум, «поток энергии делает возможным обращение денег, а посредством манипуляций с деньгами можно регулировать поток энергии»²⁸.

Две крайние формы демонстрируют различные типы территориализации и детерриторизации. Сети маленьких фирм обречены с географическим регионом, в котором располагаются организации и квалифицированная рабочая сила. Фирма может принять решения о переезде куда-либо еще, но платой за это будет утрата доступа к множеству талантливых специалистов, сформировавшемуся в данном регионе за много лет. В этом смысле сети взаимозависимых фирм можно назвать высоко территориализованными. С другой стороны, крупные самодостаточные компании, совмещая в себе множество экономических функций, достигают определенной свободы от географического местоположения. Такая мобильность делает компании в высокой степени детерриторизованными, даже если они существуют в виде национальных корпораций; детерриторизация становится еще более интенсивной, когда глобализация освобождает их от ограниченности национальной территорией. Но то обстоятельство, что границы самодостаточных компаний более резки, чем границы маленьких взаимозависимых, указывает на иную форму территориализации, равно как и тот факт, что в случаях экономии на масштабе использование человеческого ресурса обычно сильно рутинизировано, а принятие решений централизовано. В случаях же экономии от агломерации квалифицированный труд не только является ключевым компонентом, — что значит: отделение планирования от исполнения не столь принципиально, — но он также склонен быть гораздо более мобильным: из-за высокой текучести кадров средний срок, который эксперт проводит на данной работе, для сетей взаимозависимых фирм составляет два или три года, тогда как для больших корпораций он может быть длиною в жизнь²⁹. В этом смысле сети, в которых доминируют крупные самодостаточные компании, гораздо более территориализованы, чем сети, соединяющие маленькие независимые фирмы.

В то время как ассамбляжи организаций, населяющих Кремниевую долину и Дорогу 128, воплощают собой точки близкие к двум крайностям в континууме форм, они также взаимодейству-

ют между собой, поскольку многие из этих организаций принадлежат одной и той же индустрии. Помимо прочего это означает, что существуют процессы территориализации и детерриторизации, общие для обеих крайних форм; именно они задействованы в стабилизации идентичности всей индустрии. Интеграционные и регуляционные действия организаций, таких как *торговые и промышленные ассоциации*, являются ключевым компонентом в этих процессах. Промышленные ассоциации — это инструмент, ведущий своих членов к консенсусу относительно множества нормативных вопросов и воздействующий на них всех, особенно посредством установления технологических стандартов для всей индустрии. Торговые ассоциации могут служить расчетными палатами для информации о продажах, ценах и издержках в индустрии, что позволяет членам ассоциации координировать свои действия. Они также сглаживают межорганизационные различия, поддерживая исследования (результаты которых совместно используют сразу несколько членов ассоциации) и содействуя внедрению стандартов качества продукции³⁰. Степень унификации организаций также возрастает за счет выработки норм поведения ассоциациями работников и профес-сионалов, — норм, которые могут быть неформальными и добровольными, но которые тем не менее способствуют стандартизации рабочего поведения, ожиданий и зарплат³¹.

Важным детерриторизирующим фактором, воздействующим на обе формы, является изменчивая среда, например среда, создаваемая *высоким уровнем* продуктовых или производственных *инноваций*. Здесь большое значение имеет соотношение темпа внутриорганизационных изменений, на который оказывает воздействие множество источников организационной инертности, и темпов внешних технологических изменений, имеющих место в той же индустрии в других странах или в других индустриях той же страны. Рассматривая целые индустрии, мы сосредотачиваемся больше на способности входящих в них организаций соотносить *внутренние изменения с внешними потрясениями*, особенно когда те оказываются продолжительными, чем на их способности адаптироваться (при наличии достаточного количества времени все организации могут адаптироваться)³². В той мере, в какой способность переносить продолжительные потрясения требует коллективного ответа от целых сетей организаций, расположение сети в континууме форм может определять условия удач и неудач. Грубое отделение планирования от исполнения, характерное для экономик масштаба, ограничивает количество людей в организации, способных под-

строиться под изменения, в то время как более плоские иерархии меньших организаций и их способы использования квалифицированного труда позволяют целым фирмам учиться на собственном опыте. Вдобавок консультативная координация между фирмами и поставщиками, характерная для экономик агломераций, может распространить выгоды от обучения на всю сеть. Чем быстрее темп внедрения инноваций, тем большую выгоду получит данная сеть от процесса коллективного обучения на полюсе маленьких фирм и тем менее адекватным будет становиться самодостаточный подход олигополий крупных компаний.

Я уже упоминал один языковой компонент этих ассамблежей, но в равной степени важными являются письменные договоры (и иные соглашения), которые используются организациями в качестве средств смягчения эффектов взаимозависимости. Как и в случае принятия решений, содержание договоров может варьироваться в зависимости от того, насколько предсказуемы последствия действий организации: чем большая событийная насыщенность свойственна ситуации, в которой производится договор, тем больше усилий будет затрачено на предвосхищение последствий. По факту договоры отличаются настолько, насколько в их текстах должны быть наперед оговорены все случайности и вероятности. В неинституциональной экономике, например, проводится различие между трудовыми и торговыми договорами, причем с последними возникает больше проблем в плане предотвращения случайностей, чем с первыми. Действительно, когда эти проблемы становятся слишком серьезными (скажем, в силу зависимостей, создаваемых особыми технологиями производства), это направление в экономике предсказывает, что организация перейдет от торговых договоров к трудовым договорам путем, например, приобретения фирмы, с которой она уже взаимодействовала на рынке³³. Вдобавок к сложностям, возникающим в связи с неполнотой контрактов (учитывая, что рациональность и добросовестность всегда в дефиците), решение использовать тот или иной тип договора зависит от выбора места исполнения и толкования договора. В то время как соблюдение трудовых договоров может обеспечиваться самими сторонами, а споры по поводу их толкования разрешаются третейскими судами, торговые договоры подпадают под юрисдикцию государственных судов, а толкование осуществляется в судебном порядке³⁴.

То обстоятельство, что юридическое толкование договорных обязательств иногда бывает необходимо, предполагает, что попу-

ляция организаций той или иной отрасли должна включать — помимо фирм, торговых организаций и профсоюзов — целый комплекс правительственных учреждений, поскольку само юридическое определение прав собственности и обеспечение их соблюдения правительством создает среду, в которой промышленные и торговые компании зависят от осуществления своих сделок³⁵. В отличие от промышленных сетей, в которых доминирует несколько крупных фирм, правительственные организации создают настоящую иерархию с четко определенной структурой власти. В некоторых случаях промышленные сети могут порождать формальные властные отношения с сопутствующим возникновением *картелей*, но им обычно не удается обрести способности, свойственные настоящей иерархии. Например, в 1870-х годах, до запрета картелей в США, некоторые железнодорожные компании предпринимали попытки придать своим сетевым связям более иерархичный характер, используя ежегодные съезды как законодательный орган (издающий правила и [регламентирующий] процедуры) и центральный офис как исполнительный орган, реализующий постановления, но им так и не удалось создать судебный орган, способный налагать обладающие юридической силой наказания за нарушение правил картеля³⁶. В конечном счете по-настоящему важными в этих картелях были вопросы солидарности между в равной степени доминирующими компаниями, а не легитимности их власти. С другой стороны, когда речь заходит о правительственных иерархиях, легитимность — это не только единственный и основной экспрессивный компонент в ассамбляже, но также ресурс, который правительства могут использовать для создания зависимостей, предоставляя либо отбирая лицензии или разрешения у организаций и представителей определенных профессий.

Прежде чем приступить к разговору об иерархиях организаций, которые могут быть рассмотрены в рамках ассамбляжного подхода, я должен сделать несколько оговорок. Во-первых, невозможно в обсуждении охватить все те разнообразные формы, которые принимали центральные правительства в ходе истории. Поэтому я ограничу свое рассмотрение теми из них, в которых процессы дифференциации породили наиболее сложные формы, то есть теми, в которых имеет место четкое разделение труда между исполнительными, законодательными и судебными организациями и в которых эти различные функции представлены одновременно на различных географических масштабах — национальном, провинциальном, городском. Если можно с легкостью взять на вооруже-

ние даже эти сложные случаи, то более простые формы не должны представлять проблемы. Во-вторых, из всех форм, которые может принимать сложная структура правительства, я сосредоточусь на *федеративной* форме, поскольку именно она отображает эту географическую иерархическую структуру наиболее отчетливо. Наконец, чтобы представляемая здесь картина была достаточно проста, большинство примеров я буду брать из истории одного федеративного государства — США.

Предупредив об этих упрощениях, я должен сделать еще четыре предварительных замечания. Избегать использования понятий вроде «государства» (*state*) важно не только потому, что подобные овеществленные общности не являются легитимными онтологическими сущностями, но также и потому, что подобные понятия слишком монолитны, то есть им не удастся ухватить отношения экстериорности, существующие между образующими правительственную иерархию гетерогенными организациями. Например, без адекватного понимания гетерогенности мы можем совершить ошибку, полагая, будто бы не существует разрыва между *разработкой государственной политики и ее реализацией* или что способность правительства вмешиваться в реальное положение дел однозначно соотносится с решениями, принимаемыми специально выбранными для такого «вмешательства» представителями. Но исследование процесса имплементации показало, насколько сложно пройти путь от документа, в котором сформулирована конечная цель, до процесса выбора подходящего ведомства для проведения политики, поддержания обязательств и потока средств, необходимых на разных этапах и в целом для гарантии согласия в длинной цепи национальных, внутриштатовских и местных правительственных организаций, зачастую с пересекающимися юрисдикциями. Во многих случаях политические решения центра в конечном счете либо не реализуются, либо изменяются до неузнаваемости. Совместное действие множества правительственных организаций, таким образом, является сложным и проблематичным, оно не может приниматься как данность³⁷. Разумеется, сложное отношение между разработкой той или иной политики и ее реализацией можно истолковать как отношение, предполагающее, что эти две активности формируют бесшовную сеть, — такая интерпретация возвращает нас к концепции единства. Но его также можно смоделировать как нелинейный процесс, предполагающий обратную связь, — процесс разработки-реализации-переработки, — что позволяет адекватно «оценить степень достижения цели и распределение власти между выборными и назначенными лицами»³⁸.

Второе предварительное замечание является расширением последнего тезиса. Отношения между правительственными организациями, состоящими из выборных должностных лиц (то есть демократическими или представительными организациями), и организациями, управляемыми невыборными профессиональными бюрократами, проблематичны в еще более глубоком смысле. Чтобы бюрократия функционировала эффективно, необходимо строгое *разграничение между политикой и администрированием*: экспертная оценка профессионального корпуса бюрократов должна быть изолирована от непредвиденных обстоятельств избирательного процесса. Но чем лучше достигается это разграничение, тем сильнее ощущение, что бюрократия не отвечает общественным интересам, выраженным в результатах выборов. Иными словами, те же самые факторы, которые способствуют повышению эффективности, снижают легитимность, по крайней мере в демократических режимах. Один элемент данного конфликта характерен для многих социальных отношений, предполагающих делегирование власти. В модели «принципал-агент» проблема ставится таким образом: как работодатель (принципал) может быть уверен в том, что сотрудники (агенты) не обведут его вокруг пальца, если те, кого он нанимает на работу и кому делегирует властные полномочия, обладают большей компетентностью? В подобной модели основной конфликт возникает из-за *асимметрии экспертности* и может быть распространен на большие масштабы, поскольку ни президенты, ни законодательные органы (ни их соответствующие сотрудники) не имеют достаточных специальных знаний, чтобы оценить работу бюрократов³⁹. Однако эта модель упускает из виду другие проблемы, не имеющие аналогов в меньших масштабах. В частности, сама асимметрия экспертности, играющая на руку бюрократам, может обернуться против них, поскольку во многих случаях (атомная энергетика, фармацевтическая продукция, финансовые процессы) отрасли, которые правительственные учреждения должны регулировать, снабжают эти учреждения всей необходимой для введения нормативов технической информацией. Иными словами, регулирующие органы могут стать пленниками частных интересов, то есть впасть в зависимость от своих технических ресурсов, тем самым все более подрывая собственную и без того шаткую легитимность⁴⁰.

Третье и четвертое предварительные замечания касаются различий, которые являются решающими для ассамбляжной теории, но при этом необязательно следуют из других подходов. Прежде

всего мы должны провести различие между иерархией организаций, составляющих федеративное (или иное) правительство, и территориальной сущностью, подконтрольной иерархии. Помимо правительственных организаций, территориальная единица включает в себя целую популяцию других: популяции людей и межличностных сетей; городов, регионов и провинций; геополитических отношений экстерииорности с другими территориальными сущностями. Когда в ходе политической революции происходит замена одного режима правления другим, например автократического демократическим, обычно нетронутыми остаются существовавшие до этого неравные отношения между городами, регионами и провинциями, не говоря о геостратегическом положении страны по отношению к другим странам. С другой стороны, это различие должно проводиться с большей осторожностью, поскольку многие из организационных иерархий не могут быть отделены от территорий, которыми они управляют, и отчасти их идентичность определяется в ходе осуществления контроля над границами территории. В отличие от межличностных сетей или институциональных организаций, которые благодаря коммуникационным технологиям могут существовать без четко определенных пространственных границ (или даже в виртуальной форме на просторах интернета), сложные организационные иерархии с трудом могут быть концептуализированы за пределами подконтрольной им территории или ресурсов (природных и демографических), связанных с этой территорией. Тем не менее ниже я буду уделять больше внимания характеристикам самого ассамбляжа организаций, а анализ территориальных аспектов оставляю для следующей главы.

Вдобавок к отделению иерархического ассамбляжа организаций от подконтрольного ему царства, империи или национального государства, для анализа важно отделить сам ассамбляж от его взаимодействий с другими организациями, с коалициями сетей или с популяциями человеческих индивидов. Причем некоторые из этих взаимодействий могут порождать ассамбляжи, представляющие собой сложные политические ситуации, — ассамбляжи, являющиеся крупномасштабными аналогами разговоров между людьми. В предыдущей главе я писал об идее Чарльза Тилли о движениях социальной справедливости как ассамбляжах из коалиций сетей и правительственных организаций, выступающих в качестве участников переговоров. Тилли рассматривает общественные демонстрации как крупномасштабные переговоры между движением, контрдвижением и полицией. В общем, он пишет, что «в

ритуальных действиях, празднествах и милицейских маршах времен Французской революции или в общественных собраниях, петициях, демонстрациях и в формировании ассоциаций современных западных общественных движений мы наблюдаем диалогическое сочетание неустанной импровизации, инновации и принуждения»⁴¹.

Как и в случае личных разговоров, в которых каждый участник претендует на некий публичный образ, переговоры между организациями (или между организациями и коалициями сетей) также включают в себя такие притязания, равно как и коллективное производство идентичностей, например идентичностей этнического сообщества или отрасли промышленности. Но, как и в личных разговорах, эти взаимодействия эпизодичны и не обязательно приводят к изменению идентичности самого правительства, за исключением случаев политических революций. Также переговоры — это лишь один пример социальных встреч; последний термин вбирает в себя целое множество эпизодических ассамблеяжей, в том числе [возникающих] в больших масштабах. Таким образом, в дальнейшем я буду заниматься преимущественно анализом иерархического ассамбляжа организаций и лишь затем добавлю единственный пример разнообразия эпизодических ассамблеяжей, создаваемых иерархическим ассамбляжем в процессе взаимодействий.

Как и во всех ассамблеях с командной структурой, экспрессивную роль играют компоненты, вовлеченные в легитимацию власти, в то время как материальную роль играют компоненты, вовлеченные в ее исполнение. В США, например, существуют два основных источника легитимности на этом уровне: конституция и процесс выборов. Конституция, разумеется, является языковым компонентом — это письменный документ, помимо прочего определяющий отношения между исполнительными, законодательными и судебными организациями, а также между организациями, функционирующими в рамках национальных, внутриштатовских и локальных юрисдикций. Избирательный процесс — неязыковой компонент, наделяющий выборных должностных лиц легитимностью в той мере, в которой его результаты выражают волю населения. Но церемониальность процесса проведения выборов не гарантирует пропорционального представительства различных групп среди избирателей. Существует техническая сторона голосования, связанная с механизмом подсчета голосов и отбором победителей; она сталкивается с вопросом о том, насколько полно представлены в избирательном процессе предпочтения населения и насколько репрезентативны и легитимны результаты.

К примеру, существуют системы голосования, в которых избиратели обладают правом только одного голоса, а кандидат, набравший большее количество голосов, побеждает (мажоритарное голосование); системы, в которых избиратели имеют несколько голосов, которыми они могут распорядиться несколькими способами (голосование по одобрению); и системы, в которых голоса не просто определяют положительный или отрицательный исход, но ранжируют кандидатов (преференциальное голосование). Способности этих систем голосования к выражению реального распределения коллективных предпочтений различны, как и их незащищенность перед тактическим (или вынужденным) голосованием, когда одного из кандидатов выбирают с целью воспрепятствовать победе другого⁴². Несмотря на то, что математики не пришли к единому мнению относительно того, какая система лучше, — и, учитывая, что голосование может проводиться с различными целями (здесь может не быть наилучшего выбора), — все они схожи в том, что мажоритарное голосование технически является наименее удачным, так что его применение в современных странах вроде США объяснимо лишь церемониальной значимостью.

Если бы эти два источника легитимности были единственными, то проблема бюрократии была бы неразрешима и приводила к постоянным кризисам: бюрократы не избираются, так что они не могут обосновывать свою легитимность результатами выборов, равно как и конституция умалчивает о статусе бюрократов и о законности делегирования им следственных, прокурорских и судебных полномочий, — делегирования, способного пошатнуть доктрину разделения властей⁴³. Но также существуют другие источники власти. Говоря о теории происхождения власти Вебера, я упомянул, что в рационально-правовой форме техническая эффективность процедур сама по себе является выражением власти. В Англии и Франции, где бюрократии возникли до становления демократических режимов и были представлены членами элиты, техническая эффективность зачастую играла эту легитимирующую роль. Но в США события разворачивались иначе, и лишь в условиях Великой депрессии 1930-х независимая экспертиза использовалась в качестве прагматического обоснования существования бюрократий⁴⁴. Однако даже тогда недоверие к специальным знаниям (в противовес более общим знаниям, которыми обладали выборные должностные лица) делало подобное выражение [легитимности] ненадежным. Так что вскоре возникло другое выражение легитимности: *чистота (fairness) используемых бюрократиями процедур*, а также

степень, в которой эти процедуры были стандартизированы во всех комитетах и учреждениях. Эти вопросы были кодифицированы в 1946 году в Акте административных процедур. Как и с чистой процедур голосования, здесь возникают технические вопросы, так что проблема не в выборе значения слова «чистый». В слушаниях, проводимых надзорными органами, роли судьи и обвинителя, например, не могут исполняться одним и тем же служащим беспристрастно. Тем самым Акт был призван создать особую группу экспертов, изолированных от подобного конфликта интересов, в целях повышения легитимности административного правосудия⁴⁵.

В той степени, в какой телесное наказание и тюремное заточение могут использоваться как инструменты осуществления власти над индивидом, военные и полицейские организации могут привлекаться центральным правительством для поддержания лояльности со стороны бюрократического аппарата и местных должностных лиц. Однако систематическая опора на физическую силу сигнализирует о нестабильности формы власти, так что необходимо добавить другие материальные компоненты, чтобы согласовать реализацию власти и ее легитимность. Президент и парламентарии могут контролировать бюрократов несколькими способами: у президента есть власть для назначения и снятия с ключевых должностей, а также контроля финансовых ресурсов; законодатели могут осуществлять контроль посредством *проектирования* бюрократий, то есть они могут встроить систему стимулов, препятствующую подтасовкам и уклонениям [от исполнения обязанностей], в сами юридические полномочия, определяющие цели и правовую форму нового учреждения. Скрупулезные количественные исследования, проводившиеся на основании модели принципал-агент, показали, что исполнительные и законодательные органы не только располагают такими возможностями, но и прибегают к ним⁴⁶. В конгрессе также есть комитеты по надзору, которые занимаются мониторингом эффективности бюрократии, а суды могут проводить проверки с целью убедиться, что процессы не отклоняются от правовых норм.

При рассмотрении процессов территориализации важно отличать идентичность индивидуального политического курса (*policy*) от идентичности самого ассамбляжа организаций. Относительная политическая автономия бюрократий не является стабилизирующим фактором в первом случае, но является таковым в последнем. Например, в США — до установления в 1883 году системы заслуг и

карьерной гражданской службы — бюрократические должности воспринимались как добыча, которая должна была достаться победившему на выборах кандидату*. В ту эпоху «добычи» идентичность всего ассамбляжа могла поколебаться эпизодическим изменением общественного мнения. Но как только была достигнута определенная степень обособления от политики (*politics*), бюрократии стали источниками преемственности и долгосрочной согласованности. Отчасти, поскольку имеющее силу закона предписание, в соответствии с которым было учреждено какое-либо бюрократическое ведомство, может отражать политический курс, отличный от политического курса недавно избранных должностных лиц, обособленность от политики обеспечивает механизм политической преемственности между различными администрациями⁴⁷. Учитывая, что относительная автономия бюрократий частично основывается на экспертных асимметриях, основным территориализующим процессом является профессионализация госслужащих, принимающая различные в зависимости от стран формы. Например, во Франции она была тесно связана с обучением госслужащих в элитарных университетах и политехнических вузах: эта образовательная база была призвана привить потенциальным кандидатам *esprit de corps* [корпоративный дух — фр.]. В Англии она происходила путем обучения на рабочих местах, так что экспертность передавалась новоприбывшим, — это был процесс обучения, воспитывающий лояльность к самой должности, а не к занимающему ее на данный момент человеку⁴⁸.

Среди детерриторизирующих процессов, влияющих на идентичность этих ассамбляжей изнутри (в противоположность тем, что влияют снаружи, например политическим революциям), особенно выделяются два: государственные перевороты и конституционные кризисы. Первые предполагают смену режимов, навязанную органам центрального управления со стороны других правительственных организаций, обычно военных, либо со стороны организаций, перехвативших контроль над армией у исполнительной ветви. Переворот дестабилизирует не только как событие. Даже по его завершении, занявшие должности люди, как правило, наделены совсем небольшой легитимностью (перед лицом других правительственных организаций, а также остального населения) и вынуждены при-

* Система заслуг (*merit system*), в рамках которой при найме и продвижении государственных служащих ключевую роль играет компетентность работника, является противоположностью системы добычи (*spoils system*), в рамках которой решающими оказываются личные связи.

бегать к прямому насилию как главному инструменту осуществления власти⁴⁹. Конституционные кризисы могут иметь разнообразные причины, например кризис преемственности, связанный с неоднозначными результатами выборов. Но кризис может включать в себя более сложную ситуацию, в которой различные правительственные организации сражаются друг с другом. Так, исполнительные органы могут не признать легитимность законодательных и потребовать их роспуска, в то время как законодательные органы могут подвергнуть сомнению действия президента и настаивать на импичменте. (Подобное имело место в России в 1993 году.) С другой стороны, в конфликт могут быть вовлечены не две ветви власти, но организации, функционирующие в разных географических масштабах, когда местные органы власти отказываются подчиняться указаниям центра. В XIX веке, например, конфликт из-за рабства в США, ставший неразрешимым в силу существовавших механизмов (в частности, решений Верховного суда), повлек отделение одиннадцати южных штатов и разрешился гражданской войной и поправками к конституции, которые в конечном счете сделали эту практику незаконной.

Наконец, встает вопрос о роли языковых компонентов в этих ассамбляжах. Выше я упоминал различные средства, к которым могут прибегать исполнительные, законодательные и судебные органы в ходе осуществления контроля над бюрократиями. Однако эти средства в основном имеют стратегическую ценность, будучи полезными для сохранения общего согласия, но бессильными в определении конкретных результатов, учитывая, что административные учреждения могут использовать относительную обособленность от политики при реализации намеченного центром политического курса. Тактические средства, например не допускающая разночтений формулировка исходного программного документа (или устава), также должны применяться для поддержания целостности политического курса⁵⁰. Я также упоминал решающий и имеющий обязательную силу во многих странах документ — основу для более или менее кодифицированных форм конституционного, или основного, закона. Такие законы не только консолидируют идентичность ассамблея (то есть выполняют кодирующую операцию, дополняющую эффекты территориализации), но также ограничивают типы других законов, которые могут быть разработаны законодательными органами. Эти другие законы, в свою очередь, различаются по степени кодификации и по мере, в которой обычаи и прецеденты могут влиять на интерпретации, как в слу-

чае различия между *некодифицированным правом*, преобладающим в Англии и ее бывших колониях, и более систематичным, менее завязанным на прецедентах *гражданским правом*, преобладающим в странах континентальной Европы и их бывших колониях. Эти и другие писанные законы образуют институциональную среду экономических организаций, о которой я говорил ранее, а также всех других ассамблежей, которые мы рассматривали до сих пор⁵¹.

Так мы подошли к вопросу о более или менее эпизодических взаимодействиях между иерархическими ассамблеями организаций и другими социальными сущностями. Из всего многообразия взаимодействий я выберу одно-единственное — взаимодействие с популяцией людей, — и из всего многообразия политических ситуаций, в которых эти взаимодействия могут иметь место, я выберу ситуацию, созданную существованием вооруженных конфликтов, будь они внутренними или внешними. С материальной стороны эта ситуация касается как рекрутирования людей — иногда добровольного, иногда принудительного — так и сбора налогов, необходимых для оплаты ведения военных действий. Политический курс, в рамках которого эти задачи сформулированы (проект резолюции, изменение в фискальной политике), должен учитывать сопротивление со стороны целевых групп, так что он включает в себя концессионные и политические переговоры. Ситуация может быть сформулирована в терминах ресурсозависимости: налоговые сборы и рекрутирование являются столь важным ресурсом для правительства, что последнее начинает впадать в зависимость от своего населения, становящегося субъектом удовлетворения его потребностей. В действительности, согласно Чарльзу Тилли, именно так происходило становление прав человека в Европе в XVII и XVIII веках по мере того, как правительства, активно расширявшие деятельность своих армий (что требовало все новых и новых налогов), были вынуждены идти на сделку со своими целевыми группами и удовлетворять их потребности в политическом участии⁵².

С экспрессивной точки зрения эти ситуации допускают различные средства (единения правительства и населения иногда символические, иногда чисто выразительные). Классическим примером будет влияние Французской революции на состав армий, а именно переход от наемной армии к гражданской. Однако средства, использованные для введения этого изменения [в жизнь], в различных странах варьировались в зависимости от источников легитимности. Две формы власти, описанные Вебером, традици-

онная и рационально-правовая, имеют свои аналоги в большем масштабе. В ряде стран узлы, связующие население, имеют давнюю традицию, так что «нация» предшествует «государству». В других эти узлы возникают как результат следования одним и тем же законам, поскольку «государство» предшествует «нации»⁵³. Страны, следовавшие путем от государства к нации (например, Франция или Англия), имели склонность отдавать предпочтение вновь избранным формам выражения патриотизма: флаги, присяга, гимны, национальные праздники, военные парады, официальные празднования. Те же, что следовали путем от нации к государству (Германия), склонялись к более популистским формам выражения, используя в той или иной степени последовательный (*coherent*) синтез «народных» элементов, созданных интеллектуальной элитой. Однако, так же как идеальные типы Вебера редко встречаются в чистом виде, кровь и закон в качестве источников национально-го единства никогда не бывают взаимоисключающими. Большинство стран при подготовке своего населения к войне использовали смесь из двух источников легитимности власти. И в конечном счете независимо от того, каким было сочетание экспрессивных средств у данного правительства, предельное проявление патриотизма всегда заключалось в готовности граждан умереть за свою страну, что и выражалось поведением на поле боя.

Реальность или угроза вооруженного конфликта сама по себе является мощной территориализующей силой, заставляющей людей сомкнуться друг с другом и сплотиться вокруг своих правительств. Так же как солидарность вокруг сообщества может трансформироваться в социальное исключение, когда конфликт с другими сообществами обостряет чувство «нас» против «них», внешние войны могут преобразовать простую эмоциональную привязанность к традициям и институтам страны в чувство превосходства над враждебными странами и их союзниками. Преданность, необязательным образом включающая в себя сравнение с другими, преобразуется во враждебность и ксенофобию. Внутренние войны, с другой стороны, могут быть детерриторизующей силой, либо расшатывая правительство путем регулярных бунтов и беспорядков, либо стремительно меняя его идентичность с одного режима на другой, как в случае успешных политических революций. В отличие от *coups d'état* [военных переворотов — *фр.*], революции выходят за пределы взаимодействия между правительственными организациями. Минимальный ассамбляж, воспроизводившийся в революциях прошлого, включает в себя население, пережившее период

относительного процветания и возрастающих ожиданий, за которым последовал период лишения, когда эти ожидания не оправдались; борьбу между господствующими коалициями и теми, кто бросает им вызов; и проявления слабости со стороны правительственных организаций, например снижение их способностей к принуждению под влиянием финансового кризиса, плохой экономической ситуации или внешнего военного поражения⁵⁴.

Хотя для граждан той или иной страны внешние военные действия могут не иметь определенного пространственного измерения — ксенофобные верования могут сформироваться и без ясного представления о территориальном противопоставлении «нас» «им», — для правительственных организаций такая ситуация нетипична, если только угроза не исходит от террористической организации, не имеющей территориальной базы. Однако на протяжении почти всей своей современной истории правительственные иерархии действовали в рамках конкретных геополитических существностей, таких как национальные государства, королевства или империи. Более того, международное право, каким оно развилось на Западе после подписания мирного договора, ознаменовавшего завершение Тридцатилетней войны в XVII столетии, было теснейшим образом связано с пространственными вопросами, такими как правовое определение суверенитета ограниченных территорий, а также с геостратегическими вопросами, определявшими военные возможности и риски, с которыми должны были столкнуться различные организационные иерархии. Таким образом, мы достигли пределов того, что может быть проанализировано без отсылки к пространственным аспектам ассамбляжей. В следующей главе я вернусь к анализу правительственных организаций и процессов, которые привели к возникновению национальных государств moderna, разобравшись с пространственным аспектом ассамбляжей в меньшем масштабе, — от домов и районов до городов, иерархий и сетей, образованных урбанистическим центром.

5

Города и нации

Межличностные сети и институциональные организации могут быть изучены без привязки к их пространственной локации в той мере, в которой коммуникационные технологии позволяют создавать их системообразующие связи и позиции на расстоянии. Но как только мы переходим к большим масштабам, пространственные отношения начинают играть решающую роль. Социальные сущности, например города, состоящие из целых популяций человеческих индивидов, сетей и организаций, с трудом можно концептуализировать без учета физической инфраструктуры зданий, улиц и всевозможных инженерных коммуникаций, обеспечивающих циркуляцию материи и энергии, частично определяемую пространственными отношениями между этими объектами. И в самом деле, в 1920-х социологи открыли общественные отношения, порождаемые территориальностью; известная Чикагская школа начала свои исследования городских сред, понимаемых одновременно и как пространственные локации, и как места, структурированные во времени привычками и обычаями¹. Позже социологи, например Энтони Гидденс, отчасти под влиянием работ городских географов, вернулись к этой теме, реконцептуализировав социальные территории через понятие «регионализированных локальностей». Гидденс пишет:

Понятие места действия (локальности) подразумевает использование пространства с целью обеспечения *среды протекания* взаимодействия, необходимой для определения его *контекстуальности*.

<...>

Локальности могут колебаться в известных пределах — от комнаты в доме, уличного перекрестка, фабричного цеха, небольших городов и крупных мегаполисов до государств-наций, имеющих четко определенные территориальные границы. Обычно локальности «районированы» изнутри, и внутренние зоны играют важную роль в процессе формирования контекстов взаимодействия... Одна из причин

использования термина «локальность», предпочитаемого нами термину «местоположение», состоит в том, что свойства окружения постоянно используются субъектами деятельности при организации социальных взаимодействий во времени и пространстве. ...Речь идет о «местах остановок», где физическая подвижность траекторий индивидуального движения во времени и пространстве приостанавливается или сокращается на время социальных взаимодействий...

<...>

Говоря о «регионализации», мы будем иметь в виду не только локализацию или установление местонахождения в пространстве, но и зонирование общепринятых социальных практик в пространстве-времени. Возьмем, к примеру, частный дом — локальность, представляющую собой «станцию», на которой в течение обычного дня происходит множество взаимодействий. Современные дома регионализированы на этажи, коридоры и комнаты. Эти разнообразные составляющие дома не являются просто отдельными частями, но зонированы во времени и пространстве. Комнаты нижнего этажа используются в основном днем, в спальные комнаты индивиды «удаляются» ночью².

Гидденсовское описание регионализированных локальностей как физических территорий, темпорально структурированных социальными ритмами, легко укладывается в ассамбляжный подход, к тому же его определение усиливается экспрессивными элементами, благодаря которым локальности и регионы различаются между собой. Однако, кажется, что акцент на ритмичных и периодических рутинных действиях создает проблемы. В предыдущих главах я утверждал, что при объяснении социальных действий обычное поведение — за исключением наиболее скудных на события ситуаций — должно дополняться обдуманном принятием решений. Но при изучении влияния человеческого поведения на формы городских компонентов акцент на рутинной деятельности оправдан потому, что, как нам напоминает историк Фернан Бродель, скорость изменения городских форм крайне низка. Как он говорит, дом, «где бы он ни был, обладает устойчивостью во времени и неизменно свидетельствует о медлительности движения цивилизаций и культур, упорно стремящихся сохранить, удержать, повторить»³. Учитывая эту медлительность, стоит подчеркнуть те виды человеческой деятельности, которые настолько регулярны, что в долгосрочной перспективе могут привести к изменению городской формы, например в тех случаях, когда передвижения до работы или за покупками определяют повседневный ритм города. С другой стороны, когда мы являемся свидетелями исторического

ускорения этой медленной поступи, нам придется присовокупить к рутинным действиям выбор, коль скоро ускорение в изменениях городской формы обычно подразумевает разрыв с традицией и тем самым обдуманное проектирование.

Теперь давайте произведем ассамбляжный анализ этих регионализированных локальностей, начиная с отдельных зданий. Материальную роль в зданиях в первую очередь играют те компоненты, которые позволяют им быть успешными *несущими конструкциями*. В строениях в несколько этажей сами стены вкупе с колоннами и отдельными балками справляются с этой задачей, но для крупных зданий правительственных и религиозных учреждений, корпораций, по мере увеличения их высотности, полезными оказываются более сложные технологии. Проектировщикам небоскребов хорошо известно, что при достижении критической высоты необходимы радикальные изменения в самой структуре [здания], например использование железного или стального каркаса, освободившего в 1850-е годы стены от несущей функции и превратившего их в подобие театрального занавеса. Другие компоненты, играющие материальную роль, определяют *связность* «регионов» здания. Если местом действия выступают станции, где ежедневно пересекаются пути огромного числа индивидов, участки, на которые эти станции подразделяются, должны быть связаны друг с другом так, чтобы была возможна циркуляция человеческих тел и множества иных материальных сущностей⁴. В обычном жилище эта связность осуществляется за счет дверей, коридоров и лестничных пролетов, направляющих и разграничивающих людские потоки, а также за счет окон для циркуляции воздуха и света. В многоэтажных зданиях, с другой стороны, может потребоваться встроенная в них технология транспортировки. Таким образом, то же поколение, которое увидело ввод металлических каркасов, стало свидетелем трансформации старых приспособлений для вертикального перемещения в первые лифты, а также сопутствующих изменений в вертикальной связности зданий.

Изменения в связности, в свою очередь, по-разному влияют на социальную деятельность внутри данной локальности. Например, Фернан Бродель утверждает, что связность некоторых жилых домов в XVIII веке существенно изменилась вместе с возросшей специализацией комнат, в частности спальни стали полностью обособленной областью в доме. Как он пишет, новая связность сильно отличалась от характерной для зданий предыдущей эпохи:

В парижском особняке XVII века на втором этаже, считавшемся этажом «благородным», предназначенным для хозяев дома, все ком-

наты, передние, салоны, галереи, спальни (которые иной раз мало отличались друг от друга) располагались анфиладой. И чтобы добраться до лестницы, всем, включая и слуг, занятых своими обычными хлопотами, нужно было пересечь все эти комнаты⁵.

Сто лет спустя некоторые комнаты стали публичными, в то время как другие оказались приватными; отчасти это явилось результатом того обстоятельства, что повседневные перемещения по дому стали определяться иным распределением дверей и коридоров. Тем самым приватность создавалась новой регионализацией этих локальностей. В нежилых зданиях — в случаях, когда компании не могли приспособить соседние здания к размещению значительного количества сотрудников — перемены в связности, обусловленные появлением лифтов, повлекли смену формы циркуляции сотрудников с горизонтальной на вертикальную. Городской географ Джеймс Ванс замечает:

Для финансового квартала механический лифт имел решающее значение, потому что большая часть перемещений, как правило, была внутренней для четко обозначенной группы сотрудников из одной организации или сотрудников из нескольких связанных между собой организаций. В такой ситуации пределы шаговой доступности исчерпывались участком из нескольких смежных зданий, как в комплексах юридических и медицинских учреждений или даже крупных страховых компаний... Мне не кажется простой случайностью тот факт, что первые небоскребы в Нью-Йорке и Чикаго строились преимущественно для страховых компаний и входили в число первых зданий, оборудованных подъемниками. То же касается и издательств крупных газет. Они одними из первых вступили в процесс возведения небоскребов, находя существенное преимущество в расположении большого числа работников друг над другом и обеспечении при помощи лифта коммуникации между так организованными сотрудниками⁶.

Введение новых механизмов перемещения также имело экспрессивные последствия. Так, многоквартирные дома, построенные в Париже до начала эксплуатации лифтов, демонстрировали четкую вертикальную стратификацию: чем выше этаж, тем ниже социальный статус жильца. После введения лифта этот порядок претерпел изменения: отныне более высокий этаж демонстрировал более высокий статус⁷. Другие экспрессивные компоненты различаются в зависимости от видов деятельности в здании. В жилых помещениях роль в социально-классовой маркировке территории зачастую играли характерные для внутренних зон предметы ме-

бели, равно как и декоративные элементы на стенах, полу и потолке. Показная роскошь в домах итальянских аристократов эпохи Ренессанса, как нам напоминает Бродель, была средством демонстрации господства. Но, как Бродель говорит далее, эта роскошь была исключительно экспрессивной, поскольку спустя несколько веков она уже не ассоциировалась ни с каким материальным комфортом⁸. В случае общественных зданий особенно важными примерами являются соборы, церкви, мечети и синагоги — места, используемые для религиозных служб, процессий и церемоний. Эти здания должны прочертить границу между сакральной территорией и профанным миром посредством выразительного использования геометрических форм и пропорций. В средневековой Европе, например, повсеместные крестообразные формы, сводчатые часовни и ритмичные узоры витражей служили маркерами сакральной территории. Несомненно, эти выражения зачастую сосуществовали с пространством религиозных образов. Так, веерные своды некоторых английских готических соборов с их серией расходящихся кверху ребер выражают обширное восходящее движение, служащее для обозначения сакральной территории. Это физическое выражение, разумеется, должно работать в связке с языковыми (верой в то, например, что небо выше земли), но не должно сводиться к ним.

Что же за процессы стабилизируют и дестабилизируют идентичность этих ассамбляжей? В китайской, индийской и исламской цивилизациях, как и в среде бедных европейцев, стабилизирующая роль традиции кажется всеобъемлющей, когда дело касается строительных техник и материалов, равно как и изменения мебели или иных декоративных элементов. Изменения, когда они имели место, происходили здесь чрезвычайно медленно. Рождение моды, с другой стороны, имело детерриторирующие следствия, несмотря на то, что сначала это явление не выходило за рамки мира европейских богачей. Мода существенно ускорила темпы изменения внутренней и внешней отделки зданий, несмотря на то, что до 1700 года скорость изменений не была той, к которой мы привыкли сегодня⁹. Импульсом, движущим модой, было не только желание маркировать социально-классовые территории посредством одевания тел и декорирования домов, но также и ощущение европейскими аристократами того, что их отличительные экспрессивные маркеры подвергались постоянной угрозе со стороны возрастающей социальной мобильности богатых торговцев и ремесленников. Это привело к спиралеобразной «гонке вооружений», которая и стала драйвером перемен. Бродель пишет:

Я всегда думал, что в большей мере она [мода] возникает из желания привилегированных любой ценой отличаться от стоящей ниже массы, воздвигнуть преграду... Совершенно очевидно, что нажим последователей и подражателей непрестанно вдохновлял гонку. Но если дело обстояло так, то потому, что привилегия богатства вытесняла на передний план определенное число нуворишей¹⁰.

Еще один процесс детерриторизации идентичностей зданий — это резкие перемены, задающие [новый] временной ритм рутинных действий. В обладающих властной структурой организациях перемены в практиках легитимации или принуждения могут воздействовать на идентичности локальностей. Так, по мере замещения в XVII и XVIII веках старых рутинных практик принуждения новыми, они порождали четкое районирование и связность в зданиях фабрик, тюрем, больниц и школ. Как пишет Мишель Фуко,

проблематика архитектуры, которая создается отныне не просто для того, чтобы предстать взору (пышность дворцов), не для обеспечения обзора внешнего пространства (геометрия крепостей), а ради осуществления внутреннего упорядоченного и детального контроля, ради того, чтобы сделать видимыми находящиеся внутри... Старая простая схема заключения и ограждения (толстые стены, тяжелые ворота, затрудняющие вход и выход) заменяется расчетом числа окон и дверей, глухих и пустых пространств, проходов и просматриваемых мест¹¹.

Можно расширить область применения этих замечаний за счет других типов мест действия, например, офисных зданий. Тела бюрократов, например, также должны аналитически распределяться в пространстве, закрепляться за кабинетами и отделяться от других типов деятельности, не связанных напрямую с их работой. «Пространственное разграничение офисов, — пишет Гидденс, — изолирует их друг от друга, обеспечивает ту или иную степень автономии находящихся в них индивидов, а также свидетельствует об определенном уровне иерархии»¹².

Перемены, приносимые модой или дисциплинарным использованием пространства, уже указывают на тот факт, что здания существуют в коллективах подобных [друг другу] ассамблежам, поскольку в обоих случаях мы имеем дело с тем, как новые формы со временем распространяются среди всей популяции. Эти популяции зданий, в свою очередь, формируют более крупные ассамблежи, такие как спальные районы, торговые, промышленные и правительственные кварталы или даже моральные или аморальные

зоны вроде кварталов красных фонарей. Какие компоненты играют материальную роль в этих крупных ассамбляжах, а какие — экспрессивную? С материальной точки зрения мы должны перечислить все физические локальности, определяющие места, в которых периодически пересекаются пути жителей округа (местный сквер, церковь, паб, магазины), равно как улицы, обеспечивающие необходимую связность между ними. Единая подземная инфраструктура — от водоснабжения и канализационных труб до каналов подачи газа, благодаря которым стало возможно первое уличное освещение, — возникла в XIX веке, а в XX появились электрические кабели и телефонные линии.

С точки зрения экспрессивности дело было в экстерьере зданий, то есть в декорировании (или его отсутствии) фасадов, которые определяли лицо района. В жилых районах с узкими улицами, расположение которых формирует сложный лабиринт, фронтальная часть зданий была неприметна. Таким образом, экспрессивные экстерьеры появились прежде на общественных зданиях. Последние обычно располагались на центральной площади, где окружающее пространство открывало перспективы, задавая возможности для необычного визуального опыта, действие которого усиливалось прямой улицей, ведущей к церкви, городской управе или памятнику. Когда европейские богачи в XV веке стали преднамеренно выбирать видные места для расположения своих частных домов, за общественными зданиями последовали резиденции аристократов. Эти здания могли похвастаться своей экспрессивностью, только если вокруг них оставалось достаточно свободного пространства; тем самым подогревающее этот процесс межклассовое соревнование начало затрагивать внешние поверхности¹³. Помимо открывающейся перспективы, центральная площадь города играла другую экспрессивную роль. Она служила центром, определяющим расположение жилых районов, социальная престижность которых снижалась по мере отдаления от него. Концентрическое расположение было характерно для многих городов средневековой Европы, но особенно превалировало в южных Альпах. На севере, где в поселениях главенствовали купцы и ремесленники, центр города занимала торговая площадь, и доступность к ней определяла престижность местоположения. Это — скорее функциональное, нежели социальное — разделение привело к более эгалитарной форме экспрессивности, особенно в спланированных городах, так называемых «бастидах», которые использовались в позднем Средневековье как средство экономической колонизации отсталых местностей внутри Европы¹⁴.

Далее мы должны перечислить процессы, которые делают границы более строгими и повышают внутреннюю однородность данного района. Среди процессов, демонстрирующих эту территориальную функцию, процессы *конгрегации* и *сегрегации*. Джеймс Ванс пишет:

Возникающие в городах виды деятельности тяготеют к своему объединению, происходящему в ограниченных ареалах специализации; они вовлекаются в конгрегацию посредством формирования внутренних связей между собой. Будь то использование общих ресурсов, сбыт одним и тем же покупателям, принадлежность одному и тому же вероисповеданию, говорение на одном и том же языке, институциональные практики формируют процесс конгрегации, обусловленный и весьма чувствительный к масштабу. Как правило, несколько человек, занимающихся одним и тем же делом, объединяют свои усилия, но не самым очевидным образом. Когда их число становится достаточно значимым для формирования экстенсивной структуры, тогда географическое объединение становится видимым... В противовес конгрегации существует еще один подобный механизм группирования якобы схожих индивидов, осуществляемый за счет внешних сил. Вместо того чтобы вступать в объединение, они к нему принуждаются посредством сегрегации¹⁵.

Коммерческие и промышленные районы зачастую подвергались процессам конгрегации и сегрегации: схожие ремесла и товары тяготели к конгрегации, тогда как черновые работы, вроде забоя скота, становились объектом институциональной сегрегации. Но жилые районы также приобретали относительно хорошо определенные границы и внутренне однородный состав. Случай институционализированной сегрегации, пожалуй, является наиболее наглядным примером, поскольку и границы, и композиция района утверждаются здесь законом, а их соблюдение обеспечивается правительственными организациями. Но конгрегация также может вести к относительно однородному составу (по расовому, этническому, классовому, языковому признаку), даже если принять в расчет предпочтение горожан жить в относительно разнородном районе. Если люди, не осуществляющие дискриминацию, также предпочитают не быть в меньшинстве (либо к их непосредственному окружению, либо ко всему району), тогда в составе района должны быть определенные пороговые значения, при превышении которых происходит цепная реакция, приводящая здесь к вытеснению одной из групп другой¹⁶.

Важными примерами процесса детерриториализации является возрастающая *географическая мобильность* и влияние *земельной ренты* на распределение видов пользования внутри определенного района или квартала. Как уже давно указывали первые социологи-урбанисты, сегрегация делает границы жилых зон четче, в то время как транспорт их скорее размывает¹⁷. Хороший пример дестабилизирующих последствий возрастающей мобильности, обусловленной появлением механического транспорта, состоит в изменениях, через которые прошли рабочие районы в конце XIX века. Когда место работы было в пешей доступности, эти районы имели четко очерченные границы, но, по мере появления электротранспорта, необходимость проживать в непосредственной близости к фабрикам исчезла и возникли новые пригороды (*suburbs*) рабочего класса с более пористыми границами. Ванс следующим образом подытоживает ситуацию:

Основополагающим ассамбляжем зданий и способов их использования в промышленных городах Англии были рабочие кварталы, состоявшие из рядов домов, выстроенных вокруг одной или нескольких фабрик, с несколькими местными магазинами и пабами. Поскольку рабочий день был долг, а добраться до работы можно было только пешком, фактором локализации служило предприятие. В результате образовались города или даже мегаполисы, стоящие из маленьких, четко определенных районов, в которых и проходила жизнь людей — за исключением, быть может, еженедельных или того реже посещений рыночной площади, торговых рядов или уличного рынка для покупки необходимой одежды, домашней утвари и скоропортящихся продуктов. Такое ограниченное существование было вызвано трудовыми и жилищными условиями, а также экономической недоступностью средств передвижения. Лишь позже, в XIX веке, когда в жизни рабочего класса появились велосипеды, троллейбусы и, наконец, дешевые экскурсионные маршруты к побережью, возникла хоть сколько-нибудь существенная возможность вырваться из узких географических рамок жизни¹⁸.

Наряду с ростом географической мобильности, предоставление земель и землепользование вело к еще более резким изменениям идентичностей районов. Центральная власть всегда обладала и обладает правом решающего голоса в вопросах распределения и статуса земель; разрабатываемые ею правила зонирования имеют детерриториализующий эффект. С другой стороны, земельная рента, став достаточно изменчивой и обусловив тем самым возможность экономической спекуляции, оказалась мощной детерриториализующей

силой, отделяющей основания для землевладения от какой-либо привязки к деятельности, осуществляемой на этой земле, и способствующей относительно быстрому переходу от одного [вида] землепользования к другому. Ранние городские социологи назвали этот феномен *сукцессией земли* по аналогии с экологическим процессом, в котором, по мере приближения экосистемы к относительно устойчивому состоянию, конкретный ассамбляж растений сменяется другим ассамбляжем. Вместо растений эти социологи сосредоточились на землепользовании и смоделировали эту сукцессию как концентрическую экспансию по направлению из центра города. Роль ядра отводилась центральному деловому кварталу, окруженному транзитной зоной с предприятиями легкой промышленности и деградирующими жилыми районами. Затем шло кольцо рабочих районов, за которыми следовали районы среднего и высшего класса и, наконец, пригороды или зона маятниковой миграции¹⁹.

Однако эти ранние исследования фокусировались на одном-единственном городе (Чикаго) и не давали полного объяснения механизмам, задействованным в сукцессии. Концентрическая круговая модель казалась уместной для многих городов США, где уровень доходов имел тенденцию возрастать по мере отдаления от центра города, но не для континентальной Европы, где имела место обратная ситуация²⁰. Это объясняется как значительным возрастом европейских городов, так и упомянутым ранее фактом: на протяжении всей истории этих городов близость к центру весьма ценилась. По сути, коммерческое использование жилых площадей в XIX веке обернулось своего рода захватом территории, давшим жизнь торговым кварталам в центре города. В то время как расположение пунктов оптовой торговли определялось близостью к портам или железнодорожным станциям, расположение розничных магазинов все больше определялось интенсивностью пешеходного трафика и пересечениями транспортных линий²¹. Отвоевав территорию близ центра, розничная торговля сама дифференцировалась на специализированные магазины (расположенные в самых разных местах) и универмаги (расположенные в центре), первый из которых возник в Париже в 1850-х годах²². Вдобавок розничной торговле — поскольку она возникает среди брокеров, банкиров, курьеров и других торговцев данными — пришлось конкурировать с видами деятельности, связанными с обменом информацией, а магазинам — с офисными пространствами, разыскиваемыми поставщиками всех этих услуг. В конечном счете более высокие зда-

ния снизили интенсивность конкуренции, сделав возможной вертикальную дифференциацию — с магазинами, занимающими первые этажи, и офисами, располагающимися выше.

Объяснение процесса сукцессии земли уже предполагает выход за пределы отдельных районов и рассмотрение популяции районов, взаимодействующих между собой. Более того, поскольку взаимодействия зависят от местоположения членов этих популяций относительно центрального района, сукцессия земли предполагает существование более крупных ассамбляжей, в которых районы и кварталы являются составными частями малых и крупных городов. В свою очередь, на идентичность этих более крупных ассамбляжей могут воздействовать протекающие внутри них процессы сукцессии. Как я говорил выше, центр города, особенно если он единственный, является привилегированным местом, играющим большую роль в определении идентичности города. Центральная площадь может быть обязана своим местоположением зданию, которое служило «ядром» городского поселения, например церкви или замку, и в этом отношении выражать историческое происхождение города. Схожим образом, когда центр занят рыночной площадью, этим выражается коммерческий характер города. Поэтому, когда город теряет свою *моноцентричность*, его историческая идентичность может претерпеть изменения. Такое умножение центров случилось во многих странах после 1945 года, когда субурбанизация* и возрастающее использование автомобилей сделали городской центр менее перспективным местом для торговли и торговые центры все чаще стали появляться в отдаленных местах.

Но до разрастания пригородов и промышленных хинтерландов** идентичность городских поселений зависела от отношений с окружением. Еще относительно недавно роль последнего играла сельская местность с ее деревнями. Город может возникнуть в пределах существовавших ранее деревень (этот процесс называется *синойкизмом*) или, напротив, он может быть «насажден» в местности, уже свободной от деревенских жителей, с городской жизнью, проектируемой на окружающие территории (этот процесс называется *диойкизмом*)²³. Но независимо от того, была ли это имплозия дере-

* Процесс оттока населения из центра города на его окраины, в результате которого возникают новые пригороды (*suburbs*), называемые субурбией (англ. *suburbia* от лат. *sub* — «под» и *urbs* — «город»).

** Хинтерланд (от нем. *hinterland*; *hinter* — за, позади и — *land* страна) — зона влияния транспортного узла или промышленного, торгового центра, порта и т. п.

венской жизни или эксплозия городской, различие между небольшим городом и сельской местностью уже существовало. И именно это различие — в рутинной деятельности и плотности населения — конституировало как первое, так и второе. Различие в рутинной деятельности основывалось на наиболее старой форме разделения труда: это разделение на земледелие, с одной стороны, и торговлю, производство и государственную службу — с другой. До XIX века такое разделение типов деятельности не было строгим: небольшие городки перемежывались огородами и местами для разведения домашних животных, в то время как деревни включали в себя очаги мелкого производства²⁴. Различие в плотности населения зачастую варьировалось, но при этом было всегда, хотя и в размытом виде. Крупные деревни иногда превышали по своим размерам некоторые малые города, но количество людей, приходившихся на единицу площади, было больше в последних.

Отношения между малым городом и сельской местностью могли бы быть охарактеризованы в терминах взаимодополняющего ресурсного обмена между ними. Например, средневековому городку с 3000 жителей для прокорма своего населения требовалась площадь в десять деревень (или 8,5 километров)²⁵. Но эти деревни, в свою очередь, нуждались в услугах города — от коммерческих (предоставляемых рынком) и юридических, медицинских, финансовых, образовательных (предоставляемых соответствующими учреждениями) до военной поддержки, обеспечиваемой крепостными стенами и армией. Тем не менее, несмотря на взаимную ресурсозависимость, город всегда доминировал над сельской местностью в силу характерной для него кумулятивной *самостимулирующей динамики*. Существуют различные модели таких динамик: в одних акцент делается на взаимном стимулировании между концентрацией работников в одном месте и наличием экономических инвестиций, частных и государственных; в других — на взаимном стимулировании между различными видами экономической деятельности, которые, предоставляя друг для друга материалы и услуги, тем самым обеспечивают спрос на собственную продукцию. Однако во всех этих моделях «концентрация в пространстве сама создает благоприятную экономическую среду, поддерживающую дальнейшую или продолжающуюся концентрацию»²⁶. Эти самостимулирующие динамики могут значительно ускорить — по сравнению с сельской местностью — рост небольших городов, увеличивая их влияние и разрушая симметрию ресурсозависимости.

В действительности ассамбляжный анализ урбанистических центров должен принимать в расчет не только города и сельскую ме-

стность, но также и географический регион, в котором они расположены. Этот регион является важным источником компонентов, играющих материальную роль в ассамбляже. Географическое место и положение конкретного городского поселения обуславливают широкий диапазон объективных возможностей и рисков, использование и уклонение от которых зависит от взаимодействий между социальными сущностями (люди, сети, организации) и сущностями физическими и химическими (реки, океаны, почвы, месторождения). Вдобавок к экологическим компонентам города существуют инфраструктурные — его физическая форма и связность. В то время как физическая форма ряда городов может быть результирующей простой совокупности районов, некоторые аспекты связности города (те, что относятся к транспортной системе) обладают собственными свойствами и способны оказывать воздействие на форму самих районов. Наилучший пример — локомотивы. Из-за своей внушительной массы они с трудом останавливаются и с таким же трудом разгоняются снова, поэтому потребовались надземные или подземные пути в местах пересечения с пешеходным потоком. Схожие физические ограничения определили интервал в две или три мили между остановками поезда, что напрямую повлияло на пространственное распределение пригородов, которые вырастали вокруг железнодорожных станций, придавая этому распределению его характерную бусообразную форму²⁷.

Компоненты, играющие экспрессивную роль в городском ассамбляже, также могут быть всего лишь совокупностью его районов или же чем-то большим. Давайте возьмем для примера силуэт — множество жилых домов и строений города, а также украшенных верхушек его церквей и общественных зданий, возвышающихся на фоне неба. В ряде случаев эти *городские силуэты* (*skylines*) — лишь совокупный эффект, но ритмичное повторение архитектурных мотивов — барельефов и шпилей, минаретов, куполов и даже дымовых труб, водонапорных башен и котельных — и то, как эти мотивы проступают на фоне окрестного пейзажа, может вести к целому, которое будет чем-то большим, нежели просто суммой²⁸. Так или иначе, эти контуры, как бы ни были они невзрачны, веками оказывались первым, что встречали взоры отовсюду стекавшихся в город людей, и образовывали своего рода визуальную подпись (*signature*) территориальной идентичности. Особенно верно это было до размывания границ городов пригородами и хинтерландами, но города, застроенные высокими небоскребами, все еще обладают физической экспрессивностью даже в новых условиях. Од-

нако в ряде случаев, как нам напоминает историк архитектуры Шпиро Костофф, процесс, в ходе которого старые и новые силуэты городов становятся территориальной подписью, включает в себя целый ряд визуальных репрезентаций, обнаруживаемых на монетах, картинах и сувенирах, производимых для туристов²⁹.

Процесс, стабилизирующий городскую идентичность, касается как определенности физических границ города, так и рутинных человеческих практик, имеющих место внутри этих границ, в частности *практик проживания*. В древнегреческих городах, например, основная часть населения возвращалась в свои деревенские дома в летнее время или во времена экономических потрясений. Эта привычка, в свою очередь, повлияла на процесс конгрегации, сформировавший районы внутри городов: жители объединялись сообразно привязке к деревенской местности, из которой они происходили и с которой поддерживали отношения³⁰. Кроме того, военные угрозы скорее принуждали жителей греческого города к рассредоточению [во вне], нежели к сокрытию за городскими стенами. Это приводило к размыванию границ между сельской местностью и городом, а также утратой последним определенности своих границ. Противоположный случай — средневековые европейские города, крепостные стены которых не только давали защиту деревенскому населению во времена осады, но и наделяли своих обитателей чувством защищенности от чужаков, — чувством, которое (даже в отсутствии явного конфликта) помогало жителям сформировать внутригородскую идентичность. Кроме всего прочего, каменные стены обозначали линию, за которой утрачивались привилегии горожан, тогда как в Греции последние могли сохранять двойственность своего местоположения. В целом средневековые города имели куда более очерченную идентичность. Эти города, как пишет Бродель, «были на Западе первыми „отечествами“, и патриотизм их был наверняка более органичным, намного более осознанным, чем был и долго еще будет патриотизм территориальный, медленно проявлявшийся в первых государствах»³¹.

Рассредоточенные города древней Греции и обнесенные стенами средневековые города — это две крайние формы, которые могут воплощать городские границы. Интересный срединный случай возник в связи с ростом пригородов в XIX веке и их разрастанием в XX. Тогда как первые пригороды и хинтерланды просто размывали внешние границы зачастую сохранявших свой центр и прежнюю идентичность городов, то после Второй мировой войны росту и умножению подверглись не только пригороды, но и виды

землепользования (торговые, производственные и офисные), чем был воссоздан набор признаков, характерных для старого центрального делового квартала. Как я отмечал ранее, этот процесс создал совершенно новые центры пояса субурбанизации. В некоторых случаях урбанизированные области вокруг этих центров были настолько самодостаточными, что ежедневные маршруты жителей могли не выходить за пределы этих областей³². Таким образом, создавая подлинно полицентричное урбанизированное пространство, разрастание пригородов и изменение связности, вызванное автомобилизацией и появлением скоростных шоссе, действовали как мощная детерриториализующая сила.

Как обычно, ассамбляжный анализ единичных, индивидуальных сущностей должен дополняться изучением популяций, создаваемых этими сущностями. Важным свойством популяций малых и крупных городов является показатель возникновения новых городских поселений и исчезновения старых. Этим определяется совокупный *уровень урбанизированности* конкретного географического региона. В случае Европы урбанизация интенсифицируется в XI и XII веках, снова ускоряется в XVI веке и увеличивает свой темп еще раз после индустриальной революции. В период между 1350 и 1450 годами, а также в период между 1650 и 1750 годами произошло снижение как численности населения, так и совокупного уровня урбанизации³³. Фоном для первой волны градостроительства был феодализм; результатом стали густонаселенные местности, в которых могла быть достигнута определенная автономия от феодальных отношений (городская земля все еще принадлежала епископу или князю, но город в целом платил ренту), наряду с местностями менее заселенными, в которых города еще не могли сбросить свои оковы.

Более высокая плотность оказала воздействие не только на отношения между городом и феодальными организациями, превращая эти отношения скорее в договорные, чем в даннические, но также и на интенсивность экономических взаимодействий между городами. В период с 1000 по 1300 годы города в феодальных местностях с меньшей плотностью (Испания, Франция, Англия) не развивали между собой систематических связей, оставаясь внутренне относительно закрытыми политико-экономическими территориями, в которых торговые отношения имели по преимуществу локальный характер. В местностях с большей плотностью (северная Италия, Фландрия, Голландия и некоторые части Германии), с другой стороны, регулярность торговли была выше, ее объем —

больше и она покрывала куда большие территории. Это привело к образованию более систематических и устойчивых отношений между урбанистическими центрами, что создавало условия для возникновения более крупных ассамблежей: иерархий и сетей городов. По мере того как дифференциация между городом и окружающей его сельской местностью предполагала разрушение симметрии ресурсозависимости через самостимулирующее накопление, другие кумулятивные процессы — относящиеся к разности в степенях автономии от феодальных организаций, относительной скорости различных видов транспортировки, различиям в объеме и интенсивности торговли — разрушали возможность [существования] одномерной популяции малых городов с симметричными ресурсозависимостями.

В формальных моделях динамики урбанизации ассамблежи городов различных размеров возникают из последовательности разрушающих симметрию событий, поскольку каждый малый город сталкивается как с центростремительными процессами вроде привлечения населения, инвестиций и других ресурсов, так и с центробежными процессами вроде перенаселения, загрязнения, [роста] трафика. В переломный момент, когда один тип сил начинает возобладать над другим, малый город может расти взрывными темпами или ужиматься до крошечных размеров, уходя в тень более крупного города³⁴. В компьютерных симуляциях актуальный паттерн, который возникает, *не является уникальным* — как если бы существовал один-единственный оптимальный паттерн, которому бы всегда следовала динамика урбанизации, — но, наоборот, он высокочувствителен к фактической исторической последовательности событий. По этой причине эмерджентный паттерн урбанистических центров является чем-то вроде «окаменевшей в пространственной структуре системы»³⁵ памяти об этой разрушающей симметрию последовательности.

Данный периодически повторяющийся эмерджентный паттерн, который представлен в этих формальных моделях, хорошо знаком географам: это иерархия *центральных мест*. В своей оригинальной формулировке теория центральных мест была попыткой описания иерархических отношений между равномерно расположенными в пространстве урбанистическими центрами, наиболее крупные из которых демонстрировали более высокую степень дифференциации [предоставляемых] услуг, нежели меньшие города. Так, в случае иерархий, возникших в средневековой Европе, самые маленькие городки могли предложить своему деревенскому окружению

лишь небольшую рыночную площадь и церковь; средние города дополняли эту торговую функцию широким спектром религиозных услуг, равно как административных и образовательных в виде окружных тюрем и школ, которые предназначались как для сельской местности, так и для меньших по размерам городов. Крупные города, в свою очередь, умножили палитру рыночных, административных и религиозных услуг, добавляя к ним новые, вроде высокоинтеллектуальных образовательных услуг, предоставляемых университетами³⁶. Если вкратце, в иерархии центральных мест каждый уровень предоставляет услуги нижестоящего уровня, добавляя к ним другие, и эти добавленные услуги создают ресурсозависимость одних уровней от других. К этому нужно прибавить экономическую зависимость, которая может создаваться торговлей, поскольку более крупные города обычно предлагают большее разнообразие товаров, чем более мелкие, а также политическую зависимость, проистекающую из того обстоятельства, что крупнейшие города, находящиеся на вершине иерархии, обычно были столицами регионов или провинций. Дополнительно к окруженным сушей иерархиям центральных мест торговля среди европейской популяции городов породила в Средние века протяженные *сети морских портов*, в рамках которых города были не географически закрепленными центрами, но либо транзитными пунктами, либо транспортными развязками, либо заставами. Как пишут историки города Хогенберг и Лиз,

вместо иерархического расположения схожих [между собой] центров, различаемых в основном по количеству и редкости предлагаемых услуг, [мореходная сеть] представляет собой образование из функционально взаимодополнительных городов и городских поселений. Основное системное свойство — нодальность, а не центральность, в то время как причиной иерархических различий лишь отчасти является размер, но в большей степени — природа доминантной городской функции. Контроль и инновации наделяют наибольшей властью и статусом, за ними идет пересылка товаров и информации и, наконец, выполнение повседневных производственных задач. Поскольку входящие в сеть города с легкостью осуществляют контроль на расстоянии, влияние города мало связано с его близостью и еще меньше — с формальным контролем над территорией³⁷.

Каждый узел (*node*) в этих сетях специализировался на подмножестве не разделяемых с другими [узлами] видов экономической деятельности; при этом доминирующие узлы обычно монополи-

зируют наиболее прибыльные виды деятельности. Поскольку норма прибыли исторически переменчива, как переменчивы источники поставки или как мода переключает спрос с одного предмета роскоши на другой, изменчиво и сочетание видов деятельности, характерное для каждого узла, а это, в свою очередь, влияет на отношения доминирования между узлами. По этой причине расположение доминирующего узла, или «ядра», как его иногда называют, менялось со временем, несмотря на то, что его роль всегда играл могущественный морской порт. Последовательность городов, игравших роль ядра, была следующей: Венеция господствовала в XIV веке, в XV веке ее сменил Антверпен, в XVI — Генуя, в XVII — Амстердам, затем два века доминировал Лондон, а в XIX веке — Нью-Йорк³⁸. Помимо экономической специализации, в качестве характеристики городских сетей Хогенберг и Лиз упоминали контроль на расстоянии — относительную независимость от пространственной близости, что стало возможным благодаря большей скорости морских транспортировок в сравнении с сухопутными. Более быстрая транспортировка предполагала, что узлы сети в определенном смысле ближе друг к другу, чем к расположенным на их задворках городам, которые не имели выхода к морю: новости, товары, деньги, люди, даже инфекционные заболевания — все перемещалось быстрее от узла к узлу, чем это происходило от одного центрального места к другому.

Иерархии центральных мест и мореходные сети как ассамбляжи содержат различные компоненты, играющие материальные и экспрессивные роли. В материальном плане они различаются по географическому положению и связности. С одной стороны, географическое расположение центральных мест всегда давало власть над земельными ресурсами, в особенности земельными угодьями. Напротив, города мореходных сетей, в особенности доминирующие узлы, были бедны в этом отношении: Венецию природа настолько обделила, что она была обречена на торговлю с самого начала, а Амстердаму приходилось без конца отвоевывать свою землю у моря. Что касается связности, дороги соединяли центральные места согласно их уровню в иерархии; лишь изредка прямые сухопутные пути связывали мелкие города с региональной столицей. Также относительная медлительность сухопутного транспорта подразумевала скопление городов вблизи друг друга, поскольку услуги, предлагавшиеся более крупными центрами, могли потребляться, только если мелкие города располагались на относительно небольшой дистанции — на расстоянии, которое их жители могли бы преодолеть пешком ради получения необходимой услуги. Морские пор-

ты не были связаны такими ограничениями. Мало того, что большие расстояния, в силу высокой скорости кораблей, не были для этих городов проблемой, но города также могли напрямую сообщаться друг с другом, независимо от своих статусов. Ключевым моментом этой связности было море. Так, в ходе первой волны урбанизации «два внутренних моря, Средиземное-Адриатическое и Северное-Балтийское, скорее служили объединению торговых центров, нежели разделяли их»³⁹. После этого сначала Атлантический океан, а затем и Тихий стали связующими водами в сети, которая к XVII веку достигла мировых масштабов.

Хотя экспрессивные компоненты этих ассамбляжей могут быть всего лишь агрегатом экспрессивных компонентов тех малых городов, которые являются составными частями данных ассамбляжей, сам агрегат может обладать собственным паттерном. В случае центральных мест, если мы представим себе путешествие вверх по иерархии, начинающееся с наиболее мелких и незамысловатых городов и заканчивающееся региональной столицей, такой опыт раскроет паттерн возрастающей сложности экспрессивных элементов, придающих городам их индивидуальность: искусно украшенные церкви и центральные площади больших размеров, более пышные религиозные и светские церемонии, большее разнообразие уличных и цеховых видов деятельности, равно как и более изобильные и пестрые рынки. Что касается мореходных сетей, то не возрастающая дифференциация одной и той же региональной культуры служила выражением господствующей позиции, но собирание форм и материй выражения со всех концов света. Города-ядра, в частности, были неразрывно связаны с самой высокой стоимостью жизни и самым высоким уровнем инфляции, так что любой товар из любой точки мира, сколь бы экзотическим он ни был, плыл по направлению к этим ценам. Как пишет Бродель, «эти мир-города представляли все свои изыски напоказ», становясь общемировыми складами, запасами возможного, подлинным Ноевым ковчегом⁴⁰.

Территоризация в этих ассамбляжах представлена процессом, который придает определенную гомогенность целому региону. Наиболее крупные центральные места, зачастую играя роль политических столиц, притягивали способных и одаренных людей из менее благополучных малых городов, — людей, приносивших вместе с собой языковые и неязыковые элементы их собственной местной культуры. Со временем эти столицы собирали, перерабатывали и синтезировали подобные элементы в более или менее однородный продукт, который затем заново экспортировался в меньшие центры⁴¹. *Высочайший престиж* наиболее дифференцированной культу-

ры, находящейся на вершине, оказывал (на небольших расстояниях) магнетическое действие на миграционные потоки производителей культуры и предоставлял полученному культурному продукту средства для распространения по всему региону. С другой стороны, торговля (на больших расстояниях) имела детерриторирующий эффект. Узлы мореходных сетей зачастую играли роль *порталов вовне*, открывая дорогу к чужеземным цивилизациям, так что они заключали в себе более пестрое и разнообразное население. Обладая большей долей иностранных торговцев, чем центральные места, морские порты предоставляли своим жителям возможность постоянного нахождения в контакте с чужаками и их чужеземными повадками, нарядами и идеями. Существование доминирующих узлов предполагало, что более космополитичная культура городских сетей не была эгалитарной, но сохраняла свою гетерогенность, поскольку она «налагалась на традиционную периферию без попытки интеграции или постепенного синтеза»⁴².

Можно переходить от масштаба городских ассамблежей к масштабу территориальных государств абстрактным образом, просто отмечая, что окруженные сушей регионы, организованные иерархиями центральных мест, и прибрежные регионы, структурированные мореходными сетями, сегодня являются составными компонентами национальных государств. Но таким образом будет упущен исторический процесс, стоящий за поглощением городов более крупными образованиями, равно как и сопротивление урбанистических центров, оказываемое подобной интеграции. В Европе исход этого процесса был различен в зависимости от сегментации вовлеченной [в него] популяции городов. В высокоурбанизированных регионах города приостановили кристаллизацию территориальных государств вплоть до XIX века, в то время как в местностях с меньшей плотностью города оказались довольно быстро поглощены. В частности, в отличие от только что рассмотренных иерархий центральных мест, те [иерархии], что возникали в местностях, где по-прежнему господствовал феодализм, чаще всего принимали искаженную форму с чрезмерно крупными городами во главе. Эти непропорционально населенные центры власти формировали ядра, вокруг которых путем медленного приращения территорий разрастались империи, королевства и национальные государства и со временем они становились национальными столицами этих более крупных ассамблежей.

Несмотря на то, что инкорпорирование городов в XVI–XVII веках осуществлялось различными способами, зачастую применялись

прямые военные интервенции. В некоторых случаях правители королевств или империй претендовали на территории, на которых располагались города, — претендовали по праву наследования или брака, однако зачастую они подтверждали данное право посредством организованного насилия. Но война также влияла на исход соперничества между городами и территориальными государствами, правда, не напрямую, а через неимоверные затраты, необходимые для армии и укрепления границ. Только крупные централизованные государства, всецело располагающие ресурсом земли и ее населения, могли позволить себе участвовать в гонке вооружений, разворачивающейся между новыми видами оружия (такими, как мобильная артиллерия) и защитными укреплениями. Как пишет историк Пол Кеннеди,

военные факторы (лучше сказать, геостратегические факторы) позволили оформить территориальные границы этих новообразованных национальных государств, в то время как частые войны привели к росту национального самосознания, по крайней мере в негативном смысле: англичане учились ненавидеть испанцев, шведы — датчан, восставшие нидерландцы ненавидели своих тогдашних габсбургских властителей. Прежде всего, это была война, которая — особенно по части новых технологий, способствовавших наращиванию пехотных войск, а также дорогостоящих оборонных сооружений и флота, — побудила воюющие государства тратить больше денег, чем когда-либо ранее, и стремиться получить соответствующие доходы... В последние несколько лет Англии при Елизавете или Испании при Филиппе II около трех четвертей всех государственных расходов составляли военные расходы или долговые выплаты за предыдущие войны. Военные и военно-морские амбиции не всегда были *raison d'être* [смыслом существования — *фр.*] национальных государств, но это совершенно точно было самое дорогостоящее и самое насущное направление их деятельности⁴⁵.

Исторический период, предрешивший судьбу автономных городов, можно очертить двумя переломными датами — 1494 и 1648 годами. Это период, озаглавленный войной, колоссальной как с точки зрения интенсивности, так и масштаба. Первая дата обозначает год, когда итальянские города-государства впервые были атакованы и разгромлены армиями, пришедшими из-за Альп, — французскими армиями под командованием Карла VIII, целью которого была реализация территориальных притязаний на королевство Неаполя. Вторая дата знаменует подписание Вестфальского мирного договора, положившего конец Тридцатилетней войне между

крупнейшим территориальным образованием того времени — католической империей Габсбургов — и союзом Франции, Швеции и ряда протестантских государств. Когда мирный договор, в конце концов, был подписан обескровленными участниками войны, в центре Европы была создана единая геополитически стабильная Германия, а также границы, закрепившие идентичность территориальных государств, равно как и баланс сил между ними. Хотя ключевое юридическое понятие «суверенитет» было сформулировано еще до начала войны Жаном Боденом в 1576 году, во время мирной конференции оно впервые использовалось на практике для определения идентичности территориальных государств как юридических сущностей⁴⁴. Таким образом, можно сказать, что международное право было отпрыском той войны.

Как я уже говорил в предыдущей главе, важно не смешивать территориальные государства как *геополитические сущности* с организационными иерархиями, которые ими управляют. Геополитические факторы — это свойства первых, но не последних. Как утверждает Пол Кеннеди, после 1648 года войны обычно вовлекали множество национальных акторов, и потому география воздействовала на судьбу наций не только за счет

таких элементов, как климат страны, природные ресурсы, плодородность почв и доступ к торговым путям — хотя они и важны, поскольку влияют на общее благополучие страны, — но в случае многосторонней войны жизненно важным становилось стратегическое *местоположение*. Могла ли определенная страна сконцентрировать свои мощности на одном фронте или была вынуждена воевать сразу на нескольких? С какими странами она разделяла границы — с сильными или слабыми? Была ли она преимущественно сухопутной, морской или гибридной державой и какие с этим были связаны сильные и слабые стороны? Могла ли она по собственному желанию выйти из войны в Центральной Европе? Получала ли она помощь извне?⁴⁵

Но если территориальные государства не могут быть сведены к своим гражданским и военным организациям, то последние формируют основных акторов, чьи рутинные действия придают этим крупнейшим регионализированным локальностям их временную структуру. Хорошим примером новой организационной активности, которая была востребована после 1648 года, была фискальная и монетарная политика, а также вся система государственного финансирования, необходимая для ведения долгосрочных войн. С экономической точки зрения это были действия, которые основыва-

лись на гетерогенном корпусе прагматических представлений, называемом «меркантилизмом». Центральным представлением этой доктрины было то, что богатство страны определялось объемом драгоценных металлов (золота или серебра), накопленных внутри ее границ. Эта монетарная политика, как мы теперь знаем, основывалась на ошибочных представлениях о причинных отношениях между экономическими факторами. С другой стороны, поскольку одним из средств предотвращения оттока драгоценных металлов было препятствование импорту, что, в свою очередь, предполагало поддержку местного производства и внутреннего экономического роста, меркантилизм в целом имел те непреднамеренные последствия, которые в долгосрочной перспективе принесли пользу государствам⁴⁶. Однако именно поэтому трудно видеть в людях, принимающих меркантилистские политические решения, значимых социальных акторов. Другой причиной рассматривать действия организаций в качестве основного источника временных структур территориальных государств является множество способностей, необходимых для проведения разумной фискальной политики, которое было результатом *медленного организационного обучения*, что впервые имело место в Англии в период с 1688 по 1756 год. Как пишет Бродель,

эта финансовая революция, кульминацией которой стала трансформация государственного кредита, стала возможной за счет предшествовавшего ей переустройства финансовой системы королевства по четко определенным линиям. Говоря в общем, в 1640 и даже еще в 1660 году финансовые структуры Англии были весьма похожи на французские. По обе стороны Ла-Манша существовала государственная централизованная система финансов, подчиненная исключительно государству. Слишком многое было отдано на откуп личной инициативе сборщиков налогов, которые в то же время были официальными кредиторами, или финансистам, которые были себе на уме, или служащим, которые не зависели от государства, поскольку выкупили свои должности, — не говоря уже о постоянных апелляциях к лондонскому Сити, точно так же, как король Франции постоянно апеллировал к деловой репутации Парижа. Английская реформа, заключавшаяся в избавлении от паразитирующих посредников, проводилась постепенно и с осторожностью, хотя и *без сколь-ко-нибудь четкого плана действий*⁴⁷.

Набросок ассамбляжного анализа организационных иерархий уже был представлен в предыдущих главах, так что осталось проанализировать сами территориальные государства. Среди компо-

нентов, играющих материальную роль, мы должны перечислить все ресурсы, содержащиеся внутри границ страны: не только природные (сельскохозяйственные земли и минеральные ископаемые — нефть, уголь, драгоценные металлы), но также демографические, то есть население, рассматриваемое в качестве резервистов для армии и флота, а также налогоплательщиков. Как и в случае других локальностей, материальный аспект включает в себя вопросы связности между регионами, — вопросы, которые в данном случае затрагивают географические регионы, ранее образованные городами. Территориальные государства не создавали ни эти регионы, ни провинции, образованные несколькими такими регионами, но они оказали воздействие на связи между ними посредством строительства новых дорог и каналов. Так, Британия связала вместе несколько провинциальных рынков для создания первого национального рынка в XVIII веке; в этом процессе национальная столица играла ключевую централизующую роль. И, как утверждает Бродель, без национального рынка «современное государство было бы чистой фикцией»⁴⁸.

Другие страны (Франция, Германия, США) проделали это в последующем столетии посредством локомотивов и телеграфа. Изобретение парового двигателя обеспечило транспортную индустрию скоростью, в которой она давно нуждалась. Это изменило баланс сил между окруженными сушей и прибрежными регионами, а также между их городами, и закрепило за столицами стран господствующее положение. С ростом железных дорог, как пишут Хогенберг и Лиз, хотя

многие традиционные узлы и въездные пути продолжали процветать, тяга территориальных столиц к торговле, финансам и предпринимательству безудержно возрастала. Сосредотачиваясь на власти и богатстве, эти города управляли созданием железнодорожных сетей, а позже и скоростных шоссе, тем самым обеспечивая связи, от которых зависела будущая nodальность. Там, где некогда торговые сухопутные и морские пути определяли городские локации и роли в городской сети, теперь железные дороги стали удовлетворять растущие потребности крупнейших городов как в местном трафике, так и в связях на расстоянии⁴⁹.

С точки зрения экспрессивности наиболее важным примером было использование национальных столиц как средства демонстрации централизованной власти. Это достигалось посредством так называемого «большого стиля» (*Grand Manner*) в проектировании

городов, введенного в Европе абсолютистскими правительствами XVII–XVIII веков. Итальянские города создали базовые элементы большого стиля, но во Франции после 1650 года эти элементы были кодифицированы и унифицированы: жилые кварталы с единообразными фасадами служили обрамлением для широких аллей, завершающихся обелисками, триумфальными арками или статуями, которые играли роль визуального маркера; длинные и широкие проспекты, с тянущимися рядами деревьев; использование существующей или видоизмененной топографии для создания драматического эффекта; и согласование всех этих элементов в виде грандиозной геометрической конфигурации⁵⁰. Хотя использование символов и визуальных репрезентаций также было частью этого глобального подхода к городскому проектированию, можно утверждать, что всеобъемлющая театральность большого стиля и его тщательно продуманная манипуляция городским визуальным опытом физически выражали концентрацию власти. Прочитаем Шпиро Костоффа:

Мы прекрасно понимаем, почему большой стиль обычно ассоциируется с централизованной властью. Сама экспансивность, к которой она призывает, и абстрактность ее паттернов предполагает последовательно развертываемый процесс принятия решений и средства, необходимые для завершения намеченного. Когда такая ясно очерченная власть не может быть достигнута, большой стиль остается на бумаге... Не случайно Вашингтон был единственным американским городом, в котором большой стиль одержал безоговорочную победу... Это был единственный город в США с централизованной администрацией (пусть это и была представительная власть), поскольку он напрямую подчинялся Конгрессу. В любом другом городе пришлось бы прибегать к убеждению и пытаться провести, насколько это возможно, отдельные фрагменты общего плана через хитросплетения демократического процесса... Презумпция абсолютизма власти объясняет, почему большой стиль столь привлекателен для тоталитарных режимов тридцатых — для Муссолини, Гитлера, Сталина⁵¹.

Устойчивость идентичности территориальных государств зависит отчасти от степени их единообразия (этнического, религиозного, языкового, монетарного, юридического), которое их организации и города способны создавать внутри границ. Хорошим примером гомогенизации в этом масштабе может послужить создание стандартного языка. Так, в местностях, которые были латинизированы еще во времена Римской империи, каждой иерархии

центральных мест был присущ свой диалект — продукт расходящейся эволюции, через которую прошел разговорный или простонародный латинский после падения империи. До расцвета национальных столиц все вариации спектра романских диалектов, выросших из этих расходящихся дифференциаций, сосуществовали [друг с другом] — даже если собственные диалекты тех или иных городов становились более предпочтительными. Но по мере усиления хватки территориальных государств баланс сил менялся. В некоторых случаях — с целью кодификации диалектов господствующих столиц и публикации официальных словарей, грамматик и учебников по правильному произношению — создавались специальные организации (государственные языковые академии). Такие кодификации, однако, не сумели распространить новые искусственные языки на всю территорию. Этому процессу пришлось дожидаться XIX века — создания общенациональной системы обязательного начального образования. Даже тогда многие регионы и их города противостояли такому насаждению и сохраняли собственную языковую идентичность; это сопротивление было источником центростремительных сил. Хотя в некоторых странах, таких как Швейцария, политическая стабильность сосуществовала с мультилингвальностью, в других (Канада, Бельгия) даже билингвальность выступала в качестве дестабилизирующей силы²².

Вдобавок к внутреннему единообразию территориализация в данном масштабе имеет и непосредственное пространственное значение — стабильность определяющих страну границ. У этой стабильности есть два аспекта: контроль различных потоков, пересекающих границу, и устойчивость самих границ. Последний отсылает к тому, что аннексия или сецессия значительной части страны изменяет географическую идентичность территориального государства. Хотя эти события не обязательно предполагают войны, направленные на территориальную экспансию, или гражданские войны, направленные на сецессию, зачастую происходит именно так. Тем самым показывается необходимость развёртывания армий вблизи границ или создание специальных укреплений для усиления границ. К примеру, спустя несколько десятилетий после подписания Вестфальского договора, Франция перенаправила огромные ресурсы на создание хорошо продуманных и обороноспособных границ. Это достигалось путем систематического возведения городов-крепостей, стен по периметру и цитаделей — отдельных и имеющих форму звезды бастионов, расположенных вблизи периметра города. Под руководством блестящего военного инжене-

ра Себастьяна Ле Претр де Вобана, установленные границы Франции стали практически неприступны, сохранив свое оборонное значение вплоть до Французской революции. Вобан построил двойные ряды фортификационных сооружений на северном и южном рубежах, которые были связаны друг с другом согласно правилу, требовавшему располагать их «в пределах слышимости французской крепостной артиллерии на всем протяжении от швейцарской границы и до пролива»⁵³.

Торговля и миграция поверх национальных границ затрудняли создание единой национальной идентичности, и в этом отношении они могут рассматриваться как детерриторизирующие факторы. Способность к снижению проницаемости границ зависит во многом от условий, согласно которым возникает та или иная территориальная сущность. Задача создания внутренней однородности решалась проще для королевств и империй, выкристаллизовавшихся в феодальных областях Европы, чем для плотно урбанизированных областей, которые должны были справляться с раздробленной суверенностью, имевшей место вследствие сосуществования многих автономных городов-государств⁵⁴. Схожим образом территориальные государства, рожденные в результате падения империй прошлого или отпадения бывших колониальных владений, могут оказаться в ситуации с нестабильными границами, проходящими через неоднородные по языковому, этническому и религиозному признаку местности, — в ситуации, которая препятствует стабильной идентичности и усложняет контроль над границами. Начиная по меньшей мере с XVII века существовал и более системный вызов пограничному контролю и территориальной стабильности. По мере того как современная международная система выкристаллизовывалась в ходе Тридцатилетней войны, Амстердам становился доминирующим центром транснациональной торговли и кредитной сети, что практически соответствовало сегодняшнему глобальному порядку. Если расцвет королевств, империй и национальных государств оказывал детерриторизирующее давление на города за счет снижения их автономии, мореходные сети не только противостояли этому давлению, но и могли — и все еще могут — детерриторизовать границы территориальных государств. Давление на эти границы стало интенсивнее в последние десятилетия, поскольку возросла легкость, с которой финансовые ресурсы могут преодолевать государственные границы, степень дифференциации международного разделения труда и мобильность легальной и нелегальной рабочей силы.

То, что сети городов и транснациональных организаций, размещенных в этих городах, могут связывать крупные географические местности, пересекая государственные границы, было осознано со времен выхода новаторского труда Фернана Броделя, который называл такие зоны «мир-экономиками»⁵⁵. Однако пока еще слишком рано судить, столь же ли реальны эти мир-экономики как другие регионализированные локальности, проанализированные в этой главе. Некоторые процессы, которые, предположительно, должны были наделить эти экономические локальности когерентностью, такие как синхронизированное изменение цен во всей географической зоне, следующее длинным временным циклам (так называемые «волны Кондратьева»), остаются противоречивыми. Но даже на этом уровне понимания ясно, что подходы, основанные на редукционистских социальных онтологиях, несправедливо обходятся с историческими данными. Особенно это касается макроредукционистских подходов, таких как «мир-системный анализ», разработанный Иммануилом Валлерстайном. В рамках данного подхода исходная идея Броделя соединилась с теориями неравномерного обмена, развиваемыми латиноамериканскими теоретиками⁵⁶. С точки зрения Валлерстайна, например, со времен окончания Тридцатилетней войны существовала только одна действительная единица социального анализа — «мир-система» в целом. Объяснения на уровне национальных государств оказываются нелегитимными, поскольку позиция стран в мир-системах определяет саму их природу⁵⁷. Ассамбляжный подход, с другой стороны, более совместим с исходной идеей Броделя. Хотя Бродель и не использует концепт «ассамбляжа», он понимает социальное целое как «множество множеств», предоставляя каждой разномасштабной сущности ее собственную относительную автономию и не смешивая ее с другими в бесшовное целое⁵⁸.

Целью этой книги было описание преимуществ именно такого нередукционистского подхода, — подхода, сообразно которому каждая социальная сущность возникает из взаимодействия между сущностями, действующими в меньшем масштабе. Тот факт, что эмерджентные целостности влияют на свои компоненты, ограничивая их или, напротив, давая им простор, не приводит к возникновению бесшовной тотальности. Каждый уровень сохраняет относительную автономию и поэтому может быть легитимной единицей анализа. Сохранение онтологической независимости на каждом уровне не только предотвращает попытки микро- (как в неоклассической экономике) и макроредукционизма (как в мир-систем-

ном анализе), но также делает возможной интеграцию ценных догадок и озарений, разработанных разными социальными теоретиками в ходе работы в конкретном пространственно-временном масштабе — от чрезвычайно кратковременных малых сущностей, изучавшихся Ирвином Гофманом, до долговременных крупных сущностей, изучавшихся Фернаном Бродемом. Теория ассамблежей предоставляет такую рамку, в которой голоса этих авторов — и многих других, чьи работы повлияли на эту книгу, — смогут воссоединиться в хоре, который не приводит свои разнообразные составляющие к общему знаменателю, но сцепляет их, ценя и уважая гетерогенность.

Примечания

Введение

- ¹ Ian Hacking, *The Social Construction of What?* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999). p. 103.
- ² Ibid., p. 49
- ³ Фрагменты теории ассамбляжей можно найти в: Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато : Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я. И. Свирского. Екб. : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. С. 118–119, 146–153, 538–563, 855–858.
- ⁴ Manuel DeLanda, *Intensive Science and Virtual Philosophy* (London: Continuum, 2002).
- ⁵ Margaret Archer, *Realist Social Theory. The Morphogenetic Approach* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995). Арчер осуществляет схожую критику социологической теории, но говорит скорее о «слиянии» (*conflation*), чем о «редукции». Мои микроредукционизм, макроредукционизм и мезоредукционизм у нее называются «нисходящим слиянием», «восходящим слиянием» и «центровым слиянием».
- ⁶ Деланда М. Война в эпоху разумных машин / пер. с англ. Д. Кралечкина. Екб. : Кабинетный ученый ; М. : Институт общегуманитарных исследований, 2015.

Глава 1

- ¹ Howard Becker and Harry Elmer Barnes, *Social Thought from Lore to Science* (New York: Dover, 1961), pp. 677–678.
- ² Гегель Г. В. Ф. Наука логики в 3-х томах / пер. с нем. Б. Г. Столпнера. М. : Мысль, 1972. Т. 3. С. 159.
- ³ «Структура не является чем-то „внешним“ по отношению к индивиду: будучи своего рода „отпечатками“ в их памяти и проявляясь в социальной практике, она представляется скорее „внутренней“, нежели внешней (как это считал Дюркгейм) по отношению к их деятельности» (Гидденс Э. Устройство общества : Очерк теории структуризации / пер. с англ. И. Тюриной. 2-е изд. М. : Академический проект, 2005. С. 70).
- ⁴ Там же. С. 41.
- ⁵ Anthony Giddens, *Central Problems in Social Theory* (Berkeley, CA: University of California Press, 1979), p. 53.

- ⁶ Бунге М. Причинность : Место принципа причинности в современной науке / пер. с англ. И. С. Шерн-Борисовой, С. Ф. Шушурина. 2-е изд. М. : Едиториал УРСС, 2010. С. 182.
- ⁷ Gilles Deleuze and Claire Parnet, *Dialogues II* (New York: Columbia University Press, 2002), p. 55.
- ⁸ Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность : Опыт о человеческой природе по Юму // Эмпиризм и субъективность ; Критическая философия Канта ; Бергсонизм ; Спиноза / пер. с фр. Я. И. Свирского. М. : ПЕР СЭ, 2001. С. 102. Делёз говорит об особом типе компонентов, идеях Юма (именно к ним относится приведенная цитата), но это замечание также применимо к компонентам любого другого типа.
- ⁹ Делёз пишет: «Что такое ассамбляж? Это множественность, состоящая из гетерогенных частей и устанавливающая связи (*liaisons*), отношения между ними, поверх эпох, царств и половых различий — в общем, поверх разных природ. Таким образом, единство ассамбляжа состоит исключительно в совместном функционировании: это симбиоз, „соучастие“. Важно не происхождение, а союзы и сплавы; это не преемственность или линии родства, но заражения, эпидемии, поветрия» (Deleuze and Parnet, *Dialogues II*, p. 69).
- Исключение линий родства, которые имеют место среди организмов и даже видов, говорит о том, что Делёз исключает последние из определения ассамбляжа. В совместной с Феликсом Гваттари работе он различает «ассамбляжи» и «страты». Биологические организмы и институциональные организации классифицируются при этом как страты. Я не буду поддерживать это различие по причинам, описанным в сноске № 21 настоящей главы.
- ¹⁰ Делёз и Гваттари используют иную терминологию. В частности, вместо «материальных» и «экспрессивных» ролей компонентов они говорят о «содержании» и «выражении»: «Из этого мы можем сделать несколько общих заключений о природе ассамбляжа. Согласно первой — горизонтальной — оси ассамбляж включает в себя два сегмента: сегмент содержания и сегмент выражения. С одной стороны — это машинный ассамбляж тел, действий и страданий, некое перемешивание тел, реагирующих друг на друга; с другой стороны — это коллективный ассамбляж высказывания, актов и высказываемого, а также бестелесных трансформаций, приписываемых телам. Но, согласно вертикально ориентированной оси, ассамбляж, с одной стороны, обладает *территориальными* или ретерриторизованными границами, которые его стабилизируют, а с другой — сметающими его *пики* *детерриторизации*» (Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато : Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я. И. Свирского. Екб. : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. С. 147 — перевод изменен).
- За исключением термина «территоризация» я не стану использовать эту сложную терминологию. Также вместо двух измерений я использую три, что позволяет мне избавиться от различия между стратами и ассамбляжами, как это объясняется в сноске № 21 настоящей главы.
- ¹¹ Это различие между языковым и неязыковым выражением затмевается в предыдущей сноске отсылкой к экспрессивным компонентам, таким

как «коллективные ассамбляжи высказывания», пока их не проинтерпретируют как относящиеся не к семантическому содержанию высказываний, а к их иллокутивной силе, то есть к тому, что они выражают как «речевые акты». См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. С. 132.

Но, даже если мы воспринимаем «высказывание» таким образом, определение ассамбляжа по-прежнему неудобно тем, что оно относится только к случаям социального (если не считать неорганические и биологические сущности способными производить высказывания), что идет вразрез с идеей о том, что теория ассамбляжей равным образом применима к физике, биологии и социологии. См. также сноску № 13 настоящей главы.

- ¹² Edwin C. Kemble, *Physical Science. Its Structure and Development* (Cambridge, MA: MIT Press, 1966), pp. 126–127.

- ¹³ Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. С. 105–106. Делёз и Гваттари различают субстанцию и форму материальности и экспрессивности ассамбляжей. Материальность включает в себя не просто субстанцию, но оформленную субстанцию, и экспрессивность не чисто формальна, но содержит свою собственную субстанцию. Специализация генов и слов в таком случае понимается как различие между субстанцией и формой выражения. Далее я не буду придерживаться этой терминологии. Я буду говорить о физическом, или прямом, выражении, чтобы обращаться, например, к выражениям лица или выразительности поведения, и к языку как особой среде выражения. Но читатель должен держать в уме, что выражения лица называются Делёзом и Гваттари «субстанцией выражения», а язык — «формой выражения». Они пишут: «С другой стороны, язык появляется как новая форма выражения или, скорее, совокупность формальных черт, определяющих новое выражение на всей страте в целом... Субстанция — это, прежде всего, вокальная субстанция, запускающая в игру разнообразные органические элементы: не только гортань, но и рот, и губы, и всю моторику лица, моторику облика в целом» (Там же. С. 103).

- ¹⁴ Также стоит добавить процессы, территориализующие и детерриторизующие гены. Например, материальность языка территориализуется с возникновением письма. Но эта пространственная идентичность может и детерриторизоваться, когда выточенные на камне или чернильные письма на бумаге становятся колебаниями электромагнитных полей, как в радиопередаче устного или телепередаче письменного языка. Детерриторизации экспрессивных частей языка, то есть его семантического содержания, сложно концептуализировать. Делёз дает некоторые указания относительно того, как проводить подобную концептуализацию. В частности, он выделяет определенные семантические сущности, играющие ключевую роль в этих процессах: глаголы неопределенной формы, имена собственные, неопределенные артикли. См.: Там же. С. 434–437.

- ¹⁵ Делёз и Гваттари называют этот синтез целостностей из [их] компонентов процессом *двойной артикуляции* (Там же. С. 66–70). (Этот процесс синтезирует страты, а не ассамбляжи, но см. сноску № 21 настоящей главы.)

- ¹⁶ Там же. С. 526.

- ¹⁷ Исторически древнегреческие города — расположенные вдали от основных современных им империй, но не столь далеко, чтобы не пользоваться преимуществами этих развитых цивилизаций, — могли обеспечивать условия, в которых разговоры между друзьями освобождались от жесткости подобных встреч в других местах. См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Академический Проект, 2009. С. 100. Случай Греции на самом деле является сочетанием детерриторизации и декодирования. Здесь Делёз и Гваттари делают акцент на детерриторизации, но я настаиваю на том, что декодирование тоже имеет место.
- ¹⁸ Fernan Braudel, *The Perspective of the World* (New York: Harper & Row, 1979), pp. 280–282.
- ¹⁹ Ibid., pp. 282–284.
- ²⁰ Ibid., p. 287.
- ²¹ Это следует из версии ассамбляжной теории, предложенной самими Делёзом и Гваттари, поскольку определяя ассамбляжи по двум, а не по трем измерениям, они вынуждены ввести две категории актуальных сущностей — страты и ассамбляжи. То, что оппозиция страты и ассамбляжа для них относительна (то есть ассамбляжи — это тип страты и наоборот), понятно из следующего: «Именно в этом смысле мы можем противопоставить консистенцию ассамбляжей тому, что все еще было стратификацией сред. Но опять же, такое противопоставление только относительно, очень относительно. Так же как среды колеблются между состоянием страты и движением дестратификации, ассамбляжи колеблются между территориальным закрытием, стремящимся рестратифицировать их, и детерриторизирующим открытием, которое, напротив, соединяет их с Космосом. Итак, неудивительно, что искомое нами различие проходит не столько между ассамбляжами или чем-то еще, сколько между двумя пределами любого возможного ассамбляжа, то есть между системой страт и планом консистенции» (Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. С. 562 — перевод изменен).
- Вдобавок Делёз проводит различие между двумя формами детерриторизации. Первая форма, *относительная детерриторизация*, отсылает к процессам, дестабилизирующим идентичность ассамбляжа, открывая его для трансформаций, которые производят новые идентичности (в процессе, называемом «ретерриторизация»). Вторая форма совсем иная, ее называют *абсолютной детерриторизацией*. Во второй форме имеет место гораздо более радикальное изменение идентичности: в действительности потеря идентичности, но без впадения в неразличимый хаос. Ассамбляжи существуют как актуальные сущности, но структура процессов собирания (того, что придает этим процессам их рекуррентную природу или что объясняет их повторяемость) не актуальна, а виртуальна. Абсолютная детерриторизация — это процесс перехода от актуальной реальности к виртуальному измерению. В этом смысле данный термин синонимичен «контрактуализации» как предельному процессу, который создает план имманенции множественностей, определяющих виртуальную структуру ассамбляжей. Два предела, о которых говорилось в приведенной выше цитате, это, с одной стороны, сильно детерриторизован-

ный и закодированный ассамбляж, а с другой — план имманенции, поддерживающий виртуальную структуру ассамбляжей, связанных отношениями экстерииорности. Во второй главе я говорю о вопросах виртуальной структуры ассамбляжей, используя концепт «диаграммы» ассамбляжа.

22 Бунге М. Причинность. С. 64.

23 Там же. С. 207. Бунге приписывает введение действующей внутренней причинности сразу и Спинозе, и Лейбницу. Жиль Делёз продолжает эту традицию, когда наделяет одинаковой важностью способности воздействовать и испытывать воздействие.

24 Там же. С. 66.

25 Wesley C. Salmon, *Scientific Explanation and the Causal Structure of the World* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1984), pp. 30–34.

26 Бунге М. Причинность. С. 121 — перевод изменен.

27 R. S. Peters, *The Concept of Motivation* (London: Routledge & Kegan Paul, 1960), p. 29.

28 Max Weber, *The Theory of Social and Economic Organization* (New York: Free Press of Glencoe, 1964), p. 99.

29 «Концепция культуры, которой я придерживаюсь... является по существу семиотической. Разделяя точку зрения Макса Вебера, согласно которой человек — это животное, висящее на сотканных им самим *сетях значимости*, я принимаю культуру за эти сети, а ее анализ — за дело науки не экспериментальной, занятой поисками законов, но интерпретативной, занятой поисками значений» (Гирц К. Интерпретация культур / пер. с англ. О. В. Барсуковой и др. М.: РОССПЭН, 2004. С. 11 — перевод изменен [курсив мой — М. Д.]).

Далее Гирц говорит о «структурах означивания», как если бы это выражение значило то же самое, что «сети значимости». Этот ход хорошо иллюстрирует пробел, о котором я говорю здесь. С другой стороны, необходимо заметить, что его «насыщенные описания» культурных практик воистину неопределимы как отправная точка любого социального объяснения, независимо от отрицания им объяснительных стратегий в пользу описательных.

30 Weber, *Theory of Social and Economic Organization*, p. 91.

31 Ibid., p. 116.

32 Ibid., p. 115. Вебер рассматривает четыре идеальных типа социального действия: (1) действие, ориентированное на согласование средств с выбранными целями; (2) эмоционально-ориентированное действие; (3) действие, ориентированное привычкой к традиции и (4) действие, ориентированное на абсолютные ценности, то есть, «предполагающее осознанную веру в абсолютную ценность некоторого этического, эстетического, религиозного поведения или поведения иных типов, исключительно ради него самого и независимо от всяких внешних возможностей».

33 Ibid., p. 117.

34 «Таким образом, причинное объяснение зависит от способности определять вероятность (которая лишь в идеальном случае может быть численно установлена, но всегда в каком-то смысле просчитываема) того, что за данным событием (явным или субъективным) последует другое» (ibid., p. 99).

Глава 2

- ¹ Аристотель. Метафизика / пер. с др.-греч. А. В Кубицкого // Соч. в 4-х т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 212.
- ² «Единым, или одним, называется то, что едино приводящим образом, и то, что едино само по себе. Приводящим образом едино, например, „Кориск и образованное“ и „образованный Кориск“ (ибо одно и то же сказать „Кориск и образованное“ или „образованный Кориск“); точно так же „образованное и справедливое“ и „образованный, справедливый Кориск“. Все это называется единым благодаря чему-то приводящему: „справедливое и образованное“ — потому, что то и другое есть нечто приводящее для одной сущности» (Там же. С. 152).
- ³ «Поэтому сути бытия нет у того, что не есть вид рода, а имеется только у видов: ведь виды, надо полагать, обозначаются не как сущности по причастности [другому], не как состояния [другого] и не как приводящее» (Там же. С. 192).
- ⁴ Michael T. Ghiselin, *Metaphysic and the Origin of Species* (Albany, NY: State University of New York, 1997), p. 78.
- ⁵ Более полное обсуждение онтологических и эпистемологических аспектов фазового пространства см.: Manuel DeLanda, *Intensive Science and Virtual Philosophy* (London: Continuum, 2002), Ch. 1.
- ⁶ Наиболее полные рассуждения Делёза о диаграммах см.: Делёз Ж. Фуко / пер. с фр. Е. В. Семиной. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. С. 59–68, 98–100.

Структуру пространства возможностей иногда называют «множеством», что во французском эквивалентно «многообразию», а в дифференциальной геометрии пространств используется в конструировании фазового пространства. Иногда Делёз употребляет термины «множество» и «диаграмма» как синонимы. Таким образом, он говорит, что «всякая диаграмма представляет собой пространственно-временное множество» (Там же. С. 60). Но он также использует альтернативные формулировки, не имеющие отношения к фазовому пространству. Так он определяет диаграмму как изображение силовых отношений или распределение способностей оказывать воздействие и испытывать его (Там же. С. 100). Поскольку способности могут существовать не будучи проявленными (то есть поскольку они могут существовать как возможности), они формируют пространство возможностей, и диаграмма будет изображать любую структуру, которой обладает данное пространство. В других местах делёзовское определение отклоняется от этой «пространственной» формулировки. Он утверждает, что в отличие от ассамбляжа, в котором материальные и экспрессивные роли (или содержание и форма выражения) четко разграничены, диаграмма ассамбляжа включает в себя *неформализованные функции и неоформленную материю*. Это означает, что диаграммы имеют абстрактную структуру, в которой экспрессивное и материальное не различено; это различие возникает, только когда диаграмма актуализована по разным направлениям в конкретных ассамбляжах. Диаграмму можно понимать, таким образом, как продукт полной детерриторизации конкретного ассамбляжа, поскольку различие между

материальным и экспрессивным проводится в ходе противоположного процесса (территоризации или актуализации). См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато : Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я. И. Свирского. Екб. : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. С. 237–238.

Наконец, хотя иногда «множественность» и «диаграмма» взаимозаменяемы, иногда они отсылают к различным сущностям: структура пространства возможностей, с одной стороны, и инстанция, ответственная за абсолютную детерриторизацию, абстрактная машина или квазипричинный оператор, — с другой. Более подробное объяснение этих понятий и отношения между ними см. в: DeLanda, *Intensive science and virtual philosophy*, Chs 2 and 3.

- 2 Так как Делёз не придерживается разномасштабной социальной онтологии, которую я разрабатываю в данной книге, он никогда не говорит, что каждая из этих сущностей (межличностные сети, институты, города и т. д.) имеют свою собственную диаграмму. Наоборот, он утверждает, что диаграмма «равнообъемна социальному полю» (Делёз Ж. Фуко. С. 60). В качестве примеров «социального поля» он называет современные «дисциплинарные общества», «суверенные общества», существовавшие до них, «примитивные общества», «феодалные общества» и т. д. (Там же. С. 61). В предлагаемой мной здесь социальной онтологии нет такой вещи как «общество как целое» или совокупного «социального поля», так что я довольно радикально отмежевываюсь в этом от Делёза.

Это означает, что термины «микро» и «макро» в том смысле, в каком они используются в данной книге, не соответствуют делёзовскому «молекулярному» и «молярному». Но некоторое соответствие все же может быть достигнуто: на каждом уровне масштаба у нас могут быть, с одной стороны, популяции микросущностей, — популяции, характеризующиеся интенсивными свойствами, такими как темпы роста или скорость, с которой компоненты распространяются в них; и, с другой стороны, некоторые члены этих популяций могут быть захвачены более крупными макросущностями, с высокой степенью регуляции и рутинизации. Принадлежащие популяции сущности можно понимать как «молекулярные», в то время как сущности, включенные в более крупные совокупности, будут «молярными», особенно если макросущность в высокой степени территориярована. Эти оговорки смягчают различия, но не устраняют их вовсе. О молекулярном и молярном см.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. С. 355–356.

- 8 Max Weber, *The Theory of Social and Economic Organization* (New York: Free Press of Glencoe, 1964), pp. 328–60.
- 9 William Bechtel and Robert C. Richardson, *Discovering Complexity. Decomposition and Localization Strategies in Scientific Thought* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993), pp. 52–59.
- 10 Делёз Ж. Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. М. : Академический Проект, 2011. С. 222. С другой стороны, иногда Делёз пишет о диаграммах так, как если бы они сами были причинами, следствиями которых являются ассамбляжи. Например, он пишет: «...диаграмма действует как имманентная и неунифицирующая причина... причина внутренней организации конкретных взаимодействий» (Делёз Ж. Фуко. С. 63).

- 11 «В последние десять лет социология воскресила старую дилемму в новой форме, — форме, которая, к сожалению, мало что сделала для решения самой дилеммы. Вечный конфликт между индивидуалистическими и коллективистскими теориями был пересмотрен как конфликт между микросоциологией и макросоциологией... Я бы хотел начать с предположения, что приравнивание „микро“ к индивидуальному чрезвычайно неудачно, равно как и попытка найти какую-либо основывающуюся на размере взаимосвязь между „микро“ и „макро“. Не может быть эмпирических референтов „микро“ и „макро“ как таковых. Это аналитическое противопоставление, предполагающее возникновение уровней в рамках эмпирических единиц, а не из противопоставления единиц друг другу» (Jeffrey C. Alexander, 'Action and its environments', Jeffrey C. Alexander, Bernhard Giesen, Richard Münch, Neil J. Smelser [eds], *The Micro-Macro Link*. [Berkeley, CA: University of California Pres, 1987], pp. 290–291).
- В том же издании другой социолог пишет: «Фундаментальное различие между „микро“ и „макро“ должно быть общим и аналитическим, а не привязанным к определенному случаю. Так человеческие индивиды, домашние хозяйства или предприятия малого бизнеса не могут по умолчанию приниматься за явления микромасштаба, а общество, нация или экономика исключительно за макроявления. „Микро“ и „макро“ определяются относительно друг друга, в частности в аналитических целях. Положение или роль конкретного члена семьи, взятое в целом, может иметь макромасштаб по сравнению с отношением данного члена к конкретному родственнику, но микромасштаб по сравнению с его ролью в системе брачного обмена; институт брака, в свою очередь, может быть макроявлением по отношению к мифическому циклу. Удовлетворенность сотрудника работой может носить макрохарактер относительно психологического давления, которому подвергаются его или ее дети, но „микро“ — относительно качества его или ее работы. Это последнее, в свою очередь, может быть макроявлением относительно морального духа или эффективности предприятия, которые, в свою очередь, являются „микро“ относительно конкуренции, разворачивающейся в индустрии, или деловых циклов национальной или международной экономики, которые тем не менее будут явлениями микромасштаба относительно идеологического духа поколения» (Dean R. Gerstein, 'To unpack micro and macro: link small with large and part with whole', *ibid.*, p. 88).
- 12 Roy Bhaskar, *A Realit Theory of Science* (London: Verso, 1997), p. 114. Хотя реализм Бхаскара в ряде аспектов крайне близок делёзовскому [реализму], они несопоставимы, поскольку Бхаскар провозглашает себя эссенциалистом: «В целом выделение в науке класса вещей и именование их одним словом предполагает, что эти вещи обладают реальной Сущностью, или общей природой, но это не означает, что реальная Сущность, или природа, нам известна... Химик отнесет к одному классу алмаз, графит и черный уголь, потому что он верит, что они имеют общую реальную Сущность, которую можно определить как атомную (или электронную) структуру углеродного материала» (*ibid.*, p. 210).
- 13 Peter Hedström, Richard Swedberg, 'Social mechanisms: an introductory essay', in *Social Mechanisms. An Analytical Approach to Social Theory*, (eds) Peter

Hedström and Richard Swedberg (Cambridge: Cambridge University Press, 1998), pp. 22–23. Авторы предлагают механизмы трех типов: макро-микро, микро-микро и микро-макро. Первый тип фигурировал бы в объяснении отношений между социальными ситуациями, вовлекающими крупные социальные феномены (такие как распределение доходов или власти в популяции) и индивидуальных социальных акторов. Крупномасштабный процесс может, например, создавать различные возможности и риски для различных акторов, которые должны учитывать эти возможности и риски в качестве побуждающих их к действиям причин. Второй тип отсылает к социально-психологическим механизмам, то есть к ментальным процессам, объясняющим принятие определенных решений (в случае мотивов) или к процессам, стоящим за формированием привычек, производством эмоций или обретением убеждений (в случае побуждений). Наконец, третий тип отсылает к механизмам, управляющим взаимодействиями между индивидуальными акторами, производящими коллективные результаты.

Проблема состоит в том, что термины «микро» и «макро» используются в абсолютном смысле, где «микро» отсылает к человеческим индивидам, а «макро» означает общество как целое. Но в теории ассамблежей различие между микро- и макроуровнями относительно. Релятивизация различия предполагает, что второй тип механизма, микро-микро, можно устранить, поскольку в любом масштабе он сводим к микро-макро типу *в непосредственно идущем за ним меньшем масштабе*. То же происходит с механизмом, который мы бы обозначили как макро-макро. Когда «макро» относится к «тотальному обществу», нет необходимости рассматривать взаимоотношения между целостностями. Но как только различие релятивизируется, мы должны принять во внимание, что целостности, состоящие из человеческих индивидов, такие как межличностные сети или институциональные организации, могут взаимодействовать между собой именно как целостности. Однако термин макро-макро не является необходимым, поскольку он сводится к микро-макро типу *в непосредственно идущем за ним большем масштабе*.

- 14 Mark Granovetter, *Getting a Job: A Study of Contrasts and Careers* (Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995).
- 15 David Krackhardt, 'The strength of strong ties: the importance of philos in organizations', in *Networks and Organizations*, (eds) Nitin Nohria and Robert G. Eccles (Boston, MA: Harvard Business School Press, 1992), pp. 218–219.
- 16 Fernand Braudel, *The Wheels of Commerce* (New York: Harper & Row, 1979), p. 30.
- 17 Существует множество разногласий относительно того, когда именно в истории Европы цены начали определяться безлично, а не решениями феодалов. Бродель утверждает, что все «свидетельства относительно цен начала XII века указывают на их колебания, что говорит о существовании в то время „современных рынков“, которые могли эпизодически быть связываемы в зачаточные межгородские сети» (*ibid.*, p. 28).
- 18 Alan Garfinkel, *Forms of Explanation* (New Haven, CT: Yale University Press, 1981), pp. 58–62.
- 19 Как утверждает социолог Энтони Гидденс, в отличие от компонентов физических сущностей с эмерджентными свойствами (таких как бронза —

металлический сплав, имеющий свойства большие, чем сумма свойств его частей: меди, олова и иногда свинца), части социальных ассамблей редко встречаются в чистом виде. Легко себе представить составные части бронзы, существующие отдельно до соединения в сплаве, «однако являясь признанными „правомочными деятелями“, индивиды не существуют отдельно друг от друга, подобно меди, олову и свинцу. Они не объединяются *ex nihilo* (из ничего), дабы сформировать посредством своей интеграции нечто новое» (Гидденс Э. Устроение общества : Очерк теории структуризации / пер. с англ. И. Тюриной. 2-е изд. М. : Академический проект, 2005. С. 251).

Гидденс прав в критике ограниченной [версии] концепции эмерджентности, которая позволяет говорить только о первоначальном возникновении. Но он ошибается, думая, что отказ от этой концепции предполагает отказ от отношения части-к-целому в пользу бесшовной сети. Дюркгейм использовал пример бронзы в защиту существования социальных эмерджентных свойств. См.: Emil Durkheim, *The Rules of Sociological Method* (New York: The Free Press, 1982), p. 39.

²⁰ Paul DiMaggio, 'Nadel's paradox revisited: relational and cultural aspects of organizational structure', in *Networks and Organizations*, p. 132.

²¹ Jeffrey L. Pressman and Aaron Wildavsky, *Implementation* (Berkeley, CA: University of California Press, 1984), p. 92.

²² Эта способность функционировать в разных масштабах особенно удивительна в том смысле, что и генетические, и лингвистические материалы «более микро», чем любые сущности, частями которых они являются. Но Делёз и Гваттари видят в этой «молекуляризации» экспрессивности в точности то, что наделяет гены и слова способностью производить более сложные отношения между «микро» и «макро». См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. С. 99.

²³ Peter L. Berger, Thomas Luckmann, *The Social Construction of Reality* (New York: Anchor Book, 1967).

Глава 3

¹ «Все перцепции [восприятия] человеческого ума сводятся к двум отличным друг от друга родам, которые я буду называть *впечатлениями* (*impressions*) и *идеями*. Различие между последними состоит в той степени силы и живости, с которой они входят в наш ум и прокладывают свой путь в наше мышление или сознание. Те восприятия, которые входят [в сознание] с наибольшей силой и неудержимостью, мы назовем *впечатлениями*, причем я буду подразумевать под этим именем все наши ощущения, аффекты и эмоции при первом их появлении в душе. Под *идеями* же я буду подразумевать слабые образы этих впечатлений в мышлении и рассуждении» (Юм Д. Трактат о человеческой природе / пер. с англ. С. И. Церетели // Соч. в 2-х т. 2-е изд. М. : Мысль, 1996. Т. 1. С. 62).

² Там же. С. 458 — перевод изменен.

³ На самом деле Юм проводит различие между отношениями, которые могут измениться без всякого изменения в идеях (смежность, сходство,

причинность), и обратными им (сходство, противоречие, степени качества и соотношение количества), что противоречит утверждению о том, все связи между идеями — это отношения экстерниорности. По утверждению Делёза это не совсем так. Четыре отношения, зависящие от идей, предполагают сравнение, то есть операцию, внешнюю по отношению к сравниваемым идеям. См.: Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность; Критическая философия Канта; Бергсонизм; Спиноза / пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: ПЕР СЭ, 2001. С. 103.

- 4 Юм Д. Тракта́т о человеческой природе. С. 72.
- 5 Делёз пишет: «Если принципы ассоциации объясняют, что идеи ассоциируются, то только принципы аффекта могут объяснить, что именно эта идея, а не какая-то другая, ассоциируется в данный момент... Все происходит так, как если бы принципы ассоциации сообщали субъекту его необходимую форму, тогда как принципы аффекта наделяли его единичным содержанием». Делёз Ж. Эмпиризм и субъективность. С. 109–110.
- 6 Там же. С. 102–103. Здесь Делёз противопоставляет «ассамбляж, или собрание» «системе». Такое же противопоставление он проводит в более поздних работах между «ассамбляжами» и «стратами». Как я писал в первой главе, я предпочитаю рассматривать это противопоставление не как дихотомию между двумя типами, а как третье характерное для ассамблежной измерение с более высококодированными ассамбляжами, коими и являются «страты».
- 7 Юм Д. Тракта́т о человеческой природе. С. 328.
- 8 Там же. С. 64.
- 9 Там же. С. 310.
- 10 По поводу эффектов сумасшествия см.: Там же. С. 177.
- 11 Там же. С. 229.
- 12 Наиболее известные критики комбинаторной бедности ассоцианизма — Джерри Фодор и Зенон Пылишин: Jerry A. Fodor and Zenon W. Pylyshyn, 'Connectionism and cognitive architecture: a critical analysis', in John Haugeland (ed.), *Mind Design II. Philosophy, Psychology and Artificial Intelligence* (Cambridge, MA: MIT Press, 1997), pp. 309–350.
Недавние дискуссии вокруг ассоцианизма см.: William Bechtel and Adele Abrahamsen, *Connectionism and the Mind. An introduction to Parallel Distributed Processing in Networks* (Cambridge, MA, and Oxford: Basil Blackwell, 1991), pp. 101–102; Andy Clark, *Microcognition. Philosophy, Cognitive Science and Parallel Distributed Processing* (Cambridge, MA: MIT Press, 1990), pp. 143–151.
- 13 Зеллиг Харрис предложил грамматическую теорию, которая отвечает требованиям комбинаторной продуктивности: Zellig Harris, *A Theory of Language and Information: A Mathematical Approach* (Oxford: Clarendon Press, 1981). Историю развития языков и диалектов, основанную на идеях Зеллига Харриса, я привожу в третьей главе книги Manuel DeLanda, *A Thousand Years of Nonlinear History* (New York: Zone Books, 1997).
- 14 Вера «лишь может придать нашим идеям большую силу и живость» (Юм Д. Тракта́т о человеческой природе. С. 153 — перевод изменен).

- 15 Там же. С. 154.
- 16 Гофман Э. Ритуал взаимодействия : Очерки поведения лицом к лицу / пер. с англ. С. С. Степанова и Л. В. Трубицкой. М. : Смысл, 2009. С. 13. (Курсив мой — М. Д.)
- 17 Там же. С. 34.
- 18 Там же. С. 127.
- 19 Там же. С. 50–51.
- 20 Там же. С. 127.
- 21 Аналитические философы, будучи десятилетиями одержимыми синтаксисом и семантикой, начинают оглядываться по сторонам и всерьез подумывать над этим прагматическим измерением. Так, анализируя термин «социальный конструкт», Ян Хакинг намеренно вместо вопроса «в чем состоит его семантическое содержание?» задается вопросом «в чем его смысл?» (то есть в чем его значимость?). См.: Ian Hacking, *The Social Construction of What?* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000), p. 5. Тезис о том, что вопросы об означивании не идентичны вопросам о значимости, представлен в: Denis C. Phillips, *Philosophy, Science, and Social Inquiry* (Oxford: Pergamon Press, 1987), p. 109.
- 22 Гофман Э. Ритуал взаимодействия. С. 196–198.
- 23 Там же. С. 254–255.
- 24 John Scott, *Social Network Analysis* (London: Sage Publications, 2000), pp. 11, 31 and 75.
- 25 Ibid., pp. 70–73.
- 26 Ibid., p. 12.
- 27 Ibid., p. 79. См. также: Graham Crow, *Social Solidarities* (Buckingham: Open University Press, 2002), pp. 52–53.
- 28 Ibid., pp. 119–120.
- 29 О местных диалектах как символах идентичности см.: William Labov, 'The social setting of linguistic change', in *Sociolinguistic Patterns* (Philadelphia, PA: University of Pennsylvania Press, 1972), p. 271.
- 30 Crow G. *Social Solidarities*, pp. 128–129.
- 31 Ibid. pp. 86–88.
- 32 Charles Tilly, *Stories, Identities, and Political Change* (Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2002), pp. 28–29.
- 33 Charles Tilly, *Durable Inequality* (Berkeley, CA: University of California Press, 1999), p. 66.
- 34 Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип : Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екб. : У-Фактория, 2007. С. 231–232, 245–246.
- 35 Charles Tilly, *Stories, Identities, and Political Change*, p. 12. Пожалуй, на сегодняшний день Тилли является наиболее последовательным защитником реализма в социальной теории, несмотря на то, что его страх перед Сущностями позволил придерживаться лишь выхолащенной версии реализма. Он называет себя «реляционным реалистом», то есть тем, кто верит в существование независимых от сознания отношений, а не сущностей, которые вступают в эти отношения, однако нехотя он признает

существование людей с их физиологическими потребностями. Устойчивые сущности, с его точки зрения, предполагают Сущности и потому в меньшей степени заслуживают внимания. Как он говорит, социальные объяснения могут приводиться как в терминах Сущностей, так и в терминах связей. См.: Tilly, *Durable Inequality*, p. 45.

Но в первую очередь стоит отметить, что приверженность сущностям вовсе не должна включать в себя Сущности, если сущности мы понимаем с точки зрения процесса, их производящего. Во-вторых, хотя социальные взаимодействия относительноны в том смысле, что способности, реализуемые социальными акторами, не сводятся к характерным свойствам акторов: способности зависят от существования этих устойчивых свойств и тем самым от существования устойчивых сущностей. Наконец, подчиняя сущности отношениям, мы приближаемся к постулированию отношений интериорности, то есть целостностей, чьи части конституируются производящими их отношениями.

36 Ibid., p. 90.

37 Ibid., p. 54.

38 Ibid., p. 89.

39 Ibid., pp. 106–107.

40 Ibid., pp. C.52–53.

41 Ibid., pp. C.105–106.

42 Tilly, *Stories, Identities, and Political Change*, pp. 102–103.

43 «В строгом смысле слова ни одна популяция, большая, чем местное сообщество, не способна поддерживать последовательную систему стратификации; даже так называемые кастовые системы Индии сильно варьировались от деревни к деревне. В целом порядки ранжирования остаются непоследовательными; выделенные страты в существенной степени неоднородны; разделяющие границы размываются мобильностью» (ibid., pp. 28–29).

44 «Идея различия, или разрыва, лежит в основании самого понятия пространства, то есть набора различимых и совместимых позиций, внешних по отношению друг к другу и определяемых отношением друг к другу посредством их взаимной экстериорности и дистанцией, близостью или отдаленностью, а также посредством отношений порядка, таких как выше, ниже или между. Определенные свойства представителей мелкой буржуазии, например, можно вывести из того факта, что они занимают промежуточную позицию между двумя крайними, при этом не будучи объективно идентифицируемыми или субъективно идентифицированными с той или другой позицией» (Pierre Bourdieu, *Practical Reason* [Stanford, 1998], CA: Stanford University Press, p. 6; курсив оригинала).

45 Бурдьё П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбова и др. СПб.: Алетейя, 2001. С. 104. (Курсив мой — М. Д.)

46 Там же. С. 106. Более обширную информацию о габитусе в рамках теории ассамбляжей предоставит топологическая диаграмма множества привычек и рутинных действий, формирующих человеческих индивидов, то есть структура пространства возможностей для различных комбинаций привычек и навыков.

- ⁴⁷ «Что касается социального мира, неокантианство, которое придает языку (и на более общем уровне репрезентациям) особую символическую эффективность в конструировании реальности, полностью оправдано. Структурируя восприятие социальных агентов, акт именования помогает установить структуру этого мира» (Pierre Bourdieu, *Language and Symbolic Power* [Cambridge: Harvard University Press, 1991], p. 105).
- ⁴⁸ Tilly, *Durable Inequality*, p. 76.
- ⁴⁹ *Ibid.*, p. 36.

Глава 4

- ¹ Max Weber, *The Theory of Social and Economic Organization* (New York: Free Press of Glencoe, 1964), p. 331.
- ² *Ibid.*, pp. 328–336.
- ³ *Ibid.*, p. 348.
- ⁴ *Ibid.*, p. 359.
- ⁵ Как пишет Вебер, даже в наиболее рациональных бюрократиях сама «вера в законность создается и воспроизводится, что означает, что она отчасти принадлежит традиции» (*ibid.*, p. 382).
- ⁶ James S. Coleman, *Foundations of Social Theory* (Cambridge, MA: Belknap Press, 2000), p. 66.
- ⁷ «Больной рабочий должен отправиться к врачу и пройти утвержденные медицинские процедуры; то, насколько эффективным будет лечение, уже не столь важно. Автобусная компания должна обеспечивать исправное движение на линии независимо от того, сколько людей пользуются данными маршрутами. Университет должен поддерживать работу факультетов независимо от численности набора студентов. Эти действия имеют ритуальную значимость: они поддерживают образ и законный статус организации» (John W. Meyer and Brian Rowan, 'Institutionalized organizations: formal structures as myth and ceremony', in Walter W. Powell and Paul J. DiMaggio [eds], *The New Institutionalism in Organizational Analysis* [Chicago, IL: University of Chicago Press, 1991], p. 55).
- ⁸ W. Richard Scott and John W. Meyer, 'The organization of societal sectors: propositions and early evidence', in Powell and DiMaggio (eds), *The New Institutionalism in Organizational Analysis*, p. 124. Несмотря на то, что эта неoinституциональная социологическая работа ценна насколько это возможно, в определенном смысле она все же обладает изъяном: она опирается на социальный конструктивизм и его идеалистическую онтологию. Таким образом, несмотря на очевидное признание важности технических вопросов в работе определенных организаций, в конечном счете то, что «считается техническим», представляет собой просто-напросто конвенцию, то есть вопрос состоит в определении, в положении, делающем различие между техническими и церемониальными факторами бессмысленным.
- ⁹ Фуко М. Надзирать и наказывать : Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М. : Ad Marginem, 1999. С. 247.

- ¹⁰ Там же. С. 250.
- ¹¹ Там же. С. 224.
- ¹² Там же. С. 285–286.
- ¹³ Там же. С. 281.
- ¹⁴ Там же. С. 278.
- ¹⁵ Weber, *The Theory of Social and Economic Organization*, p. 363.
- ¹⁶ Применяя ассамбляжный анализ к работам Фуко, Делёз указывает на здания больниц и тюрем как материальный компонент (или «форму содержания») и на медицинские и криминологические дискурсы как экспрессивный компонент (или «форму выражения»). См.: Делёз Ж. Фуко. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. С. 89.
- ¹⁷ Jeffrey Pfeffer and Gerald R. Salancik, *The External Control of Organizations. A Resource Dependence Perspective* (Stanford, CA: Stanford University Press, 2003), pp. 48–50.
- ¹⁸ Ibid., pp. 48–50.
- ¹⁹ Ibid., p. 51. Несмотря на эти важные открытия, в теории ресурсной зависимости есть большой изъян. Рассуждая о том, как организация (или ее администрация) «воспринимает» отношения с другими организациями, авторы ссылаются на социальный конструктивизм, что приводит к идеалистическому заключению о том, что среда в организации создана из тех отношений, на которые она обращает особое внимание. Они пишут об этом следующим образом: «Понимание того, что в создании или активации организации участвовали процессы, связанные с вниманием, сдвигает фокус с характеристик объективной среды на характеристики процессов принятия решений, посредством которых организации отбирают нужную им информацию» (ibid., p. 74). Но почему может возникнуть желание сместить фокус внимания с объективного распределения возможностей и рисков, предлагаемых средой? Лишь удерживая различие между реальными возможностями заполучить ресурсы (или реальным риском потерять автономию) и осознанием возможности или невозможности организации обладать ими, можно говорить об «упущенных возможностях» (или о «недооцененных рисках») и следствиях, которыми эти просчеты чреваты для способности организации справляться с реальными зависимостями. Понятие «активированной среды» довольно бесполезно, но тот факт, что часть теории ресурсной зависимости, завязанная на социальном конструктивизме, может легко быть отделена от других частей теории, показывает, что ее роль скорее церемониальная, чем техническая.
- ²⁰ Ibid., Ch. 6.
- ²¹ Walter W. Powell, 'Neither market nor Hierarchy. Network forms of organization', in Michael Handel (ed.), *The Sociology of Organizations* (Thousand Oaks, CA: Sage, 2003), p. 326.
- ²² John R. Mukirs and James I. Sturgeon, 'Oligopolistic cooperation: conceptual and empirical evidence of market structure evolution', in Marc R. Tool and Warren J. Samuels (eds), *The Economy as a System of Power* (New Brunswick, NJ: Transaction Press, 1989).

- ²³ Paul M. Hohenberg and Lyn Hollen Lees, *The Making of Urban Europe 1000–1950* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985), p. 202.
- ²⁴ Michael Best, *The New Competition* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1990), pp. 14–15.
- ²⁵ Ibid., p. 205.
- ²⁶ Annalee Saxenian, *Regional Advantage. Culture and Competition in Silicon Valley and Route 128* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1996), pp. 2–3.
- ²⁷ Pfeffer and Salancik, *The External Control of Organizations*, pp. 94–95.
- ²⁸ Best, *The New Competition*, pp. 239–240.
- ²⁹ Howard T. Odum and Elizabeth C. Odum, *Energy Basis for Man and Nature* (New York: McGraw-Hill, 1981), p. 41.
- ³⁰ Saxenian, *Regional Advantage*, pp. 34–36.
- ³¹ Pfeffer and Salancik, *The External Control of Organizations*, pp. 178–179.
- ³² Walter W. Powell and Paul J. DiMaggio 'The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational field', in Powell and DiMaggio (eds), *The New Institutionalism in Organizational Analysis*, pp. 71–72.
- ³³ Michael T. Hannan and John Freeman, *Organizational Ecology* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989), p. 66.
- ³⁴ Oliver E. Williamson, 'Transaction cost economics and organization theory', in Oliver E. Williamson (ed.), *Organization Theory* (New York: Oxford University Press, 1995), p. 223.
- ³⁵ Oliver E. Williamson, 'Chester Barnard and the incipient science of organization', *ibid.*, p. 196. Порой фокус представителей неoinституциональной экономики слишком узок (с возможностью выбора лишь между производством и продажей, между внутренними иерархиями и внешним рынком), так что он не способен охватить все возможные ресурсные взаимозависимости. В частности, разделение труда между организациями одного размера (то есть при отсутствии отчетливого доминирования более крупной компании) может привести к специализации на определенных продуктах или действиях, которые не являются схожими, но скорее взаимодополняющими. Так, у компаний появляется дополнительная возможность выбора не только между производством и продажей, но между производством и кооперацией. Появляющиеся в результате взаимозависимости могут привести к альянсам и партнерствам, основанным на контрактах транспортировки, обмена или объединения технологий, стандартов и даже персонала. См G.B. Richardson, 'The organization of industry', in Peter J. Buckley and Jonathan Michie (eds), *Firms, Organizations and Contracts* (Oxford: Oxford University Press, 2001), pp. 59–63.
- ³⁶ Terry M. Moe, 'The politics of structural choice: toward a theory of public bureaucracy', in *Organization Theory*, p. 125.
- ³⁷ Best, *The New Competition*, p. 82.
- ³⁸ Jeffrey L. Pressman and Aaron Wildavsky, *Implementation* (Berkeley, CA: University of California Press, 1984), Ch. 5.
- ³⁹ Daniel A. Mazmanian and Paul A. Sabatier, *Implementation and Public Policy* (Lanham, MD: University Press of America, 1989), p. 9.
- ⁴⁰ B. Dan Wood and Richard W. Waterman, *Bureaucratic Dynamics* (Boulder, CO: Westview Press, 1994), pp. 22–30.

- 41 Pfeffer and Salancik, *The External Control of Organizations*, pp. 210–211.
- 42 Charles Tilly, *Stories, Identities, and Political Change* (Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2002), p. 13.
- 43 Hannu Nurmi, *Comparing Voting Systems* (Dordrecht: D. Reidel, 1987), pp. 2–3.
- 44 James O. Freedman, *Crisis and Legitimacy. The Administrative Process and American Government* (Cambridge: Cambridge University Press, 1978), pp. 16–19.
- 45 Ibid., pp. 44–46.
- 46 Ibid., pp. 129–120, 161–176.
- 47 Wood and Waterman, *Bureaucratic Dynamics*, pp. 33–37.
- 48 Ibid., p. 144.
- 49 Rolf Torstendahl, *Bureaucratization in Northwestern Europe, 1880–1985* (London: Routledge, 1991), pp. 203–216.
- 50 David Sanders, *Patterns of Political Instability* (London: Macmillan, 1981), pp. 5–10.
- 51 «Хотя некоторое несоответствие между предписанными законом целями и политическими решениями почти неизбежно (как минимум вследствие несогласий вокруг приложения общих правил к конкретным ситуациям), такие различия могут быть существенно уменьшены, если цели, оговариваемые в законе, однозначны; их реализация отводится учреждениям, для которых они являются приоритетными; право на вето сводится к минимуму и предусматривается система поощрений (таких как субсидии и компенсации в иных регламентируемых текущей политикой сферах) для преодоления сопротивления непокорных представителей власти; предоставляются достаточные финансовые ресурсы для проведения технического анализа и рассмотрения отдельных дел; происходит отход от решающих правил и оценивания в пользу программных целей» (Mazmanian and Sabatier, *Implementation and Public Policy*, p. 36).
- 52 Douglass C. North, *Institutions, Institutional Change and Economic Performance* (New York: Cambridge University Press, 1995), pp. 120–131.
- 53 Tilly, *Stories, Identities and Political Change*, p. 129.
- 54 T. K. Oommen, *Citizenship, Nationality, and Ethnicity* (Cambridge: Polity Press, 1997). О типах национализма, исходящих из государства (*state-led*) и стремящихся к нему (*state-seeking*) (p. 34) и о смешении этих типов в определенных случаях (pp. 135–145).

Глава 5

- 1 Robert E. Park, 'The city: suggestions for investigation of human behavior in the urban environment', in Robert E. Park and Ernest W. Burgess (eds), *The City* (Chicago, IL: University of Chicago Press, 1984), pp. 4–6.
- 2 Гидденс Э. Устроение общества : Очерк теории структуризации / пер. с англ. И. Тюриной. 2-е изд. М. : Академический проект, 2005. С. 185–186. Понимание регионализированных локальностей Гидденсом схоже с пониманием концепта территории у Делёза и Гваттари: данный концепт они разрабатывали в отношении территорий животных, но он не ограничивается этим примером. Чтобы разглядеть эту параллель, нам необходимо добавить к понятию Гидденса (рассмотренному в терминах ритма и

рутины) экспрессивную разметку границ. В этом смысле территория — это «действие ритма, ставшего выразительным».

Ср.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато : Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я. И. Свирского. Екб. : У-Фактория ; М. : Астрель, 2010. С. 525. Фактически есть три элемента в определении территориального ассамбляжа. Необходим «блок пространства-времени, конституируемый периодическим повторением компонент» (Там же. С. 520), который превращается в территорию посредством обозначения ее границ, круга, очерчивающего «такой сомнительный и хрупкий центр» и организующего «ограниченное пространство» (Там же. С. 517). Помимо ритма и границ, должна быть возможность разомкнуть круг, вырваться из дома через дыру в границе. Это, разумеется, соотносится с процессом детерриторизации, открывающим перед ассамбляжем будущие возможности или даже изменения идентичности.

³ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. : В 3-х т. Т. 1 : Структуры повседневности : Возможное и невозможное / пер. с фр. Л. Е. Куббея. М. : «Прогресс», 1986. Т. 1. С. 288.

⁴ James E. Vance Jr, *The Continuing City, Urban Morphology in Western Civilization* (Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1990), pp. 24–25.

⁵ Бродель Ф. Структуры повседневности. С. 229–330.

⁶ Vance Jr, *The Continuing City. Urban Morphology in Western Civilization* (Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1990), p. 416.

⁷ Ibid., p. 378.

⁸ Бродель Ф. Структуры повседневности. С. 332.

⁹ Там же. С. 338.

¹⁰ Там же. С. 346–347.

¹¹ Фуко М. Надзирать и наказывать : Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова. М. : Ad Marginem, 1999. С. 251.

¹² Гидденс Э. Устроение общества. С. 227.

¹³ Vance Jr, *The Continuing City*, p. 175.

¹⁴ Ibid., pp. 120 and 184–185. «Центральная морфологическая истина, усвоенная в бастидах, состояла в том, что удобная и пропорциональная планировка города — одно из наиболее точных выражений функционального равенства и мощная опора в обороне города» (ibid., p. 200).

¹⁵ Ibid., pp. 36–37.

¹⁶ Как показал экономист Томас Шеллинг, динамика, стоящая за этими процессами, определяется людьми, реагирующими на среду, которая состоит из людей, реагирующих друг другу: при условии, что группа людей предпочитает жить в непосредственной близости к схожим группам, каждое решение о въезде или выезде из района изменит сам район, оказывая влияние на будущие решения тех, кто живет в нем, и тех, кто желает в нем поселиться. См.: Thomas C. Schelling, *Micromotives and Macrobehaviours* (New York: Norton, 1978), Ch 4.

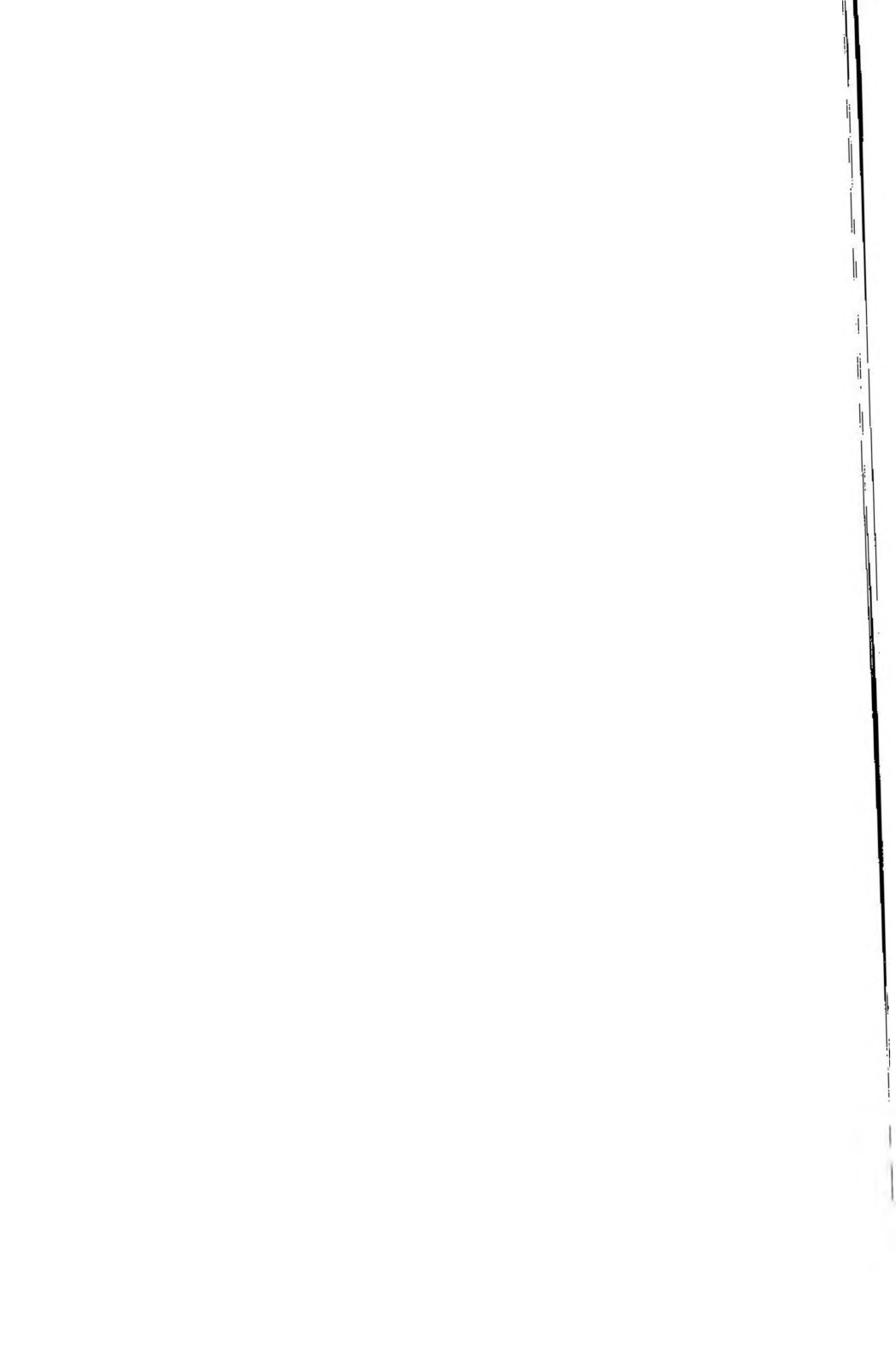
Robert E. Park, 'The City', in *The City*, p. 9.

Vance Jr, *The Continuing City*, p. 316.

¹⁷ Ernest W. Burgess, 'The growth of the city', in *The City*, p. 50.

- 20 Paul M. Hohenberg and Lynn Hollen Lees, *The Making of Urban Europe 1000–1950* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1985), p. 299.
- 21 Vance Jr, *The Continuing City*, p. 409.
- 22 Ibid., pp. 412–413.
- 23 Ibid., pp. 74–77.
- 24 Бродель Ф. Структуры повседневности. С. 520–522.
- 25 Там же. С. 517.
- 26 Masahisa Fujita, Paul Krugman and Anthony J. Venables, *The Spatial Economy. Cities, Regions, and International Trade* (Cambridge, MA: MIT Press, 1999), С. 4. См. также: Peter M. Allen, *Cities and Regions as Self-Organizing Systems* (Amsterdam: Gordon & Breach, 1997), С. 27.
- 27 Vance Jr, *The Continuing City*, p. 373.
- 28 Делёз и Гваттари рассматривают ритмически повторяющиеся мотивы и контрапункты, создаваемые с внешней средой, как два пути, следуя которым экспрессивные компоненты самоорганизуются в территориальные ассамбляжи (в том числе ассамбляжи животных), превращая то, что было просто сигнатурой, в стиль. См.: Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. С. 528–529.
- 29 Spiro Kostoff, *The City Shaped. Urban Patterns and Meanings throughout History* (London: Bullfinch Press, 1991), pp. 284–285.
- 30 Vance Jr, *The Continuing City*, p. 56.
- 31 Бродель Ф. Структуры повседневности. С. 318.
- 32 Vance Jr, *The Continuing City*, p. 502–504.
- 33 Hohenberg and Hollen Lees, *The Making of Urban Europe*, pp. 20–23 (о периоде с 1000 по 1300 годы); pp. 106–107 (1500–1800); pp. 217–220 (1800–1900).
- 34 Fujita et al., *The Spatial Economy*, p. 34.
- 35 Allen, *Cities and Regions as Self-Organizing Systems*, p. 53.
- 36 Hohenberg and Hollen Lees, *The Making of Urban Europe*, pp. 51–54.
- 37 Ibid., p. 240.
- 38 Fernand Braudel, *The Perspective of the World* (New York: Harper & Row, 1979), pp. 27–31.
- 39 Hohenberg and Hollen Lees, *The Making of Urban Europe*, p. 66.
- 40 Braudel, *The Perspective of the World*, pp. 30–31.
- 41 Hohenberg and Hollen Lees, *The Making of Urban Europe*, p. 6.
- 42 Ibid., p. 281.
- 43 Paul Kennedy, *The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000* (New York: Random House, 1987), pp. 70–71.
- 44 J. Craig Baker, *International Law and International Relations* (London: Continuum, 2000), pp. 5–8. О пятилетнем периоде переговоров см.: Geoffrey Parker, *The Thirty Years' War* (London: Routledge & Kegan Paul, 1987), pp. 170–178.
- 45 Kennedy, *The Rise and Fall of the Great Powers*, p. 86. (Курсив оригинала.)
- 46 Fernand Braudel, *The Wheels of Commerce* (New York: Harper & Row, 1979), pp. 544–555.
- 47 Ibid., p. 525. (Курсив мой — М. Д.)

- ⁴⁸ Бродель Ф. Структуры повседневности. С.561.
- ⁴⁹ Hohenberg and Hollen Lees, *The Making of Urban Europe*, p. 242.
- ⁵⁰ Kostoff, *The City Shaped*, pp. 211–215.
- ⁵¹ Ibid., p. 217.
- ⁵² Я предпринял попытку свести воедино все доступные материалы о политической теории языков и диалектов в своей книге: Manuel DeLanda, *A Thousand Years of Nonlinear History* (New York: Zone Books, 1997), Ch. 3.
- ⁵³ Christopher Duffy, *The Fortress in the Age of Vauban and Frederick the Great* (London: Routledge & Kegan Paul, 1985), p. 87.
- ⁵⁴ Peter J. Taylor, *Political Geography* (New York: Longman, 1985), pp. 113–115.
- ⁵⁵ Бродель вводит термин «мир-экономика» для описания Средиземноморья как гомогенной экономической зоны: Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3-х ч. Ч. 2 : Коллективные судьбы и универсальные сдвиги / пер. с фр. М. А. Юсима. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 91. Создание термина Бродель приписывает двум немецким исследователям в: Braudel, *The Perspective of the World*, p. 634.
- ⁵⁶ Валлерстайн И. Миросистемный анализ : Введение / пер. с англ. Н. Тюкиной. М. : Территория будущего, 2006. С. 65–74.
- ⁵⁷ Там же. С. 74. Макроредукционизм Валлерстайна имеет своим истоком гегельянские тотальности, которые Валлерстайн использует для концептуализации крупномасштабных социальных сущностей. См.: Immanuel Wallerstein, *The Capitalist World-Economy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1993), p. 4.
- ⁵⁸ Braudel, *The Wheels of Commerce*, p. 458.

Мануэль Деланда
НОВАЯ ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕСТВА
Теория ассамбляжей и социальная сложность

Научное издание

Издатели:

Дмитрий Вяткин

Яна Цырлина

Дизайн:

Наталья Сидорова

(особая благодарность *Сергею Клещеву*)

Верстка:

Дмитрий Вяткин

Издательство «Hyle Press»
614000, г. Пермь, ул. Ленина, д. 54
e-mail: hylepress@gmail.com

Подписано в печать 01.03.2018.
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Гарнитура PT Sans. Печать офсетная.
Тираж 850 экз.

Отпечатано:

АО «Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект,
дом 42, корпус 5
Тел.: 8 499-322-38-30

В своей книге американский философ Мануэль Деланда предлагает новый подход к онтологии общества. Для этого он обращается к теории ассамбляжей, концептуальный аппарат которой «рассеян» по произведениям Ж. Делёза и Ф. Гваттари. Ассамбляжи — это конструкции, или динамические отношения, существующие в виде автономных целостностей, которые состоят из гетерогенных частей любой природы, в свою очередь, также являющихся ассамбляжами. Будучи ассамбляжами, части и целостности обладают равной реальностью, и это налагает запрет как на сведение целого к сумме частей, так и на выведение частей из целого: любое отношение между ассамбляжами или «внутри» ассамбляжей — отношение внешнее. Применительно к обществу это позволяет Деланде избежать трех видов редукционизма: микроредукционизма, представляющего общество как совокупность атомизированных индивидов; макроредукционизма, утверждающего производность индивидов от стоящих над ними социальных структур; мезоредукционизма, допускающего существование промежуточного уровня, например праксиса, который определяет и индивидов, и структуры. Теория ассамбляжей сохраняет социальные сущности всех размеров — субличностные компоненты, людей, межличностные сети, правительственные организации, города и государства, — но описывает их расположение не-иерархически. Та или иная сущность может быть составной частью одного ассамбляжа, будучи одновременно частью другого ассамбляжа, который включает в себя первый ассамбляж уже в качестве своей составной части. Таким образом, картина социальной реальности, рисуемая Деландой, — это сосуществование на одной онтологической плоскости взаимно вложенных друг в друга популяций ассамбляжей. Чего нет в этой картине — так это сущностей как *essences*: водорода вообще, человека вообще, города вообще. Есть только сущности как *entities*, которые всегда историчны, конкретны и существуют в популяциях: популяция атомов водорода, популяция людей, популяция городов. Это своего рода затвердевшие сгустки процессов, стабилизировавших свои границы, которые когда-то были — или при определенных условиях вновь могут стать — проницаемы для изменений, диапазон которых определяется пространством возможностей ассамбляжа.

ISBN 978-5-9906611-9-6

9 785990 661196

